Annotation

Не позволяй отнять у себя веру.

За нее надо бороться всегда.

Кассиэль предал Мун и лишил ее возможности спасти брата и сестру. Ангелы заперли девушку в темнице под Дворцом Дожей без надежды на спасение. Мун пытается сбежать, но попадает в руки падшего архангела Люцифера. Теперь девушка вынуждена участвовать в испытаниях ключей – опасных состязаниях, которые должны определить, способна ли она стать одной из тех, кому под силу открыть райские врата. Это единственный шанс разрушить планы ангелов и защитить свою семью. Однако выжить в испытаниях может лишь сильнейший.

* * *

Мара Вульф

Пролог

Глава I

Глава II

Глава III

Глава IV

Глава V

Глава VI

Глава VII

Глава VIII

Глава IX

Глава X

Глава XI

Глава XII

Глава XIII

Глава XIV

Глава XV

Глава XVI

Глава XVII

Примечание автора

Справочник персонажей

notes1

2

3

4

5

6

* * *

Мара Вульф

Гнев ангелов

Для моего отца, который считал, что иногда не лишним будет почитать Библию

Пролог

Две небесных войны потрясли мир в начале времен. Люцифер, любимый сын Господа, обозлился на своего отца, потому что тот требовал, чтобы ангелы прислуживали людям в раю. Люцифер отказался подчиниться своему отцу и сел на трон, чтобы править семью небесными дворами самостоятельно. А затем Господь развязал Первую Небесную войну и изгнал Люцифера.

Но тот вернулся на небеса и уговорил своего друга Семьясу последовать за ним. Люцифер показал ему дочерей человека, и, так как Семьяса не смог перед ними устоять, он последовал за Люцифером, а за ними – еще двести других ангелов.

Эти ангелы взяли себе человеческих жен, подаривших им детей. Они передали женщинам божественные знания, открыли им тайны драгоценных камней, обучили их заклинаниям и магическим формулам. Они показали им лекарственные растения, научили их кузнечному делу и письму.

Тогда другие шесть архангелов выступили против Люцифера во Второй Небесной войне, потому что тот смешал кровь ангела с человеческой, а также посвятил женщин в небесные тайны. Рафаэль связал руки и ноги своего брата, а затем бросил его во тьму пустыни Дудаэль. Семьясу и других ангелов тоже схватили и заперли под землей. Жены и дети падших ангелов были убиты. В этот момент зло должно было быть окончательно уничтожено.

На самом же деле зло осталось частью этого мира, поэтому должна была начаться Третья Небесная война, способная навсегда разрешить спор между добром и злом.

Глава I

С тех пор как Фелиция стала навещать меня, мне становится лучше день ото дня. Я выпила чай, съела хлеб и цепляюсь за мысли о том, что Стар и Тициан ни в чем не нуждаются. Ангелы нацелились на меня, и если они думают, что я ключ, пускай так и продолжается. Я буду участвовать в испытаниях, если подобным образом смогу защитить свою сестру. Я запрещаю себе думать о Кассиэле. Тем не менее боль и смущение из-за моей доверчивости снова и снова проникают в мои мысли.

К счастью, в последние дни я сижу в камере одна. Других заключенных из нее увели. И я не знаю куда. С одной стороны, это хорошо, ведь я могу отдохнуть и набраться сил. А с другой – плохо, ведь я бы с радостью поссорилась с кем-нибудь или подралась. Просто для того, чтобы избавиться

от волнения и страха. Мне только и остается, что заниматься самобичеванием.

Когда-то после визита Фели Марко приносит мне брюки. Кажется, я совсем потеряла чувство времени, и не знаю, сколько дней прошло с тех пор, как меня посадили сюда: два или десять. Он просовывает одежду через железные прутья.

– Меня попросили передать тебе привет, – шепчет он так, чтобы другие стражники его не услышали. – Отец больше не выпускает ее из дома, но я должен сообщить, что тебе не о чем беспокоиться.

Я киваю ему в ответ. Как такое вообще возможно? Я впустила ангела в наш дом. Подарила ему свое сердце, подвергнув опасности брата и сестру. Все, за что я боролась, потеряно. Моя свобода, но прежде всего мои деньги, а вместе с ними и возможность для Стар и Тициана покинуть город. Это голые факты. Теперь я сижу в камере под Дворцом дожей и жду, когда ангелы найдут других девушек, которые нужны им для испытания ключей. Интересно, целует ли Кассиэль кого-то из них так же, как целовал меня? По моей спине пробегает дрожь. Я была одинока: это единственная причина, по которой я доверилась ему. Это объяснение, но не оправдание. Потому что оправдания случившемуся нет. Я не понимаю, как кто-то может быть таким бесчувственным, ангел то или человек. Если сегодня у меня был бы такой выбор, я бы самостоятельно привела мародеров в собор Сан-Марко прямо к Кассиэлю, чтобы они вырвали из него все перья.

Не успел Марко уйти, как я бесшумно поднялась с пола и продолжила свои упражнения. Мне нужно прийти в форму, и стражникам лучше об этом не знать.

Поэтому я отжимаюсь, приседаю или бегаю на одном месте так долго, как только могу. Если существует хоть крошечная возможность сбежать отсюда, я ей воспользуюсь. Интересно, Фелиция вернется? Возможно, я могла бы уговорить ее принести мне оружие. Я повисла на решетке спиной к двери и поднимаю согнутые ноги вверх. Впервые за все время я благодарна своей матери за многочасовые тренировки, на которые она обрекала меня, когда я была совсем ребенком. Долгие и одинокие часы в этом вонючем подземелье я думаю о том, что она отлично подготовила меня к этому. Я просто прогоняю свою программу, и физическая нагрузка выбивает из моей головы все мысли об этом мерзком ангеле.

Позже я ложусь под одеяло и прислушиваюсь к окружающим звукам: стонам других заключенных, рыданиям и крикам тех, кого пытают в подземелье. Если бы кто-то спросил меня, я была бы готова поклясться, что это ангелы так издеваются над пленниками. Но наши надзиратели и мучители оказались людьми. Возможно, они делают это из-за того, что ангелы не хотят марать о нас свои руки. Вокруг меня кромешная тьма, и из-за нее звуки кажутся еще более громкими. По вечерам охранники гасят факелы, и в камерах становится так темно, что ты чувствуешь себя заживо погребенным. Крики и мольбы о помощи проникают в голову и в каждую клетку тела. Иногда мне даже кажется, что я вот-вот сойду с ума. Несмотря на холод, который выделяют влажные стены, пот стекает по моей спине. Я всегда считала себя смелой, но с каждым днем и каждой ночью, которые я здесь провожу, я все больше сомневаюсь в своих представлениях о себе и достигаю предела того, что

могу вынести. Тут никогда не бывает тихо, и приходится постоянно быть начеку. Усталость изматывает. Я только днем время от времени разрешаю себе немного поспать. Ночью – никогда. Не знаю, сколько я еще выдержу. Остальные заключенные находятся в других камерах и не представляют опасности для меня теперь, когда ко мне вернулись силы – настоящая же угроза исходит от стражников. Я не могу не замечать их похотливых взглядов на себе, когда они приносят мне еду или следят за мной, когда я подмываюсь. В отличие от других пленников, я еще молода, да и все зубы еще при мне. Время, проведенное в темнице, не сломило меня и не обратило в ползающее по земле существо. Главный вопрос заключается в том, как долго это будет продолжаться. Мои волосы спутались, а кожа чешется от укусов жуков, ползающих в грязном сене. Если бы я только знала, что ожидает меня. Неизвестность – худшее, и она убивает.

Ключ в замке поворачивается, заставляя меня насторожиться. В это время в моей камере не должно никого быть. Дверь открывается, и я слышу тихий скрип.

– Как дела сегодня у моей красавицы?

Рикардо, самый отвратительный и навязчивый стражник из всех. При любой удобной возможности он отпускает пошлые комментарии или пытается меня потрогать. Несмотря на вонь, окружающую меня, я чувствую кислый запах его пота. Он ставит фонарь, тускло освещающий мою камеру, на сено. Я смотрю на мужчину сквозь свои склеившиеся ресницы. Его зубы похожи на коричневые пни, а одежду, судя по всему, последний раз стирали еще до Вторжения. Его лицо грубое, а глаза пустые. Он закрывает за собой дверь, но не поворачивает ключ и подходит ко мне ближе.

– Вот и наступил момент, когда мы с тобой можем поразвлечься, – говорит он. – Я так давно этого ждал, – раздается высокий, беспокойный смех, а его рука поднимается выше и оттягивает мое одеяло. Я отпускаю его и напрягаю мышцы. Стражник наклоняется ко мне и кладет свою грязную руку на мой живот. Мне становится тошно, но я сглатываю горькую слюну. В мгновение, когда он подбирается к моим брюкам, я открываю глаза и вонзаю ногти в его лицо. От удивления мужчина вскрикивает. Я подскакиваю вверх. Если у меня получится пробраться дальше, возможно, я даже доберусь до двери. Рикардо, яростно фыркая, бросается на меня. Хотя он выглядит абсолютным оборванцем, стражник оказывается неожиданно сильным. Возможно, он просто забирает еду у других заключенных. Рикардо всем весом придавливает меня к стене, и я задыхаюсь, когда он прижимается лицом к моей щеке. Из его рта несет рыбными потрохами с рынка, и меня тошнит.

– Значит, пытаешься защищаться, – хрюкает он. – Мне это нравится.

Стражник заносит руку и ударяет меня кулаком в живот. Я съеживаюсь от боли, но все равно поднимаю ноги. К сожалению, я не попадаю в цель, но тем не менее вонзаю колено в его бедро. Удар заставляет мужчину упасть на землю, и я перепрыгиваю через него. Прежде чем я успеваю добраться до двери, его мясистые пальцы впиваются в мою лодыжку и оттаскивают меня назад. Я падаю на твердый каменный пол, а гнилая солома не смягчает удара. Боль распространяется по моему телу от пальцев ног до головы. Я издаю стон и перекатываюсь набок, ударяясь плечом о железную решетку. Следующий удар приходится на мое лицо: бровь разбита, а кровь стекает по

щеке. У меня перехватывает дыхание, но я стараюсь не терять сознания, собираюсь с силами и цепляюсь за его ногу, прежде чем Рикардо успевает пнуть меня еще раз. Окружающий мир расплывается, потому что мой глаз опух. Стражник, застонав, падает на спину, когда я тяну его ногу к себе.

Мне нужно заставить его замолчать, пока другие стражники не услышали его, размышляю я сквозь туман своего гудящего черепа. Невзирая на боль, я сажусь на мужчину и прижимаю руку к его горлу. Я давлю снова и снова, пока он не начинает хрипеть. Скрипящий звук слишком поздно доносится до моих ушей. Злость на этого отвратительного человека слишком велика, она сделала меня неосторожной. Я прихожу в себя только тогда, когда меня оттягивают от него.

– Ты, грязная дрянь! – кричит кто-то мне на ухо, через мгновение прижимая к стене. Другой стражник схватил меня и бьет по лицу. Один раз, второй, третий. Я хватаю воздух ртом и пытаюсь защититься руками. Но их кто-то держит. Я слышу смех и ощущаю очередной удар в живот.

– Ты нас за идиотов держишь, сволочь? – спрашивает другой мужчина. Я пытаюсь понять, сколько стражников собралось в моей камере. Со сколькими из них я могу сразиться и как долго смогу держать оборону? Они решили сделать кое-что похуже, чем просто избить меня. На секунду я притворяюсь, что сдалась. Хватка на моей руке сразу ослабевает.

– Вот и хорошо, – раздается голос справа от меня. – Лучше не сопротивляйся.

Я стараюсь хоть что-то разглядеть сквозь свои опухшие веки. Их трое, включая Рикардо, и они оставили дверь широко открытой. Если я до нее доберусь…

Один из мужчин дергает мои брюки, другой хватает меня за грудь. Меня на мгновение парализует от страха и отвращения.

Животные! Брюки скользят вниз. Я вытягиваю свою ногу, прежде чем парень, севший на корточки передо мной, успевает коснуться моей кожи, и ударяю его коленом по лицу. Он с криком падает на спину и сбивает стоящий на полу фонарь. Сено тут же вспыхивает и начинает дымиться. Второй мужчина получает правым локтем по шее. Рикардо пытается потушить огонь, прыгая по нему, и на секунду отвлекается. Я бегу к двери и оказываюсь в темном коридоре. Я замечаю свет где-то вдалеке, но у меня совсем немного времени на размышления о том, куда бежать. Мои шансы, так или иначе, очень невелики. Но лучше уж выпрыгнуть из окна Дворца дожей, чем позволить мужчинам меня изнасиловать. Мои голые ступни хлюпают по грязному каменному полу, я поворачиваю за угол и молю о том, чтобы этот коридор не вел в тупик. Мне нужно вести себя тише, но мое дыхание срывается на хрип и слишком громко отдается в ушах. Один из ударов, вероятно, сломал мне ребро, потому что каждый вздох отзывается адской болью. Я ненадолго останавливаюсь и опускаюсь на колени. Мои ноги дрожат. Но я не могу позволить себе сделать перерыв. Если мужчины найдут меня, они воспользуются мной и убьют. Я бегу дальше и оказываюсь на лестнице, ведущей вниз. Позади себя я слышу крики. Они меня выследили! Не остается другого выбора, кроме как спуститься по лестнице. Может быть, там я найду вход в катакомбы. Вероятно, так можно добраться до библиотеки. Во мне

зарождается невероятная надежда. Лестница заканчивается новым коридором, по правую и левую сторону которого располагаются двери других камер. Здесь тоже хрипят, стонут и плачут заключенные. Один или два из них слышат мои шаги и протягивают свои руки наружу сквозь квадратные окошки. Но я не могу им помочь. Я и себе-то помочь не могу. Сворачиваю в другой коридор. Я больше не слышу своих преследователей, но не знаю, хороший или плохой это знак. Возможно, они просто выжидают, пока я совсем не отчаюсь. Вероятно, они знают, что отсюда никак не выбраться. Справа от меня виднеется узкий проход. В свете забытого факела я рассматриваю еще одну лестницу. Воздух становится все более затхлым и влажным, и я начинаю надеяться на то, что действительно нашла вход в катакомбы. Последуют ли они за мной? Совсем немногие люди ориентируются в этих подземных ходах. Катакомбы простираются под всем городом: входов, ведущих вниз, совсем немного. Многие были замурованы в прошедшие столетия.

Когда я достигаю подножия лестницы, то замечаю помещение с колоннами, подпирающими Дворец дожей. Между ними течет черная вода. В темноте она выглядит как грязная тряпка. Тусклый луч света проникает сюда сверху. Когда я осмеливаюсь зайти в воду и прохожу пару метров, меня окружает кромешная темнота. Я слышу шаги и крики. Они бегут за мной, поэтому я спускаюсь вниз по последним ступенькам и хватаю ртом воздух, когда мои голые ноги и бедра опускаются в воду. В последний раз я была в катакомбах, когда спасала Кассиэля. Надо было позволить ему утонуть! Я нащупываю путь сквозь темную воду и надеюсь ни на что не наступить, не споткнуться и не попасться. Крысы тут бывают очень жирными. Когда я добираюсь до первых колонн, я делаю вдох.

– Эта дрянь не осмелится залезть в воду, – раздается чей-то голос, и я прячусь за колонной. Свет факела проносится по воде и снова исчезает. Этого достаточно, чтобы показать мне покрытые водорослями колонны и арки, а также несколько лестниц, которые, судя по всему, ведут во Дворец дожей. Мне нужно найти какой-то проход, который выведет меня наружу, потому что я не собираюсь возвращаться в грязную камеру. Я лучше умру в ледяной воде.

Мужчины все еще разговаривают.

– У нас будут серьезные проблемы, когда они заметят, что девчонка исчезла, – кричит один другому.

– Мы можем сказать, что она умерла, – звучит мгновенный ответ.

– А где же тогда ее труп, идиот?

Я прижимаюсь к колонне в надежде, что они не услышат моего дыхания. Конечности так дрожат, что вокруг меня по воде расходятся круги. Я кусаю себя за ладонь, чтобы заглушить стук своих зубов. Снаружи тепло, но вода ледяная.

– А что, если она попытается выбраться отсюда через катакомбы?

– Ты серьезно думаешь, что девчонка полезет в воду в темноте? Ты же знаешь истории о подземных существах, живущих под городом.

Эти ребята просто полные идиоты. С другой стороны, чего еще ожидать от этих садистов? В мгновение, когда я думаю об этом, что-то касается моей ноги, и я вздрагиваю. Из моего горла вырывается крик, но в последний момент я зажимаю свой рот рукой. Это наверняка всего лишь рыба. Очень большая рыба.

– Ты это слышал? – спрашивает один из моих преследователей.

– Что? Давай свалим отсюда. Здесь очень страшно. Наверняка тут водятся привидения.

Я задумываюсь над тем, чтобы взвыть и поддержать их убеждение, но вдруг рябь на воде дает мне понять, что как минимум один из них залез в воду. Свет факела движется в мою сторону. Страх перед тем, что их накажут ангелы, оказывается сильнее, чем боязнь каких-то подземных существ. Но я не могу убежать сейчас. Он не должен меня увидеть. Нельзя допустить того, чтобы он нашел меня. Стражники завершат свое дело и утопят меня, чтобы никто не узнал о случившемся. Еще раз про себя я благодарю свою мать за знания, которые она мне дала. Ночные заплывы по Гранд-каналу были ничем не хуже этого. Причем тогда мне было всего четырнадцать. Я делаю вдох и как можно медленнее опускаюсь вниз. Вода ледяная, но, по крайней мере, она охлаждает раны. Я становлюсь на колени, сжимаю губы, чтобы не проглотить грязную воду, и стараюсь сделаться как можно более незаметной. Весь пол усыпан ракушками, которые царапают кожу на коленях. Время от времени я вижу отблески света на поверхности воды. Эти мужчины оказались более дотошными, чем я думала. Когда у меня заканчивается воздух и я начинаю бояться, что задохнусь в любое мгновение, приходится зажать нос. Боль, поражающая меня, когда я касаюсь его, почти заставляет меня подпрыгнуть. Они мне еще и нос сломали. Я выдерживаю несколько секунд, но затем мне приходится вынырнуть, все равно там они еще или уже нет. Хотя я бы с радостью вынырнула и хватала бы воздух ртом, я лишь аккуратно втягиваю его губами. Вокруг меня тихо. Только вода ударяется о стены подземного тоннеля.

Без света факелов стало совсем темно. Не вижу даже своей руки перед глазами, но, по крайней мере, я здесь одна. К сожалению, я не чувствую никакого облегчения. Страх заблудиться и умереть собирается внутри меня и почти заставляет кричать. Кассиэль забрал у меня не только веру в существование добра в этом мире, но и веру в себя. Ощущение беспомощности оказывается болезненнее, чем все раны на моем теле. Этого я ему никогда не прощу. Меня охватили отчаяние и паника. Темнота, окружившая меня, стала всепоглощающей, я чувствую ее у себя на коже и могу ухватиться за нее рукой. Она окружила меня, словно тюремная камера, но без решеток. Я зажмуриваюсь, потому что глаза все равно мне здесь не помогут, и делаю шаг вперед. Острые края ракушек впиваются в мои ступни. Но у меня нет другого выбора, кроме как уходить прочь от лестницы, на которой меня могут подстерегать стражники. Кажется, целую вечность я иду по темноте. Время от времени я упираюсь в колонны или руины стен под водой. Один раз я наступаю на кусок стекла и чувствую, как он распарывает мою кожу. Если бы здесь действительно водились подземные существа, то сейчас их бы точно привлекла моя кровь. Я не могу не размышлять о том, сколько людей погибло здесь за все века существования катакомб. Осознание того, что я хожу, возможно, по останкам, заставляет меня дрожать, но мне уже так холодно, что я едва чувствую собственное тело. Когда я наконец добираюсь до стены,

то прижимаюсь к ней спиной. Каменная кладка влажная и пахнет плесенью, но я могу на нее опереться. Я медленно двигаюсь дальше и делаю вдох, когда оказываюсь у лестницы. Я падаю на ступеньки, опускаю голову на колени и прислушиваюсь. Вокруг тихо. Я чувствую себя последним человеком на земле. После того как мое сердцебиение успокаивается, я поднимаю свою поврежденную ногу. Стекло все еще торчит из моей кожи. Хотя я ничего не вижу, мне удается вытащить его. Рана обязательно воспалится. Со всей этой грязью иначе и быть не может.

Какой смысл в том, чтобы идти дальше? Может, лучше остаться здесь и умереть? Я и в самом деле засыпаю, а когда снова прихожу в себя, уже лежу на ступеньках. Мне еще холоднее, чем прежде. Идея никогда больше не двигаться кажется очень соблазнительной, но мне больше ничего не остается, кроме как идти по ступенькам наверх, шаг за шагом. Стена из красного кирпича останавливает меня. Кто-то замуровал этот выход. Я беспокойно касаюсь стены и неровных краев стыков. Мои движения становятся все более дергаными. Я нуждаюсь в свете. Сейчас же. Из моего горла вырывается крик, но я подавляю его, царапая ногтями жесткий, как железо, цемент. Я должна узнать, что находится по ту сторону. Но сколько бы усилий я ни прилагала, все безнадежно. Я отсюда не выберусь. Единственное, чего я добьюсь, это окровавленных пальцев. Они горят, словно охваченные огнем. Когда я понимаю, что мне остается только вернуться назад, я чувствую, как тело слабеет. Недолгий подъем забрал последние силы. На секунду я задаюсь вопросом, не стоило ли позволить мужчинам получить то, чего они хотели. От этой мысли мне становится так тошно, что я задыхаюсь. Я выплевываю горькую желчь в отвратительную соленую воду. Вот и все. Я цепляюсь за мысль о том, что у Стар и Тициана есть друзья, которые смогут им помочь. Больше, чем я. По моим щекам текут горячие слезы. Я пыталась, но недостаточно. Я потерпела поражение, но, по крайней мере, сорву своей смертью план ангелов. При мысли об этом я тихо усмехаюсь, и этот звук жутким эхом раскатывается по стенам.

Глава II

Я, должно быть, уснула. В любом случае я не мертва. Иначе бы моя голова не болела так сильно сейчас, когда я прихожу в себя. В то же время я чувствую онемение. Почему никто не освободит меня от этих страданий? Ничего не остается, кроме как снова спуститься по лестнице и отправиться на поиски другого выхода. Я игнорирую боль, голод и жажду, вонь и грязь и снова захожу в холодную воду. Единственное, что я не могу постоянно игнорировать, так это глубокий порез на моей ноге и сломанные ребра. Чем дольше я брожу в холоде и темноте и натыкаюсь на тупики, тем тяжелее мне становится дышать. Моя нога напоминает огромный опухший ком. Мне хочется просто сдаться. Я дремлю в каких-то нишах, где пытаюсь найти защиту от крыс. Я потеряла уже всякое чувство времени, но точно знаю, что уже на протяжении многих часов, если не дней, брожу по подземелью. Иногда я

кричу в темноту от отчаяния, проклинаю ангелов в общем и Кассиэля в частности, пока у меня не остается на это сил. А затем я плачу, хотя слезы ослабляют меня еще больше, чем злость. Я даю еще один шанс последней лестнице. После этого я просто найду себе уголок и сяду умирать. Я больше не могу. Заползаю вверх по мокрым ступеням, скольжу и ударяюсь подбородком о камень. Со стоном я карабкаюсь дальше, а затем вдруг чувствую теплый ветерок на своей коже. Это определенно галлюцинация. Я опираюсь на локти и тащу ноги за собой. Еще одна ступенька, затем еще одна. Где-то наверху я вижу узкую полоску света и снова чувствую теплый воздух, стараясь нащупать его пальцами. Я вижу, как что-то двигается в этом свете, и прикусываю губу, чтобы не взвыть. Передо мной находится не стена, а еле движущийся занавес, за которым скрывается выход.

Я хочу сорвать его и рвануть в ту сторону. Я хочу подставить лицо солнцу и наполнить легкие свежим воздухом. Но я не делаю этого, потому что слышу шаги с той стороны. Это не шаги стражника, потому что они более твердые и уверенные. Кто бы там ни был, он не должен меня найти. Я не позволю им снова запереть меня.

– Ты уверен, что она сбежала? – Голос похож на шипение уличной кошки.

– Мы в любом случае не можем ее найти, – отвечает кто-то другой. – Стражники сказали, что она словно сошла с ума и бросилась на них, а затем убежала.

За этим следует тихий смех.

– Это на нее похоже. Но ты правда думаешь, что у нее был хоть какой-то шанс против этих трех мужчин? Михаэль специально выискивал их, чтобы сделать стражниками. Надо было нам вытащить ее оттуда. Почему мне раньше об этом не сказали?

Я пытаюсь следить за нитью разговора и в то же время тише стучать зубами. Я почти наверняка знаю, кто стоит там и о чем они разговаривают. Из одной змеиной ямы я попала в другую. За гобеленом стоит Люцифер, падший ангел номер один, бывший фаворит своего создателя и принц ада. Именно из-за него я попала в эту ситуацию. Какое преступление я совершила, чтобы заслужить такую судьбу?

– Это было бы слишком опасно, и другие архангелы бы все поняли, – тихо отвечает Семьяса. – Не упрекай себя в этом.

Люцифер вздыхает.

– Она не заслужила такого. Не надо было вообще ее запирать.

– У тебя не было выбора. Балам сейчас приведет одного из стражников, и мы его допросим. Куда бы она сбежала? Мы ее найдем.

Я устало прислоняюсь к стене. Этот разговор ошеломляет меня. Ему что, стало жаль, что он отправил меня в темницу? Или Люциферу не нравится эта ситуация, потому что ему придется искать другую кандидатку на роль ключа? Что мне делать сейчас? Насколько велик шанс того, что один из выходов

ведет прямо в покои Люцифера? Едва ли можно быть еще более неудачливой. Если он меня увидит, мне крышка. Рубашка промокла до нитки и липнет к телу, а ледяная вода стекает вниз по ногам и собирается в лужу на каменном полу. Она смешивается с кровью из моей израненной ступни.

– Я никогда не думал, что найти ее будет так сложно, – говорит Люцифер, его голос при этом звучит задумчиво. – Я надеялся, что они оставляют более заметные следы в этом мире.

Несмотря на страх и усталость, я стараюсь слушать его внимательно. Отец всегда интересовался тем, как именно ангелы ищут девушек, которые участвуют в испытаниях ключей. Возможно, у меня есть шанс наконец разгадать эту загадку.

– У нас тогда не было времени ни на то, чтобы спрятать девушек, ни на то, чтобы дать им какие-то точные инструкции. Многие из них были слишком молоды для того, чтобы понять, что с ними произошло, – отвечает Семьяса. – А мужчины целыми веками подавляли их волю. Может быть, наша идея с самого начала была обречена на провал.

Этот разговор вызывает во мне какие-то воспоминания. Я закрываю глаза и пытаюсь сконцентрироваться на них, несмотря на боль. В ночь перед тем, как открылась арена, у меня был один из этих странных снов.

– Нам надо увести ее отсюда, – говорил кто-то в том сне, пока я пряталась за темно-красным занавесом. Или, скорее, человек, которым я была в этом сне.

– А где они будут в безопасности? – спросил кто-то другой, и теперь я снова узнала эти два голоса, потому что тоже пряталась за занавесом.

– Он везде их найдет, – сказал тогда Люцифер.

– Если мы не оставим следов, не найдет. Мы должны хотя бы попытаться, – ответил ему Семьяса. Его голос был измученным. Чувства женщины, которой я была в этом сне, снова отзывались во мне. Тогда я видела воспоминания чужого человека. Они с Семьясой были близки. Я чувствовала ее страх, тоску и отчаяние. Люцифер ответил усталым стоном.

– А ты сможешь это устроить?

Женщина отодвинула занавес в сторону, и мужчины замерли.

– Я никуда не пойду, – сказала она уверенным голосом. – Без тебя никуда.

Семьяса подошел к ней и обнял ее.

– Но у нас нет никаких шансов против его армии. Нас слишком мало. Мы спрячем девочек, – прошептал он ей на ухо. – Это единственное, что мы можем сделать.

Раздается звук, как будто кто-то ударяет по деревянной доске, и воспоминание о сне угасает.

– Черт возьми, – шипит Люцифер.

– Мун вынослива, – пытается Семьяса успокоить его, – она наверняка где-то спряталась.

Дверь открывается, и кто-то еще заходит в комнату.

– Где она? – раздается знакомый мне голос, и я прижимаю свою грязную руку ко рту, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. – Что ты с ней сделал?

– Ангел четвертого небесного двора явился в самую пасть геенны огненной, – замечает Люцифер, и его голос сочится сарказмом. – Кто бы мог подумать. Кассиэль, какая честь!

– Можешь спрятать свой цинизм куда подальше. Где Мун?

– Откуда мне знать? Может быть, ты освободил ее из темницы и увел в безопасное место? Все-таки ты обязан этой маленькой девочке своей жизнью. С ее стороны было очень смелым поступком защитить тебя. Она могла умереть, пока тащила тебя на себе.

За этими словами следует оглушительное молчание. По моей щеке стекает слеза, но я не смахиваю ее.

– Ты, как и я, знаешь, что у меня не было выбора.

Голос Кассиэля теперь звучит напряженно.

– А я знаю, по-твоему? – Шаги Люцифера яростно грохочут по каменному полу, и мне приходится напрячься, чтобы понять, что он сказал.

– Конечно, я и на секунду не подумал, что ты можешь пойти против Михаэля. Люди этого недостойны, не правда ли, Кассиэль? Тем более девушка, даже если речь идет о Мун.

– Я не буду оправдываться перед тобой, – уверенно отвечает Кассиэль. – Ты думаешь только о себе. В течение тысяч лет другим архангелам приходится расплачиваться за то, что ты натворил. Каждый из нас поступается со своими желаниями, кроме тебя. Ты все такой же надменный и самоуверенный, как и десять тысяч лет назад.

– Исчезни из моих покоев, пока я не перебросил тебя через парапет, – говорит Люцифер. – И больше никогда здесь не появляйся!

– Я уйду только тогда, когда узнаю, где Мун и как у нее дела.

Значит, теперь он захотел мне помочь? Теперь он решил обо мне позаботиться? Кассиэль это явно несерьезно. Мне не нужна ни его помощь, ни забота. Пусть идет к черту! Хотя он уже и так тут. Истерический смех вырывается из меня, но я прикусываю губу. От ярости я дрожу еще сильнее,

чем от холода, и чуть не пропускаю мимо ушей звук снова открывающейся двери. Я слышу стон, и что-то скользит по полу. Я не могу ничего с собой поделать и приподнимаю занавес, чтобы заглянуть под него. Сначала я вижу только сапоги, но потом еще немного приподнимаю ткань. Ангелы находятся в комнате, напоминающей рабочий кабинет. Стены обставлены книжными полками, а в центре стоит огромный письменный стол, заваленный горами бумаг. Высокие арочные окна впускают внутрь комнаты солнечный свет, в котором танцует пыль. Ковер лишь частично прикрывает мраморный пол. Сначала я вижу Семьясу. Он расслабленно опирается на письменный стол и крутит глобус, похожий на те, которые стояли в библиотеке моего отца. Люцифер встал перед Кассиэлем, и оба уставились на грязную кучу у их ног. Кассиэль побледнел. При взгляде на него мое сердце на мгновение останавливается. Он предал меня ценой похвалы своего архангела. За красивым фасадом скрывается душа Иуды. Если у него вообще есть душа. Куча двигается, и я узнаю Рикардо, грязного стражника. К сожалению, я могу рассмотреть его только сзади. Я бы хотела узнать, насколько сильно я разукрасила его в ответ, когда они с друзьями меня избивали. Я аккуратно касаюсь своего сломанного носа. Он стал большим и опухшим и болит, даже когда я едва до него дотрагиваюсь.

Семьяса подходит к стражнику и пинает его кончиком ботинка. Рикардо тихо хныкает. Все ясно, он панически боится ангелов, а в темнице вымещает свою злость на заключенных.

– Может, ты хочешь нам что-то рассказать? – спрашивает Люцифер, и даже я замираю, услышав этот ледяной тон. Он одет в черное, и я вижу, как его темные крылья сверкают в солнечном свете. Туман окутал Люцифера и ползет по мраморному полу в направлении стражника, который судорожно от него уклоняется. Рядом с окруженным темнотой Люцифером Кассиэль кажется светлым, как день.

– Она напала на меня, когда я принес ей еду, – заикается он. – Она бросилась на меня как сумасшедшая!

– Безоружная девушка? – спросил Люцифер. – Девушка, которая только-только оправилась после болезни, если меня правильно проинформировали.

Рикардо уставился в пол. Если бы он мог, он бы утопился в мраморе.

– Куда она убежала? – вмешивается Кассиэль. – Она была одна?

Рикардо кивает:

– Она убежала в катакомбы. Мы везде ее искали, но не нашли. Она наверняка уже давно мертва. Все выходы замурованы. Она не выберется оттуда.

Кассиэль становится еще бледнее и недоверчиво качает головой:

– Ты думаешь, она мертва?

Рикардо кивает, не поднимая на него взгляда, и Кассиэль проводит обеими руками по волосам.

Пусть он так и думает. Так будет даже лучше. Если ангелы заметят меня, Люцифер сразу же отдаст Семьясе приказ снова бросить меня в темницу, а в моем нынешнем состоянии Рикардо куда легче удастся получить от меня желаемое.

Кассиэль тихо вздыхает, оборачивается и идет к двери.

– Ты куда собрался? – спрашивает Люцифер. – Ты не хочешь узнать, что еще он может рассказать о местонахождении Мун? О том, где может быть ее труп?

– Я пришел, потому что надеялся, что она у тебя. Но я ошибся, – ангел переводит дыхание. – Мун исчезла два дня назад. Никто не выживет в катакомбах так долго. Она мертва, и я ничего не могу с этим поделать.

– Тем не менее ты можешь отправиться на ее поиски, – провоцирует его Люцифер. – Ты мог бы спуститься в темные лабиринты, чтобы посмотреть, не оставили ли эти жестокие ублюдки от нее хоть что-то, что еще можно спасти. Может быть, тогда ты сможешь хоть как-то извиниться перед ней за свое предательство, – последние слова он выкрикивает так громко, что я вздрагиваю.

– Ты мог хотя бы попытаться спасти ее. Мог бы отплатить ей тем же за свое спасение. Но, конечно, ты выбираешь путь наименьшего сопротивления.

Рука Кассиэля уже лежит на дверной ручке.

– Уже слишком поздно, чтобы что-то менять, – отвечает он, и я задаюсь вопросом, что бы Кассиэль сделал, если бы нашел меня в покоях Люцифера.

Тот презрительно фыркает и машет на Кассиэля рукой.

Когда ангел исчезает, Люцифер пинает Рикардо по ногам.

– Расскажи нам, что именно произошло после того, как она сбежала, ленивый ты ублюдок! И я предупреждаю тебя, не смей мне лгать.

– Мы попытались остановить ее, но она очень быстро скрылась.

– А пока вы пытались ее удержать, вы решили заодно снять с нее брюки? – Семьяса кажется заскучавшим, он рассматривает свои ногти. – Интересную же технику вы выбрали, чтобы остановить беглянку.

Рикардо закрывает свою голову руками в ожидании очередного удара, и он вполне может последовать, потому что Люцифер сжимает и разжимает кулаки, будто едва контролирует свою злость.

– Она сделала вид, что пытается нас соблазнить, – дрожащим голосом объясняет Рикардо.

Что за свинья! Я уже близка к тому, чтобы вылезти из-за занавеса и ударить своего мерзкого обидчика прямо между ног. Нападать на беззащитных девушек и так раболепствовать перед ангелами – последнее дело. Неудивительно, что ангелы нас так презирают. Надеюсь, они ему не верят.

Люцифер почти весело смеется, скрещивая руки на груди.

– Я уверен, она просто с ума сходила по вам, немытым и вонючим придуркам.

Если бы я чувствовала себя лучше, я бы даже улыбнулась. Но мне удается только прохрипеть. Я запретила себе думать о том, что эти мужчины сделали бы со мной. Но мысли об этом сами приходят в мою голову. Теперь я зажмуриваюсь, чтобы прогнать эти картины. Когда я снова открываю глаза, я замечаю на столе чашку чая и тарелку с кантуччини[1]. Мой живот урчит, а взгляд Люцифера скользит по комнате. Я опускаю занавеску и прижимаюсь к стене.

– Ты хоть понимаешь, в какие неприятности ты вляпался? – слышу я его голос. – Мун де Анджелис – кандидат на испытания ключей, идиот!

Рикардо заикается:

– Если она умерла, значит, такая у нее судьба…

– Судьба? – гремит голос Люцифера, заполняя комнату, и я замираю.

– Ну, она же не единственная девочка в семье, – продолжает Рикардо. – Что насчет другой из библиотеки? Там была еще одна девчонка.

У меня перехватывает дыхание. Нет! Откуда он вообще знает о Стар? Это невозможно!

– Наверняка она ключ. Она была очень красивой и намного более покорной, чем это неуправляемое чудовище.

– Ты о чем вообще говоришь? – Люцифер как бы подчеркивает каждое слово, словно с трудом сдерживает себя.

– О сестре Мун. Стоит попробовать с ней.

В это мгновение мне кажется, что мир остановился. Все, что я делала, было для защиты Стар. И все обернулось прахом. Все… Я пытаюсь слегка отодвинуть занавеску в сторону.

– У нее есть сестра? – спрашивает Люцифер, обращаясь к Семьясе. – Почему я об этом ничего не знаю?

Тот пожимает плечами:

– Кассиэль никогда не упоминал вторую девочку.

Люцифер снова начинает ходить взад-вперед.

Рикардо осмеливается посмотреть вверх и кивает:

– До вашего возвращения я работал в музее. Там были две маленькие девочки. Эта, дерзкая, и еще одна, которая не разговаривала, но при этом выглядела как ангел, – стражник задыхается, словно понимая, что он только

что сказал. Сравнивать человека с ангелом сегодня считается оскорблением. Никакой человек не может быть идеальным, как ангел.

Люцифер скрещивает руки на груди:

– Она выглядела как ангел? Значит, ты не уверен, что она все еще жива?

– С тех пор я ее больше не видел, – признается Рикардо. – Может быть, она уже умерла. Их мать и отец уже умерли.

От холода и голода у меня голова идет кругом, но мне нужно что-то предпринять. Если Люцифер решит отправиться на поиски Стар, она, считай, потеряна. Они увидят в ней идеальный ключ. Я не могу этого позволить.

– Убери его с глаз моих, – требует Люцифер в момент, когда меня охватывает отчаяние. – Если я еще хоть раз поймаю тебя на том, что ты плохо обращаешься с заключенными, я сразу перережу тебе горло, – добавляет он таким будничным тоном, словно заказывает стакан воды в ресторане. Слова звучат совершенно бесстрастно, а меня охватывает паника. Руки дрожат, а мое тело покрывается холодным потом. Что он сделает, если найдет меня здесь? Кровь ударяет по венам. Все было напрасно. Земля уходит из-под ног.

– Поднимайся с пола, – командует Семьяса ноющему стражнику, а затем я слышу затихающий звук шаркающих шагов и закрывающейся двери.

Я заставляю себя вдыхать через нос и выдыхать через рот. Это не помогает мне успокоиться. Нужно выбраться из этого чертового дворца. И как можно скорее. Но даже если мне это удастся, куда я поведу Стар? Фениксу придется спрятать ее. Он знает такие места в городе, о которых не слышали ни люди, ни ангелы. Он моя единственная надежда. Нужно только предупредить его об этом. После они могут делать со мной все, что захотят. Я пройду эти испытания, если это та цена, которую я должна заплатить за безопасность своей сестры.

Но пока что я заперта в этом коридоре. Я не могу вернуться, потому что боюсь снова потеряться в путанице подземных переходов. Отсюда выйти я смогу только тогда, когда Люцифер покинет комнату. Я слышу, как он вышагивает по комнате туда-обратно. Неужели у него нет неотложных дел? Мне плохо, и я срочно должна что-то выпить, прежде чем сойду с ума от обезвоживания. Рана на моей ноге выглядит не очень хорошо, и, хотя мои глаза уже не такие опухшие, мое лицо явно усыпано синяками. Я аккуратно втягиваю свежий воздух в легкие и пытаюсь увлажнить свои разбитые губы языком. Боль заставляет меня тихо стонать, и шаги в комнате утихают. Секундой позже занавеска отодвигается в сторону.

– Мун! – Люцифер становится на колени передо мной. Его голос кажется ошеломленным и в то же время обеспокоенным. – Ты что здесь делаешь?

Действительно, что я здесь делаю? Ожидаю свое водное такси. Злость на него и весь мир зажигается во мне, а лихорадочные мысли одна за другой приходят в голову. К сожалению, ни одна из них не может быть реализована. Я опустошена, и у меня нет сил прыгнуть и оттолкнуть его в сторону. Я даже пальцем пошевелить не могу.

– Воды, – шепчу я вместо этого.

Люцифер кладет палец на мой подбородок. Куда мягче, чем я ожидала, он поворачивает к себе мою голову и рассматривает мое избитое лицо.

– Это стражники с тобой сделали?

Я не отвечаю ему. Он должен уйти. Люцифер и так уже достаточно унизил и оскорбил меня, а потом запер меня в темнице. Что ему еще нужно? Ему не хватило? Гнев во мне сгущается, словно грязная, жесткая смола. Я хочу ударить его. Хочу бить его снова и снова. Это не охранники виноваты в том, что со мной произошло, а он. Люцифер должен был знать, в какие условия меня помещает, и он позволил мне сгнить на этом грязном сене в подземелье.

Люцифер встает и идет к письменному столу. Через секунду он снова оказывается рядом со мной и подносит стакан к моим разбитым губам. Я жадно пью теплый чай, который сладостью растекается по моему горлу. Когда стакан опустел, Люцифер отставляет его в сторону. Я хочу больше. Его холодные пальцы гладят меня по лбу.

– Ты все это время была в катакомбах?

Я снова не отвечаю. Неужели я действительно провела там два дня? Они тянулись, словно десятилетие. Как я вообще смогла выжить там все это время?

– Поговори со мной. Скажи мне что-нибудь.

Не дождется. Исчезни, хочу я сказать ему. Исчезни и оставь меня в покое. Но я должна сказать что-то, чтобы отвлечь его от Стар. В моей голове вата, и я так устала. По крайней мере, паника испарилась, хотя мое сердце все еще бьется слишком быстро. Вместо того чтобы исчезнуть, Люцифер без предупреждения скользит руками по моей спине и ногам. Я слышу, как он шипит, когда касается моей голой кожи и поднимает меня на руки. Я воняю, испачкана кровью и вся в грязи, почему он это делает? Почему он не зовет стражников и не отправляет меня обратно в камеру? Я ничего не могу предпринять, разве что прыгнуть с балкона – их во Дворце дожей достаточно. Но несмотря ни на что, я не хочу умирать. Я не могу умереть, ведь теперь он знает о Стар.

– Ты запачкаешь свою красивую рубашку, – выдавливаю я, пытаясь выскользнуть из его рук. Я не хочу, чтобы он нес меня. Только не он.

– Я так и думал, что ты очнешься, когда я прижму тебя к своей груди. – Люцифер демонстративно прижимает меня сильнее. – Ты так и не научилась хранить молчание, когда ситуация этого требует.

Мой дух противоречия ослабевает, когда дверь открывается. Против двух ангелов у меня еще меньше шансов, чем против одного.

– Неужели наша блудная дочь вернулась? – слышу я Семьясу, выдыхающего с облегчением. – Или ты уже давно ее там прятал, Люц? Эх!

Я очень надеюсь, что фраза о блудной дочери – это всего лишь метафора.

– Она только что упала мне в ноги, – отвечает Люцифер. – Будь полезным и позови врача. Он должен ее осмотреть.

Люцифер делает пару шагов в сторону двери. Я не хочу, чтобы он заметил это, но при мысли о том, что он отнесет меня обратно в темницу, я вздрагиваю. Тем не менее я не буду ни просить, ни молить его о том, чтобы он отнес меня в другое место. Моя гордость – последнее, что у меня осталось.

– Думаешь, они ее… – продолжает Семьяса.

Из-за его обеспокоенного тона я понимаю, что он хочет спросить, ведь я полуголая.

– Я не знаю, – отвечает Люцифер. – В любом случае они ужасно с ней обращались.

– Эти мужчины тоже не выглядели здоровыми, – отмечает Семьяса. – Судя по всему, она защищалась, как дьявол.

– Забавный каламбур, – шепчу я. – И нет, они этого не сделали. Я бы их кастрировала.

Семьяса тихо смеется.

– Эту девчонку не так просто сломить. Что ты думаешь с ней делать? Только не говори, что ты снова отправишь ее в эту вонючую дыру, – озвучивает Семьяса предположение, которое меня тоже очень интересует.

– Я отнесу ее в свои покои, а ты сейчас же отправишься за врачом, – напряженно вздыхает Люцифер.

– Ты думаешь, это разумно? – спрашивает Семьяса. – Ты не можешь предъявлять свои претензии на одного из кандидатов до церемонии выбора. Михаэль и Габриэль, возможно, сочтут это провокацией.

– Я не предъявляю никаких претензий. Если кто-то из них захочет забрать Мун, они знают, где ее найти. Я лишь позабочусь о том, чтобы она дожила до испытаний, а пока ты стоишь здесь, я сомневаюсь, что это возможно.

– Я уже ухожу. Не обижай ее, брат.

Когда мы снова остаемся наедине, я напрягаюсь в руках Люцифера и пытаюсь собрать все свои силы, чтобы сбежать при первой же возможности. Габриэль убил моего отца, а по приказу Михаэля Кассиэль обманул и предал меня. Я не думала, что Люцифер станет меньшим из зол.

Он, конечно же, не может не заметить моих телодвижений.

– Забудь об этом, – бормочет он, шагая по комнате. – В этот раз ты от меня не сбежишь.

Это мы еще посмотрим. Один раз мне это уже удалось, и во второй раз тоже получится. Чтобы сломить мой дух сопротивления, им придется меня убить.

К моему удивлению, Люцифер действительно не несет меня обратно в темницу, а спускается по лестнице со мной на руках. Мы проходим по нескольким коридорам. Я стараюсь запомнить, куда он идет, но от усталости, голода и боли у меня кружится голова. Я чувствую, как я проваливаюсь в сон, а его равномерные шаги еще больше меня усыпляют. Моя голова лежит на его плече, и я чувствую, что он все еще пахнет шоколадом. Неужели Люцифер целыми килограммами его ест? Натренированная фигура архангела явно противоречит этому предположению.

– Не засыпай, – командует он. – Тебе обязательно нужно принять ванну, а еще врач должен тебя осмотреть. На тебе вообще осталось хоть одно живое место?

– Не знаю. Мне так не кажется.

Я пытаюсь не поддаваться усталости, но с каждым пройденным метром мне все сложнее это дается. Только когда Люцифер кричит на кого-то, чтобы тот открыл дверь, я частично прихожу в себя и хлопаю глазами. Перед высокой двустворчатой дверью стоят два ангела. По его приказу они открывают ее, и Люцифер заносит меня в огромную, наполненную светом комнату.

На широких белых диванах сидят ангелы, которые любопытно поворачиваются в нашу сторону. Прозрачные занавески колышутся перед большими арочными окнами в свете вечернего солнца. Здесь пахнет розами и лавандой. После Вторжения ангелы внесли много изменений в архитектуру Дворца дожей. Но такого я не ожидала. Великолепие и декаданс пугают меня – особенно в сравнении с бедностью, воцарившейся на улицах. У них есть все, а у нас – ничего.

– Опусти меня на пол! – шиплю я, но Люцифер делает вид, что совсем меня не слышит.

– Что ты там снова подобрал, Люц? – спрашивает Наама своим типично скучающим тоном. Она размахивает своим бокалом с пузырящейся жидкостью и делает глоток. Сегодня на ней струящаяся шелковая мантия, а волосы распущены. Девушка выглядит потрясающе. Когда Люцифер игнорирует ее, она поджимает губы и изучает меня своими прищуренными глазами. Я осматриваю комнату на предмет возможных путей побега, но с таким количеством ангелов в помещении у меня нет шансов.

– Мун нужно искупать в ванне. Лилит? – огрызается Люцифер.

Другая молодая женщина с распущенными рыжими волосами, завернутая в красочный шелковый кафтан, крылья которой переливаются всеми цветами радуги, встает, кивает и упархивает прочь. Он назвал ее Лилит? Так звали первую жену Адама, которая, согласно легенде, стала демоном. В Священных Писаниях она никогда не описывалась как красивая эльфийка, скорее называлась фурией и убивающим детей чудовищем. Но я уже ничему не удивляюсь. Столько всего, во что мы когда-то верили, оказалось неправдой

после того, как ангелы вернулись на землю. Ангелы – не мягкосердечные существа, защищающие и направляющие нас.

– Ты еще не заснула? – спрашивает меня Люцифер, следующий за девушкой в соседнюю комнату. Она такая же солнечная, как и другая. После дней, проведенных в темной и зловонной канализации, я зажмуриваю глаза, потому что солнце ослепляет меня. Люцифер аккуратно опускает меня на пуфик.

– Я оставлю вас вдвоем и предупреждаю тебя, Мун. Не делай глупостей.

Я и не буду, пока ты держишься подальше от моей сестры, хочется сказать мне вслух. Не уверена, что это было бы разумным решением. Кроме того, я больше не могу сохранять свою голову ясной и не доверяю своему разуму. В последнее время я совершила слишком много ошибок. Но мне нужно сказать ему, что моя сестра мертва. Другое решение не приходит мне на ум. Служанки заходят в комнату. Это кающиеся, которые счастливы иметь возможность облизывать ноги ангелов. Мне противно от того, как покорно они обхаживают Люцифера, даже не поднимая на него глаз. Почему он не уходит?

Я слышу плеск воды. Конечно, наверняка во Дворце дожей воду не нужно тащить из цистерны и предварительно нагревать. По какой-то мне неясной причине водопроводные трубы здесь все еще функционируют. Запах трав распространяется по помещению и ударяет мне в нос. Я чувствую розмарин, фенхель, анис и еще что-то цветочное.

– Ты справишься с ней одна? – обращается Люцифер к Лилит. – Она замерзла и поранилась. Я уже послал за врачом.

– Если она может сама залезть в ванну, без проблем, – отвечает ему Лилит. За этим следует молчание, а затем я понимаю, что будет, если я не смогу этого сделать. Кому-то придется положить меня в ванну. Разве демоны не все невероятно сильные? Неужели Лилит не сможет мне помочь? Я вздыхаю. Ни в коем случае я не позволю Люциферу держать меня голую на руках.

– Я в состоянии это сделать, – бормочу я, кажется, слыша облегченный выдох в ответ.

– Тогда иди уже. Не переживай, – торопит его Лилит. – Мы ее вылечим. Придумай лучше, что ты скажешь Габриэлю. Я не позволю им снова отправить ее в темницу, – продолжает воинственно настроенная девушка.

Я немного озадачена тем, как она общается с принцем ада. Это не звучит неуважительно, но и не звучит покорно. В любом случае эта маленькая девушка его не боится.

Люцифер остается у двери, а кающиеся проскальзывают мимо него.

– Что бы я делал без твоих умных советов, Лилит, – улыбается он ей.

– Вот и я не знаю, – ухмыляется она.

Люцифер наконец уходит, и дверь за ним закрывается.

Лилит приносит мне стакан воды, в котором плавает долька апельсина. Я жадно выпиваю воду, хотя мои разбитые губы явно против этого. Затем она помогает мне выпрямиться. Лилит стягивает мою затвердевшую от грязи рубашку через голову. За ней следуют майка и нижнее белье. Кажется, ее совсем не волнует ни то, что она пачкает о меня свои руки, ни то, что я человек. В ее глазах я вижу сочувствие, которое я не ожидала увидеть в глазах ангела. Вдруг Лилит резко втягивает в себя воздух. Я моргаю, уставившись в пол.

– Радуйся, что Люц не увидел твоих ран, – говорит она. – Он тут же бы зарезал парней, которые так с тобой поступили.

Это не было пустой угрозой, потому что я действительно выгляжу жутко. Мое тело покрыто зелеными и сине-черными кровоподтеками. На ногах и руках порезы. Своего лица я не вижу, но, когда ощупываю его, я чувствую пальцами отеки и небольшую кривизну своего носа.

Лилит помогает мне залезть в ванну, и я, приложив некоторые усилия, сажусь в нее. Моя израненная кожа горит от теплой воды словно огнем, но согревает. Я не могу поверить, что скоро перестану мерзнуть и, возможно, выздоровею. Я аккуратно погружаюсь в воду, чтобы намочить волосы. Они расплываются веером вокруг меня. Когда я снова выныриваю, Лилит садится позади и начинает намыливать мое тело. Если бы это не сопровождалось такой болью, возможно, мне было бы даже приятно. Однако я ужасно напряжена. Я сижу в теплой ванне в покоях Люцифера, женщина-демон моет мне голову, а я вся покрыта синяками и боюсь того, что принц ада в это мгновение пытается добраться до моей сестры. Мной овладевает желание вскочить с места и что-то предпринять. Но остаток здравого смысла твердит о том, что у меня нет ни малейшего шанса выбраться отсюда.

– Ты жутко воняешь, а твои волосы – просто катастрофа, – говорит Лилит. – Но мы это исправим.

– Мне плевать, как я пахну, – отвечаю я. – У меня другие заботы. Будь моя воля, я бы просто обрезала волосы.

– Ни в коем случае, – говорит Лилит. – А о проблемах позаботится Люц, поэтому расслабься.

Это как раз то, что волнует меня больше всего, но я не могу сказать ей об этом.

– Мне нужно с ним поговорить.

– Мне его сейчас позвать? Это будет неуместно.

Неуместно? Что вообще еще уместно в этом мире? Она надо мной издевается? Я качаю головой, которая отвечает мне гудением. Но Лилит права. Лучше подождать до тех пор, пока я не оденусь.

Одна из служанок заходит в помещение и приносит чистые вещи. Они с Лилит помогают мне выкарабкаться из ванны. Я аккуратно вытираюсь теплым полотенцем. Чтобы одеться, мне нужна помощь Лилит. Если она и считает

странным помогать человеку, по ней не скажешь. Ну, или же ей это просто несложно. Мне тяжело в это поверить.

– Так, надо уложить тебя в кровать, – говорит она после того, как распутала и расчесала мои волосы. Девушка берет меня за руку, и мы медленно идем в комнату. Моя нога так болит, будто стекло все еще торчит в ране. Я не могу наступать на ступню и тяжело выдыхаю, когда мы добираемся до двери.

Комната, в которой прежде сидело множество ангелов, теперь пуста. Только Люцифер стоит у окна и выглядывает наружу. Значит, он все еще не вломился в библиотеку вместе со всей своей бандой. Когда ангел нас видит, он широкими шагами идет в нашу сторону.

– Пресвятые небеса, – говорит он тихо, – чистой она выглядит еще хуже.

– Он всегда великолепно умел делать комплименты, – информирует меня Лилит, и Люцифер вздыхает.

У меня нет ни сил, ни желания вести бессмысленные разговоры, да и к шуткам я сейчас не особенно восприимчива, ведь я нахожусь среди злейших врагов. Я пытаюсь понять, что они собираются делать со мной, но мне это не удается. Голова и ноги одновременно меня подводят, и я прислоняюсь к дверному косяку.

– Придется тебе донести ее до кровати, – обращается Лилит к Люциферу. – Она не справится с этим самостоятельно.

Я отступаю назад и спотыкаюсь:

– Ни в коем случае.

– Мне это нравится не больше твоего, – отвечает Люцифер, – но, обещаю тебе, я куда аккуратнее, чем твои тюремщики.

С этим можно поспорить.

– Если я смогу на тебя опираться, этого будет достаточно, – говорю я, стиснув зубы.

– Как хочешь, – он обнимает меня за талию и прижимает к себе.

Для меня это слишком тесный телесный контакт, но так я могу не наступать на поврежденную ногу полностью. Мы покидаем салон, и Люцифер придерживает меня, пока мы проходим по паре узких коридоров. Моя гордость остается при мне. Я внимательно рассматриваю то, что меня окружает, и пытаюсь запомнить как можно больше деталей. По правую и левую сторону от коридоров располагаются двери. На маленьких столиках стоят свечки, освещающие великолепные цветные обои.

– Ты в покоях пятого небесного двора, – подтверждает он мои догадки. – У каждого архангела есть свое крыло во Дворце дожей. Мы тебя вылечим и позаботимся о тебе. Я был бы очень признателен, если бы ты не покидала мои покои. По крайней мере, без сопровождающего и без моего на то

разрешения. Как только ты снова почувствуешь в себе силы, можешь передвигаться по этому крылу как тебе угодно.

– Но мне нельзя пойти домой. Верно?

– Какая же ты умная, – отвечает он. – Я хотел, чтобы мы сразу договорились об этом, потому что боюсь, что ты будешь старательно пытаться вернуться домой к брату и сестре.

При упоминании Стар я снова начинаю трястись. Значит, он не забыл о том, что сказал Рикардо. Его хватка на моей руке усиливается, и я чувствую тепло его крыла.

– Прекрати, – выдавливаю я.

– Я просто хотел тебя согреть, – спокойно отвечает он, но убирает крыло в сторону.

Я сжимаю губы, чтобы не застонать от отчаяния. И что мне теперь делать?

Лилит идет впереди и делает вид, что не слышит нашего разговора. Наконец она открывает двери, ведущие в маленькую комнату. Я все еще не пришла в себя как следует. Теплая ванна высосала из моего тела последние силы. Но мне никак нельзя засыпать. Надо сказать Пьетро о том, что он должен спрятать Стар. Но в мгновение, когда Лилит помогает мне залезть на мягкую кровать, я чувствую, как теряю сознание. Все вокруг меня начинает вертеться, а в глазах темнеет.

– Моя сестра давно мертва, – шепчу я, собравшись с последними силами, и из моих глаз текут слезы. – Она умерла от голода.

Внимательный взгляд Люцифера – это последнее, что я вижу, прежде чем заснуть. Кровать не воняет серой и достаточно теплая. Если в аду так уютно, я вполне могу к этому привыкнуть.

Я нахожусь в незнакомой мне комнате. Стены помещения ярко раскрашены, и везде лежат напольные подушки, вокруг которых стоят маленькие столики. Я вижу стаканы и тарелки с пирогами или хлебом. Мне кажется, что в этой комнате совсем недавно находились люди. Куда все ушли? Через большие открытые окна, выходящие в сад, до меня доносится смех. На лугу дети играют в догонялки. Они одеты в белые тоги. Я подхожу к окну и смотрю на них, как вдруг позади меня раздаются голоса. Я поворачиваюсь и вижу мужчину и женщину, заходящих в комнату. Женщина смахивает слезы со своего лица.

– Ты никогда меня не слушаешь, – говорит она, и впервые с тех пор, как мне снятся эти сны, я узнаю хоть кого-то. Это Лилит или девушка, очень похожая на нее. Те же нежные черты лица, такие же рыжие волосы. Но у этой девушки нет крыльев.

– Потому что у меня есть на это право, – отвечает ей высокий и красивый блондин. – Ты моя жена и должна соглашаться со всем, что я говорю. Почему

ты всегда подвергаешь сомнению мои приказы? Почему ты занимаешься вещами, которые тебя не касаются? Это мужское дело.

Лилит упирается руками в бока.

– Может, потому, что ты не прав? То, что планирует Михаэль, неправильно. А вы называете это мужским делом. Это касается всех нас. Леа моя подруга.

– К тебе это не имеет никакого отношения! – кричит он. – Это касается только мужчин, и мы не будем вставать на пути архангелов. Кроме того, я запрещаю тебе встречаться с Леей.

Лилит смеется и вскидывает руки вверх. Она хватает яркую подушку и трясет ею в воздухе.

– Ты ничего не можешь мне запретить. Мы многим обязаны Люциферу.

– Ничем мы ему не обязаны, и он не заслужил иного. Он сам определил свою судьбу.

– Это просто бред! – кричит Лилит. – Михаэль просто ревнует, как и Рафаэль. Поэтому они и начали эту охоту на ведьм.

Мужчина подходит к ней поближе.

– Если ты еще хоть раз скажешь что-то подобное, я выкину тебя отсюда, – шипит он на нее. – И ты больше никогда не увидишь наших детей.

На лице Лилит появляется страх.

– Ты не посмеешь этого сделать.

– Не играй с огнем. Ты знаешь, где твое место, – говорит ей мужчина и быстро покидает комнату.

Картина сразу же размывается, и я вдруг стою в огромной темной яме. Вокруг меня огонь, и я слышу крики детей. Крики и мольбы становятся все громче. Мне надо их найти, но я не могу идти. Огонь окружил меня и подбирается все ближе. Меня охватывает глубокое отчаяние, а по лицу текут слезы.

– Почему? – кричу я снова и снова. – Почему?

Я топчу землю, когда искры рассыпаются у моих ног. От моих волос исходит запах гари.

Я стою в пламени, отступать некуда. Только адская пропасть. Я обхватываю свою голову руками, чтобы защитить лицо, хотя это не имеет смысла. Пламя охватывает мое платье, и я кричу, потому что боль растекается по моей коже, и ее не остановить. Кто-то хватает меня, когда я собираюсь упасть. Он вытягивает меня из огня, и я вижу крылья, сияющие всеми цветами радуги.

– Просыпайся, Мун, – говорит чей-то голос. – Все хорошо. Это просто сон.

Мои руки что-то удерживает, и хотя огонь исчез, я все еще чувствую этот жар. Я бью руками вокруг себя словно сумасшедшая, но остаюсь все там же.

– Прекрати! – кричит на меня кто-то, и только сейчас я понимаю, что не связана. Меня держит Люцифер. Его руки теплые, и они крепко сжали мои запястья. Несмотря на теплоту, я чувствую, как по моей коже бегут мурашки.

На мгновение я замираю и пытаюсь контролировать свое дыхание. В комнате темно, и лишь одна свеча горит на тумбочке.

– Отпусти меня, – выдавливаю я.

– Тебе снился плохой сон, – говорит он еще раз, теперь уже мягко. Люцифер отпускает меня так медленно, словно боится, что я снова начну кричать и биться в истерике.

– Сон, значит, – растерянно повторяю я, потирая свои запястья, на которых все еще чувствуется его тепло. – Это был сон?

Конечно. Но что там делала Лилит и кто тот мужчина? Я начинаю бояться этих снов. Возможно, я просто прочла слишком много легенд и историй: с самого детства ими увлекалась, и теперь жизнь решила меня за это наказать. Я отползаю на другую сторону кровати подальше от Люцифера и натягиваю одеяло до подбородка.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю я его через мгновение, и этого достаточно, чтобы понять еще одну странность: ангел сидит прямо на моей кровати!

– Я слышал, что ты кричала, – отвечает он. – Все остальные уже давно спят. Не хотел, чтобы ты разбудила всех жителей дворца.

Не очень хорошее объяснение. Я провожу руками по лицу. Кожа влажная от пота, но прикосновение уже не причиняет мне боли. Я трогаю нос, брови и губы.

– Как долго я здесь нахожусь? – спрашиваю я в ужасе, понимая, что некоторые мои раны уже затянулись. Не полностью, но, возможно, мое лицо теперь больше похоже на человеческое.

– Несколько дней, – осторожно говорит он. – Ваш врач, Пьетро Андреаси, позаботился о тебе. Он был очень взволнован, хотя и пытался не подавать виду. У тебя было переохлаждение, обезвоживание. Кроме того, некоторые из твоих ран воспалились. Молодой человек, который его сопровождал, оказался еще более плохим актером. Он был в отчаянии и не хотел отходить от тебя ни на минуту. – Люцифер поднимается, чтобы подойти к окну. – Вы близки?

Алессио был здесь? Почему я даже не знала об этом? Я бы попросила его спрятать Стар. Надо было сказать ему, что Люцифер знает о ней. Или он поверил мне, когда я сказала ему, что моя сестра мертва? Я не могу

спросить его об этом, не вызвав подозрений. Я яростно поджимаю губы и сразу же чувствую острую боль. Эта рана все еще не зажила.

– Я у тебя кое-что спросил, – слышу я Люцифера, стоящего у окна.

– Алессио мой лучший друг, – отвечаю я. Что я могу поделать? – Если бы не он, я бы погибла пару лет назад.

Ужасно скучаю по нему.

– Ты не похожа на девушку, нуждающуюся в мужской поддержке.

– Я и не нуждаюсь в мужской поддержке, – я задумчиво растягиваю фразу, подчеркивая последние два слова. – Но мне нужны друзья. Если ты вообще знаешь, что это такое.

– Извини, – говорит Люцифер, к моему удивлению. – Это слишком личное. Меня это не касается.

Ух ты, это что-то новенькое.

– Можно мне снова лечь спать или у тебя ко мне есть еще какие-то личные вопросы?

Интересно, он не нашел Стар? При мысли об этом у меня кружится голова, и я чувствую, как румянец покидает мое лицо.

Люцифер, судя по всему, сразу же это замечает, потому что вдруг становится обеспокоенным.

– Да, отдыхай, – бормочет он. – Твой друг убьет меня, если узнает, что я мешаю тебе спать. Тебе нужно набраться сил перед испытаниями.

Значит, его беспокойство мне лишь привиделось. Прежде чем я успеваю ответить что-то остроумное, Люцифер разворачивается и покидает комнату.

Я спала несколько дней. Он уже давно мог найти Стар. Но тогда бы я лежала не в этой кровати, а, скорее всего, на вонючем сене. Я замечаю на тумбочке стакан и делаю глоток. Пахнет безобидным виноградным соком. Я жадно выпиваю его, а потом откидываю одеяло в сторону, чтобы рассмотреть свои ноги в сумрачном свете свечи. Синяки окрасились в желтый цвет, а рана на ноге обернута повязкой, как и моя грудная клетка. Мне уже почти небольно дышать, но в боку еще что-то тянет. Значит, стражники действительно сломали мне пару ребер. Я держусь за спинку кровати и, качаясь, встаю. Мои мышцы, кажется, атрофировались. Тем не менее я шатаюсь по комнате, надеясь не упасть. У меня не будет сил подняться еще раз. Я опираюсь на кресло, а затем на маленький стол, пробираясь к окну. Я держусь за подоконник, хрипя от боли. Комната, в которой я нахожусь, располагается на верхнем этаже Дворца дожей, на южной стороне. Мой взгляд скользит по воде лагуны. Как бы мне хотелось забраться в лодку и уплыть отсюда! Но со своими травмами я не доберусь даже до первого этажа дворца, что уж говорить о библиотеке, из которой мне нужно забрать брата и сестру. Перед тем как заснуть, я кое-что вспоминаю. Мужчина, который мне снился, судя по всему, Адам. Праотец всех людей. Лилит была его первой

женой, и это он изгнал ее из рая. О чем они спорили? Она что-то говорила про Рафаэля и Михаэля. Но, как бы я ни старалась, больше ничего не могу вспомнить.

Глава III

Когда я просыпаюсь, в комнате уже светло. Я слышу чьи-то шаги и грохот посуды. Я поворачиваюсь спиной к двери, притворяясь, что все еще сплю.

– Как она сегодня? – спрашивает знакомый голос, и воспоминания о вчерашней ночи возвращаются в мою голову. Все тело бьет тревогу.

– Лучше, – отвечает Люциферу Пьетро. – Она была в опасности. Повреждения, которые нанесли ей мужчины, это одно, куда опаснее оказалось заражение крови. Но она пережила его. Мун сильнее любой другой девушки.

Люцифер шагает позади меня. Почему он расположил меня в своих покоях, вызвал врача и пытается поставить меня на ноги? Наверняка этому есть свои причины, и мне это не нравится. Если удастся сбежать, придется в будущем жить в подполье. Мне нужно придумать новый план для побега брата и сестры. Заработанные непосильным трудом деньги потеряны, Нерон украл их. Может быть, удастся уговорить Сильвио хотя бы вывезти их на материк. Оттуда мы сможем отправиться дальше самостоятельно. Это должно сработать. У нас больше нет иного выбора. Теперь, когда Рикардо рассказал Люциферу о том, что у меня есть сестра-близнец, оставаться в городе для нее стало еще опаснее. Даже если на мгновение Люцифер все же поверит, что она умерла.

Он не ждет ответа Пьетро, а выходит из комнаты. Очевидно, архангелы нашли остальных кандидаток на испытания и уже хотят их начать. Отчаяние и безнадежность охватывают меня. Интересно, будет ли в моей жизни хоть один мирный и спокойный день?

Я аккуратно поворачиваюсь и смотрю на улыбающегося Пьетро.

– Ты ужасно напугала нас всех.

На мои глаза наворачиваются слезы, когда я вижу знакомое лицо и слышу его голос.

– Мне очень жаль, – говорю я. Алессио точно рассказал ему о моем провале. Мне стыдно за это перед мужчиной, который берет на себя многое, чтобы помочь другим. Он никогда не был таким эгоистом, как я.

– Тихо, маленькая моя. – Пьетро садится на край кровати и притягивает меня к себе. Этот непривычно ласковый жест окончательно разрушает стены моего самоконтроля. По щекам текут слезы.

– Вы должны спрятать Стар, – всхлипываю я, пытаясь собраться. – Люцифер знает, что у меня есть сестра. Один из стражников рассказал ему об этом.

Пьетро гладит меня по спине, держит за плечи и аккуратно отстраняется. Я втягиваю воздух носом.

– Мы держим ситуацию под контролем. Тебе не нужно переживать ни за Стар, ни за Тициана. У них все в порядке.

– Но я не ключ, – отвечаю я ему. – Я не пройду испытания. Если я умру, вам придется позаботиться о них двоих. Пообещай мне это.

Мужчина слегка встряхивает меня, пытаясь привести в чувство. Затем Пьетро убирает прядь волос с моего лица.

– Мун, – убедительно начинает он, – я тебе сейчас кое-что скажу, и тебе нужно очень внимательно меня выслушать.

Я в панике смотрю на него.

– С ними уже что-то произошло? Или Нерон добрался до Стар?

– Нет. Речь идет не о твоих брате и сестре, а о тебе самой. Твой отец хотел посвятить тебя в эту тайну, но не смог, потому что погиб слишком рано. И даже если бы он не умер, он не стал бы подвергать тебя такому риску. Но сейчас, к сожалению, у нас не остается другого выбора.

– Какая тайна? – спрашиваю я, пытаясь сконцентрироваться. – Какой риск?

– Я расскажу тебе кое-что о твоей семье и о твоем задании. – Пьетро ненадолго останавливается, словно размышляя о том, с чего начать. Затем он смотрит на дверь, убеждаясь в том, что она закрыта. – Твой отец знал об испытаниях ключей больше, чем казалось, – шепотом объясняет мужчина. – Твои родители никогда не имели единого представления о том, как им распорядиться этим знанием.

Теперь я слушаю особенно внимательно.

– То, о чем я тебе расскажу, должно оставаться тайной, что бы ни произошло. Ты никому не должна рассказывать об этом. Обещаешь? Об этом знаем только ты, Алессио и я.

Я киваю.

– Ты лучший боец Венеции и достаточно сильна для того, чтобы справиться с испытаниями, – говорит он. – Но ты права, ты не ключ.

– Я знаю, – упрямо отвечаю я.

– Не перебивай меня. То, что я говорю, очень важно.

Я смущенно киваю.

– Ангелы ищут не просто девушек, которые достаточно сильны и смелы, чтобы пройти испытания. – Его голос становится еще тише, если это вообще возможно. – Они ищут своих кровных наследниц. Потомков нефилимов. Ты знаешь, кто это такие?

– Конечно. Нефилимы – это дети, зачатые падшими ангелами и их человеческими женами. В писаниях их называют Сильными. По легенде, это огромные, кровожадные и очень злобные монстры. Их знания – причина всех несчастий этого мира.

– Это официальная версия церкви, – перебивает меня Пьетро. – На самом же деле нефилимы – это дети, которых падшие ангелы спрятали, чтобы остальные архангелы не убили их и не поработили. Только эти дети в состоянии открыть врата в рай, вернее, дети их детей.

– Ты хочешь сказать, – я кратко резюмирую услышанное, – потомки нефилимов – это девушки, которых ищут ангелы? Они и есть ключи?

Пьетро кивает:

– Именно так.

Мои брови вздымаются вверх.

– Но нефилимы жили десять тысяч лет назад. Найти их потомков сегодня, должно быть, почти невозможно.

– Именно для этого и нужны испытания, – говорит он наконец. – Только кровные наследницы могут их пройти.

– Но ведь чисто теоретически каждая девушка может оказаться кровной наследницей, – отвечаю я. – И я в том числе. За эти годы наверняка крови ангелов в их жилах поубавилось, но ее капля может течь и по моим венам. Это значит… – я делаю паузу, – Стар или я вполне могли бы быть ключами.

Осознание этого шокирует меня, потому что Стар оказывается еще в большей опасности, чем когда-либо раньше.

– Но вы не наследницы, – говорит Пьетро. – Это я тебе гарантирую. Кровь твоей семьи никогда не смешивалась с ангельской.

– А ты откуда это знаешь? Никто не может с уверенностью об этом заявлять.

– Не смешивать с ними вашу кровь было главным законом вашей семьи, – Пьетро останавливается, а затем продолжает предложение: – Причина заключается в том, что у твоей семьи с ангелами были особые отношения. Ваши предки служили им в раю. Твои родители не все мне рассказали, только это. Твоя мать была абсолютно уверена в том, что ты пройдешь эти испытания, хотя и не являешься наследницей.

– Нет, – я решительно качаю головой. – Это полная бессмыслица. Ни один человек не может знать о том, кто был его родственником десять тысяч лет назад. Моя мать солгала тебе. Чего бы она этим ни добивалась, это не сработает. Что мой отец говорил по этому поводу?

– Он был настроен скептически, – признается Пьетро. – Ну, ты знаешь его мысли на этот счет. Он всегда стремился к мирному сосуществованию ангелов и людей.

– Это не сработает, но его план был не таким приключенческим, как задумки моей матери.

– Ты все еще зла на нее, – говорит Пьетро, взяв меня за руку. – Я понимаю. Она оставила тебя одну, когда ты так в ней нуждалась. Одну вместе с братом и сестрой и всей этой ответственностью.

– Ты знал об этом? – спрашиваю я. – Значит, она действительно умерла? Как это произошло? – злость и отчаяние закипает во мне. До этого у меня оставалась хоть капля надежды.

– Этого я тебе сказать не могу. Но у нее тоже было свое задание.

– Какое задание может быть важнее, чем забота о собственных детях? – мне так хочется накричать на Пьетро, но я не желаю рисковать и допускать того, чтобы ангелы нас услышали.

– Она ничего другого и не делала, как и твой отец. Он рассказал тебе про ангелов все, что только знал, – продолжает Пьетро, не отвечая на мой вопрос. – А твоя мать научила тебя сражаться, и только по одной причине… – Он снова молчит, прежде чем задумчиво продолжить: – Ты должна не позволить вратам в рай открыться, а Апокалипсису – начаться.

Я громко смеюсь, потому что не понимаю, откуда взялась эта нелепая вера в то, что я способна это сделать. В настоящий момент я даже и с мухой справиться не смогу. Но если бы я и могла, как бы сорвала планы семи архангелов?

– Я знаю, что это звучит невероятно. – Пьетро встает и подходит к окну. – Твой отец научил тебя многому, но о самом важном он умолчал, потому что боялся за тебя. Я не упрекаю его в этом, но настало время и тебе узнать обо всем. – Мужчина поворачивается ко мне: – Генеалогическое древо твоей семьи восходит к Еноху. Он один из твоих предков.

Я больше не хочу слышать этот бред, но, судя по всему, Пьетро решительно настроен рассказать мне обо всем, что знает.

– Енох был сыном Иареда и потомком Сета. Ты же помнишь об этом?

– Конечно. – Я мысленно проклинаю себя за эти знания. – Сет был третьим сыном Адама и Евы. Он родился только тогда, когда Каин убил Авеля. Енох был пятым поколением от Сета.

Пьетро кивает:

– Он был особенно богобоязненным и еще до своей смерти отправился на небеса, став ангелом. Мне так не хотелось требовать от тебя всего этого… – голос Пьетро становится грустным, словно он сейчас совсем не завидует моей судьбе.

– Почему мой отец умолчал об этом? Почему он никогда ничего не говорил?

Пьетро пожимает плечами:

– Он часто ссорился с твоей матерью по этому поводу. Я думаю, он просто хотел дождаться подходящего момента.

– Который так и не наступил.

– Мне очень жаль, Мун, – говорит Пьетро, в этот раз еще более убедительно, чем до этого. – Ангелы уже восемь лет ищут ключи. Пройдет совсем немного времени, и они найдут их все, и тогда наступит день Искупления. Люди будут стерты с лица земли, а ангелы вернутся в рай. У нас совсем немного возможностей помешать этому. Честно говоря, только одна.

– И что за возможность?

Пьерто наклоняется ближе ко мне.

– Что, если одна из девушек, которых они выберут, не будет ключом? Что, если она достаточно умна и сильна, чтобы пройти испытание, но не в силах сказать священные слова в момент истины?

Эта идея проста и абсурдна.

– Думаешь, все так просто?

– Просто точно не будет, но они ищут девятнадцать иголок в стоге сена. Что может быть проще, чем попытаться засунуть туда меч? Меч, который в решающий момент будет направлен в их сторону.

– Значит, я должна стать этим мечом?

– Именно к этому тебя и готовили твои родители, но твой отец не хотел идти на этот риск. К сожалению, у нас больше нет выбора. Мы должны хотя бы попытаться.

Я смотрю на его родное лицо. Мне кажется, будто я вижу его впервые. Может быть, я еще в катакомбах? Возможно ли, что мои родители отправили меня на верную смерть? Может, это всего лишь галлюцинация?

– А что, если я откажусь участвовать в вашем плане?

– Боюсь, что для этого уже слишком поздно, – я слышу сожаление в голосе Пьетро. – Я так хотел бы, чтобы они выбрали тебя до того, как ты получила все эти травмы.

Я поджимаю губы. Мать заставляла меня участвовать в боях и тренироваться лишь для того, чтобы я умерла в самом конце? Я вообще значила для нее хоть что-то?

– Мы позаботимся о Стар и Тициане, – обещает мне Пьетро. – Конечно, ты можешь отказаться, но если ангелы откроют врата в рай, человечеству наступит конец. Смерть тебе, мне и твоим брату и сестре. Где бы ты их ни спрятала. Ты сможешь спасти их только в том случае, если мы помешаем архангелам. Они уже нашли шестнадцать девушек. Уже совсем немного осталось до момента, когда найдут последних.

Три девушки отделяют человечество от уничтожения.

– Прими участие в испытаниях и попытайся выжить. Попытайся стать ключом, – убедительно говорит он. – Тебе ни в коем случае нельзя сбегать отсюда. Иначе ты не спасешь Стар. Пока ты здесь, никто не отправится на ее поиски, – Пьетро разыгрывает еще один козырь из своей колоды.

– Люцифер действительно не приходил в библиотеку? Он не искал Стар?

Может быть, Пьетро врет для того, чтобы успокоить меня?

Мужчина качает головой:

– Вероятно, он абсолютно уверен в том, что ты ключ.

В воображении я давно видела Стар, сидящую в темнице. Почему же ангелы запирали свои ценнейшие ключи в подвале? Они хотели таким образом поставить нас на место? Или только у меня была такая сомнительная привилегия? Как только я восстановлюсь, я исчезну отсюда быстрее, чем Пьетро глазом моргнет. Я заберу брата и сестру, и мы покинем город, даже если мне самостоятельно придется грести на лодке ночью до материка.

Мужчина смотрит на меня с вызовом, словно может читать мои мысли.

– Очень важно, чтобы ты осталась здесь, Мун. Твой побег будет стоить нам жизни. Твое место здесь.

– Это не мое место, а покои Люцифера, – напоминаю я ему. – Он уже не может дождаться момента, когда мы все попадем к нему в ад.

– Именно этому ты и должна помешать.

Я даже не в состоянии спасти Стар и Тициана, так что все человечество спасти мне точно не по плечу. Но очень мило, что Пьетро считает меня способной на это. Я не задаю дальнейших вопросов и оставляю свои мысли при себе.

– Я скажу Люциферу о том, что в будущем буду присылать к тебе Алессио. У меня есть много других пациентов.

Мужчина по-отцовски мне подмигивает, гладя меня по щеке.

– Не надо себя ни в чем упрекать, Мун. Ты не виновата в том, что побег твоих брата и сестры провалился.

– Я доверилась ангелу, – тихо говорю я, опуская взгляд на ладони. – Я себе никогда этого не прощу.

– Нет ничего плохого в том, чтобы кому-то довериться, – отвечает он. – Плохо поступает тот, кто пользуется чужим доверием.

Мужчина складывает свои мази и инструменты в сумку.

– Не теряй веру в хорошее. Иначе тебе будет попросту не за что бороться.

– Попытаюсь, – нехотя отвечаю я. Слова могут звучать убедительно и понятно. Но принять этот совет во внимание мне будет сложно, потому что хорошего в нашем мире почти не осталось.

– Мне попросить Алессио принести тебе что-нибудь из дома завтра? – спрашивает Пьетро перед тем, как уйти.

Я пожимаю плечами:

– Мой меч, например?

Пьетро улыбается мне в ответ. Следующие несколько недель я вряд ли увижу хоть какое-то оружие.

Остаток дня я проведу в одиночестве. У меня в распоряжении есть время, чтобы поразмышлять над тем, что рассказал мне Пьетро. Мои предки служили ангелам в раю. Как такое вообще возможно? Мне нужно больше ответов, пока я думаю над его странным планом. Интересно, как много знает Алессио? И кто рассказал ему об этом: мой отец или все же Пьетро? Почему моя мать ничего не рассказала мне, когда у нее была такая возможность? Значит, все эти тренировки были совсем не для того, чтобы я могла защитить Стар?

От размышлений и выводов, к которым я неизбежно прихожу, мне становится холодно, и я залезаю под одеяло, внимательно рассматривая комнату. Светло-желтые обои украшают стены, а перед окнами висят шелковые занавески. В комнату залетает теплый воздух. С другой стороны помещения открыта дверь, ведущая в маленькую ванную, у стен которой располагаются белый шкаф, украшенный искусно вырезанным орнаментом, и подходящий под ансамбль туалетный столик. В самой же комнате стоит несколько кресел, а рядом с кроватью расположена тумбочка, на которой стоят стакан и кувшин со свежей питьевой водой. Если бы это не были покои Люцифера, я бы чувствовала себя принцессой под этим белым шелковым одеялом.

Время от времени две служанки приносят мне еду, которую я съедаю до последней крошки. Я еще никогда в своей жизни не ела таких вкусных блюд. Я пытаюсь разговорить девушек, но они не произносят ни слова. Они либо дали ангелам какой-то обет молчания, либо те вырезали им языки, растерянно думаю я. Эти кающиеся действуют мне на нервы.

Когда вечером они снова приходят в мою комнату с подносом, за ними следует Люцифер. Девушки смотрят друг на друга и перешептываются. Очевидно, их языки все еще на месте.

– Добрый вечер, Мун, – говорит мне ангел. – Как ты себя чувствуешь?

– Я чувствую себя как свинья, которую откармливают перед тем, как отправить на скотобойню.

Сегодня в меня явно больше ничего не влезет.

Его брови вдруг поднимаются.

– Судя по всему, ты отлично отдохнула, по крайней мере, твой длинный язык теперь как новенький. Отличные новости.

Я презрительно фыркаю, но не отвечаю. Что он вообще знает о моем языке?

– Все-таки попробуй это мороженое. – Люцифер садится на край моей кровати и протягивает миску прямо мне под нос. – Вкус просто восхитительный.

Мое внутреннее сопротивление тает при виде светло-желтых сливочных шариков, и я чувствую, как во рту скапливается слюна. Немного мороженого мне не помешает, тем более учитывая, что оно посыпано карамелизованными орешками, а я почти совсем не помню, когда пробовала мороженое в последний раз. Оно было банановым, отец купил мне его за три дня до Вторжения. Я хватаю миску, вонзаю ложку в содержимое и отправляю ее в рот. Мои вкусовые рецепторы взрываются, и я ненадолго закрываю глаза. Когда я снова их открываю, я вижу перед собой веселое лицо Люцифера.

– Неужели слишком расхвалил его?

Я качаю головой:

– Я хотела бы питаться этим до конца своей жизни.

– Это можно устроить.

– Потому что до конца моей жизни осталось немного? – резко выдыхаю я. Почему я вообще разговариваю с ним?

Люцифер смеется:

– Нет. Потому что мне нравится смотреть на тебя, когда ты наслаждаешься этим мороженым.

Я не знаю, что ответить, и думаю только о том, что не влюблюсь в ангела, который добр ко мне, во второй раз. Достаточно уже и того, что Кассиэль подкупил меня шоколадом и заставил потерять из виду свою цель. Я отправляю следующую ложку мороженого в рот и замечаю, что капля десерта падает на одеяло.

Люцифер машет одной из служанок.

– Поменяйте постельное белье, – командует он им, пока я смущенно вытираю пятно.

– В этом нет необходимости, – говорю я. – Я и сама могу это сделать.

– Ты мой гость, Мун де Анджелис, а мои гости не работают.

– А еще гостей обычно не запирают в комнате, – отвечаю я. – Но, вероятно, у вас на небесах несколько иные представления о гостеприимстве.

Интересно, он знал моих предков? Это странная мысль.

– Ты чувствуешь себя запертой? – его тон кажется удивленным. – Это не было моим намерением. Когда тебе снова станет лучше, ты сможешь свободно передвигаться по моим покоям, как я тебе и говорил. Я лишь запретил тебе бродить по дворцу без сопровождения. Потому что никогда не знаешь, кого можно встретить на пути. Это все для твоего же блага.

Но ведь это всего лишь предупреждение, а не прямой запрет, не так ли?

– Но мне нельзя домой.

– Верно, – подтверждает Люцифер, вставая с места и оставляя меня наедине с вопросом, почему он вообще ко мне пришел. Я никогда в жизни не поверю в то, что архангел просто хотел принести мороженое.

На следующее утро Алессио навещает меня, когда я завтракаю. Увидев, что я сижу на кровати, он с облегчением улыбается. Если бы у меня на коленях не стоял поднос с кучей еды, я бы вскочила с места и кинулась к нему в объятия. Юноша берет мое лицо в свои ладони, внимательно смотрит на меня и целует в щеку.

– Если ты еще хоть раз в жизни меня так напугаешь, я за себя не ручаюсь. – Он опускает свою сумку на пол и подтаскивает кресло поближе к себе.

– Когда они позвали нас, чтобы осмотреть тебя, я уже думал, что ты умерла, – Алессио тяжело сглатывает. – То, что они сделали с тобой, просто ужасно.

– Это были стражники из темницы, – говорю я. – Не ангелы.

Почему я вообще решила защищать их?

– Мужчины хотели изнасиловать меня, а затем, вероятно, убить.

Я смогла убежать в катакомбы и потерялась там. Судя по всему, я исчезла на два дня. Каким-то образом я нашла вход в кабинет Люцифера.

Алессио внимательно слушает мои объяснения, хотя наверняка уже давно все знает.

– Люцифер не отправил тебя обратно в темницу, – говорит он после. – Я думаю, уже и не отправит. Нам дали все, в чем мы нуждались, чтобы обеспечить тебе достойное лечение.

Я пожимаю плечами:

– Мне кажется неправильным оставаться здесь. Все эти излишества… – мой взгляд скользит по комнате. – Ты голоден?

Сначала он кивает, но когда я протягиваю кусок дыни с ветчиной прямо ему под нос, Алессио замирает. Я знаю, что происходит у него в голове сейчас. Юноша думает о своих пациентах, обо всех тех людях, у которых нет и куска хлеба и которые вынуждены рыться в городских отходах в поисках хоть чего-то съестного. Вздыхая, Алессио берет из моих рук кусок дыни и ест его, очевидно, в муках совести. Тяготы последних дней не прошли для него бесследно: наверняка юноше есть чем заняться, ведь теперь я не могу ему помогать. Алессио выглядит бледным и уставшим.

– Как дела у Стар и Тициана?

– Они очень переживали, когда мы еще не знали, что с тобой произошло. Я думал, Стар с ума сойдет. Не знаю, что бы я делал без Феникса.

Его слова оставляют огромную дыру в моем сердце. Судя по всему, моя сестра ужасно испугалась. Она и так с трудом пережила потерю матери и отца. Стар уже наверняка подумала, что и я оставила ее.

– Он утешил ее, успокоил и отвлек. Но лучше стало только тогда, когда Фели пришла к нам и пообещала, что проведает тебя.

– Она так и сделала, – говорю я, пытаясь не думать о том, что дочь моего кровного врага знает о том, что Стар все еще жива. После всего, чем Фели рискнула ради меня, она полностью заслужила мое доверие, но от многолетней привычки думать о ней плохо сложно избавиться.

– Если бы не она, я бы не выжила. Фели принесла мне лекарства Пьетро и еду. Я ожидала увидеть кого угодно, только не ее. Почему она это сделала?

– Раньше ты была ее лучшей подругой, – улыбается Алессио. – Она пошла наперекор своему отцу. Удивительно, как сильно можно ошибаться в людях.

– Или в ангелах, – отвечаю я. – Мне очень жаль. Стоило послушать тебя тогда. Я должна была быть осторожнее. Не знаю, что на меня нашло, когда я решила довериться Кассиэлю.

Алессио убирает поднос с моих колен и ставит его на пол. Затем он мягко заключает меня в свои объятия. Мне становится так хорошо, что хочется плакать.

– Не надо упрекать себя в этом, – тихо говорит юноша. – Кассиэль ангел, и он отлично знал, что делает. Он держал тебя на прицеле. Разумеется, ты доверилась ему.

Я прижимаюсь к Алессио и ничего не отвечаю. Грубый лен его рубашки царапает мою кожу, но мне плевать. Его объятия успокаивают после того, что я пережила за последние недели, хотя от слов Алессио мне не легче, ведь они свидетельствуют о том, что любой ангел может обвести меня вокруг

пальца. Интересно, это у меня нет воли или я просто недооценивала их способность влиять на людей? Я всегда считала себя достаточно умной и сообразительной. Думала, что могу даже в некоторой степени контролировать нашу жизнь. Но Кассиэль научил меня кое-чему новому. Возможно, я зла на него не только потому, что он разбил мне сердце, но и потому, что ангел продемонстрировал мне мои же недостатки.

– Нам нужно извлечь выгоду из этой ситуации. Ты должна сконцентрироваться на своем задании, а мы позаботимся о Стар и Тициане.

Я отрываюсь от него.

– Ты знаешь план Пьетро? Ты знал все о моей семье и об этой сумасшедшей идее сделать меня ключом?

Он качает головой, и я чувствую облегчение.

– Я знаю, что Пьетро и твои родители обсуждали различные сценарии того, как можно остановить ангелов. Ни один из них не был достаточно продуманным. После смерти твоего отца Пьетро не упоминал ни один из них. Точно не в разговоре со мной. Кем на самом деле является твоя семья, я знаю всего лишь несколько дней. Тебе нужно быть очень осторожной.

Я хмурюсь.

– Думаешь, после смерти отца он обсуждал это с моей матерью?

Алессио переходит на шепот:

– Этого я не знаю. Я впервые узнал об этом, когда Люцифер позвал Пьетро сюда. Он вбил себе в голову, что сможет остановить открытие врат рая. На мой взгляд, это похоже на манию величия.

Я прикусываю губу.

– На самом деле Пьетро прав, не так ли? Не хватает всего трех девушек, а потом мы все умрем. Неужели мы не можем хотя бы попытаться остановить это?

Алессио зарывается лицом в ладони, и я глажу его по спине.

До этих пор я думала, что он просто боготворит Пьетро. То, что он не придерживается одного с ним мнения, это что-то новенькое.

– Мне кажется, совсем не пытаться сражаться – это неправильно.

Он с измученным видом качает головой:

– Я знал, что ты так отреагируешь на это, когда он расскажет тебе обо всем. Ну хорошо. Что бы ты ни делала, я поддержу тебя в этом. Но ты должна пообещать мне сконцентрироваться на своем выздоровлении сейчас. Иначе тебе придется забыть об испытаниях.

Я киваю.

– Ты что-то помнишь о том, как они проходят?

– Пока ты была без сознания, я привел сюда Пьетро и пообщался с парой ангелов.

Я поднимаю брови:

– Ты их допросил?

– Я бы не называл это так. На удивление мне не пришлось их тщательно расспрашивать. Наама и Лилит добровольно рассказали мне много интересного.

– Наама? Тупая корова, которая обжималась с Кассиэлем и чуть меня не убила?

– Именно она. Она живет при дворе Люцифера и на самом деле очень мила, – уши Алессио краснеют.

– Ты ведь не позволяешь ей вить из тебя веревки? Тебе не обязательно повторять мои ошибки.

– Я этого и не делаю. Так ты хочешь узнать, что я выяснил об испытаниях, или нет?

– Разумеется, – если я вдруг увижу эту Нааму, скажу ей, чтобы держалась подальше от Алессио.

– На каждом этапе им нужно найти семь девушек. Ты знала это?

– Семьяса рассказал об этом, когда запирал меня в темнице. Семь – это число с мистическим значением. Господь создал семь небесных дворов, семь морей, семь пустынь. В неделе семь дней, а вокруг трона Господнего горят семь факелов, – объясняю я. – Они их нашли?

Алессио хватает следующий кусок дыни и медленно жует, прежде чем ответить мне.

– Думаю, да. Фелиция вызвалась добровольцем, и ангелы приняли ее кандидатуру.

Я недоверчиво качаю головой:

– Почему? Я же уже предупреждала ее о том, что это слишком опасно.

– Она настояла, потому что не хотела оставлять тебя одну. Я не смог отговорить ее.

– Ты думаешь, она знает о плане Пьетро? – Что еще этот врач провернул у меня за спиной? – Если Фели умрет, я этого себе никогда не прощу.

– Не все девушки умирают во время испытаний, – говорит Алессио. – А те, кто выживает, но не является ключами, возвращаются к своим семьям.

– Серьезно? – этого я не знала. Значит, я могу просто проиграть и наконец вернуться в спокойную обстановку? По крайней мере, до того, как мир будет уничтожен.

– Ее отец – председатель совета. У Фели есть все, о чем мы только можем мечтать. Почему тогда она подвергает себя опасности?

Алессио улыбается:

– Это тебе должно быть известно лучше, чем мне. Она хочет помочь тебе.

– Видимо, у меня больше не осталось права голоса в данной ситуации. Судя по всему, меня на испытание понесут на руках.

Алессио ухмыляется:

– Все не так плохо. Семьяса будет тренироваться с тобой, чтобы ты поскорее вернулась в форму. Ты наконец прекратишь валяться в кровати. Думаю, через неделю ты сможешь начать тренировки.

Я тяжело сглатываю. Кажется, мышцы моих ног атрофировались. Каждый раз, когда я поднимаюсь с кровати, у меня кружится голова.

– Но если победить может только одна кровная наследница, а среди других шести девушек окажется потомок нефилимов, то выиграет она, – обращаю я его внимание на очевидную дыру в плане.

– Ты права, но на некоторых испытаниях не победил никто. Они не всегда находят кровных наследниц. Пьетро надеется на то, что ты сможешь обмануть ангелов, – Алессио в отчаянии пожимает плечами. – Нам нужно хвататься за любую возможность. В это мгновение они, возможно, находят последних трех девушек. У нас заканчивается время, и в данный момент у нас есть только одна-единственная возможность.

– Как проходят эти испытания? – Все, что я о них знаю, основано на слухах. В прошлом году испытания всегда проходили по воскресеньям, и в те дни людям запрещалось выходить на улицы. Разумеется, всегда находилось несколько смельчаков, которые не следовали этим правилам и хвастались тем, что знают об испытаниях.

– Они никогда не бывают одинаковыми, – рассказывает Алессио. – Архангелы всегда придумывают что-нибудь новое. Правильнее сказать, тайные ангелы делают свои предложения, а затем все голосуют. Все зависит от того, какой именно ключ они надеются найти. – Алессио кладет свою руку на мою. – Это будет непросто, – говорит он. – Я бы с радостью сделал это за тебя.

Я улыбаюсь, услышав подобное предложение. Даже в таком ослабленном состоянии я все равно сражаюсь лучше, чем идеально здоровый Алессио.

– Я справлюсь с этим, – пытаюсь я его успокоить, хотя сама не верю сказанному. Слово «паника» как нельзя лучше характеризует мое состояние. Я представляю себе, как сотни тайных ангелов на небесах размышляют о том, как наиболее эффективно нас пытать.

Дверь открывается, и на пороге стоит Люцифер. Он рассматривает нас, а затем входит в комнату.

– Ты слышал что-нибудь о том, что надо стучаться перед тем, как войти? – дерзко спрашиваю я. Ему вообще знакомо словосочетание «личное пространство»?

– Я не планировал заставать вас в компрометирующей ситуации.

– Алессио пришел сюда, чтобы осмотреть мои раны. Я могла быть голой.

– Вряд ли я увижу что-то, чего раньше не видел.

Да, вполне могу его понять. Алессио качает головой, что, видимо, значит, что мне не стоит продолжать провоцировать Люцифера. Он откидывает одеяло и начинает снимать повязку с моей ноги.

– Заражение крови было очень сильным, когда мы осматривали тебя впервые, – говорит он. – Еще день, и нам пришлось бы ампутировать ногу. Пьетро сразу хотел это сделать, но он был против, – голова Алессио резко поворачивается в сторону Люцифера.

При мысли о том, что я могла стать инвалидом в этом мире, я чувствую тошноту. Так бы у меня не осталось ни единого шанса выжить.

– Не благодари меня за это, – прохладно отвечает Люцифер. – Одноногая ты не принесла бы нам никакой пользы.

– Разумеется, нет. – Я ненавижу его, ненавижу его, ненавижу его. Он должен исчезнуть, прежде чем я осыплю его оскорблениями.

– У тебя что, дел других нет, кроме как ошиваться в моей комнате? Лучше бы занимался выдумыванием адских пыток для неугодных людей или типа того.

Люцифер пожимает плечами:

– Я мог бы заняться этим, но с тобой намного веселее. Я и секунды без тебя не проживу. Кто знает, сколько секунд тебе еще осталось. Не хочу упустить ни одной.

Его цинизм лишает меня дара речи, но, по крайней мере, архангел не пытается меня обмануть. Я сосредоточена на лечении. Нога все еще опухшая, а под корочкой, образовавшейся на ране, виднеется гной.

– Нужно все-таки разрезать ее, – говорит Алессио. – Будет больно.

Я сжимаю губы, стискивая одеяло в руке, когда он достает скальпель.

– Все в порядке, – выдавливаю я.

Когда он начинает, Люцифер садится рядом и хватает меня за руку. Я хочу оттолкнуть его, но когда Алессио режет рану, меня поражает адская боль. Я так крепко сжимаю пальцы Люцифера, что ему, должно быть, становится

больно, но он не возражает. Мое дыхание ускоряется, хотя может показаться, что я уже привыкла к боли.

– Прислонись ко мне, – тихо требует Люцифер. – Ты напрягаешься, и это только ухудшает ситуацию. Попытайся расслабиться, пожалуйста.

Я, стиснув зубы, качаю головой. Лучше я упаду в обморок.

Он вздыхает и начинает рисовать маленькие круги на тыльной стороне моей ладони своим большим пальцем. Он усиливает давление и делает что-то кончиками пальцев. Я с облегчением выдыхаю, когда боль отступает.

Алессио тоже замечает это, поэтому обращает свой взгляд то на меня, то на Люцифера. Никто из нас ничего не говорит, но Люцифер продолжает массировать мои пальцы. Он заканчивает только тогда, когда Алессио снова перевязывает мою ногу и посылает служанок за чаем из ивовой коры. Я чувствую сонливость, и сумасшедший голос в моей голове желает, чтобы Люцифер продолжил ко мне прикасаться. Но он встает и аккуратно укладывает меня обратно на подушки.

– Время от времени принимать чужую помощь может быть полезно, – бормочет он так тихо, что я не уверена, правильно ли я поняла его слова.

– Он совсем не такой, как я думал, – медленно говорит Алессио спустя какое-то время. – В этих покоях все по-другому. Люцифер очень переживал за тебя, когда ты была без сознания.

– Ну конечно, – шепчу я ему в ответ. – Он же не хочет потерять свой ценный ключ. Это не имеет никакого отношения ко мне.

Мой друг не отвечает ничего на это.

– Как твои ребра? Ты в состоянии нормально дышать? Мы не слишком сильно перевязали твою грудную клетку.

– Мне все еще немного больно во время движения, но я в силах справиться с этим.

– Завтра осмотрю их тоже. Сегодня ты достаточно настрадалась. – Он убирает оборудование и грязные бинты.

– Я переживу. Скажи мне лучше, где вы держите Стар и Тициана. Рикардо рассказал Люциферу о ней.

– Да, а ты сказала ему, что она мертва, – отвечает Алессио. – И я подтвердил это. Он был удовлетворен этим ответом.

– Мне это кажется странным. Вы спрятали ее где-нибудь?

– Нет. Она все еще в библиотеке, – признается мне Алессио спустя секунду молчания.

– Что, прости? – набрасываюсь я на юношу, опираясь на предплечья. Мой голос звучит очень пронзительно. – Ей нужно уйти прочь оттуда. Там больше небезопасно. Вдруг кто-нибудь еще вспомнит о ее существовании?

Алессио начинает извиваться.

– Ей было непросто смириться с тем, что ангелы увели тебя и посадили в темницу. Она словно обезумела и рыдала целыми днями.

Разумеется. Каждое неожиданное изменение – это целая драма для нее. При этом не играет никакой роли то, что мы и так разлучились бы, если бы побег удался. Я готовила ее к этому месяцами.

– Единственный, кто мог успокоить ее и время от времени уговорить поесть, был Феникс. Тициан чуть с ума не сошел от переживаний. Мы не могли увести их куда-то из дома, кроме того, ничего не произошло.

– Это все из-за Феникса, не так ли? Он запретил это, и вы его послушали.

– Не раздражайся, Мун, – просит Алессио. – Все хорошо. У Стар все в порядке. Без Феникса я и не знал бы, как решить эту проблему. Он не отходит от нее ни на шаг и обеспечивает нас продуктами.

– Значит, он наконец получил то, что хотел, – слезы ярости текут у меня из глаз, и Алессио смахивает их с моих щек.

– Он ее любит, – шепчет юноша. – И ты знаешь это. В Венеции нет ни одного мужчины, которому можно доверить Стар настолько безоговорочно, как ему. Он скорее сам себя убьет, чем позволит, чтобы с ней что-то случилось.

– И что, весь сопровождающий его сброд теперь тоже живет в нашей квартире? – раздражительно спрашиваю я. – Они уже рассказали Тициану истории своих героических поступков?

– Феникс не позволяет другим жить в библиотеке. Если он хочет обсудить с ними что-то, они пересекаются в городе. Все в порядке. Стар счастлива, хотя и скучает по тебе.

– Я тоже по ней скучаю. Скажешь ей об этом?

– Конечно. Но я уверен, она и так это знает.

В дверь стучится одна из служанок, а затем девушка заходит в комнату с чаем. Она улыбается Алессио, и он ухмыляется ей в ответ.

– Спасибо, Антония, – говорит юноша, когда девушка ставит чай на стол рядом с моей кроватью. Судя по всему, с ним она разговаривала.

Он в последний раз внимательно меня осматривает, а затем кладет ладонь мне на лоб.

– У тебя больше нет температуры, – довольно заявляет он. – Надеюсь, нам больше не придется повторять процедуру с твоей ногой. Пока ты была в

коме, ты почти не чувствовала боли, но Люцифер проворачивал эти штуки с твоей рукой уже тогда.

Моя нога пульсирует и дрожит. Я не знаю, как смогу наступать на нее и сражаться.

– Боль уже почти исчезла. Как такое возможно?

– Я не знаю. Вероятно, у ангелов есть больше сверхъестественных способностей, чем мы предполагали раньше.

Дверь снова открывается, на пороге стоит Наама. Я с трудом подавляю в себе желание закатить глаза. Но она все равно не обращает на меня внимания.

– Привет, Алессио, – здоровается она с моим другом, который встает и немного наклоняет голову набок. – Не знала, что ты сегодня придешь к нам, – на ней темные кожаные брюки и белая рубашка. На бедре закреплена шпага.

– С сегодняшнего дня лечением Мун руковожу я, – говорит он. – Пьетро нужно заботиться о других пациентах, кроме того, опасность миновала.

– Хочешь попить кофе со мной и Лилит? Мы попросили принести печеньки.

Алессио повернулся ко мне спиной, и я не вижу выражения его лица. Но Наама улыбается, когда он кивает.

Наама, которую я знаю, – фальшивка и змея, которая хотела убить меня на арене. И мой лучший друг никак не может пить с ней кофе!

Но Алессио поворачивается ко мне и целует в лоб.

– Пей чай и отдыхай, – говорит он мне. – Ты нужна нам.

Затем он покидает комнату вместе с Наамой, и даже сквозь закрытую дверь я слышу ее похожий на звон колокольчиков смех. Мне совсем не нравится происходящее. Но со стороны Алессио умно занять такую позицию в отношении ангелов. Любая информация, которую Наама может раскрыть ему во время их посиделок за чашкой кофе, может быть важна для нас.

Следующие три дня я не вижу Люцифера. С одной стороны, я рада этому, а с другой – переживаю. Все равно, что говорит Алессио, я все равно боюсь того, что Люцифер ищет мою сестру, пока я лежу на этой кровати и размышляю о своих родителях. Если быть точнее, о том, какой груз они возложили на мои плечи. В моих жутких фантазиях я вижу, как Люцифер находит Стар и запирает ее в темнице. Она не проживет там и секунды. Алессио хоть и успокаивает меня каждый раз, когда приходит меня навестить, но у него совсем ненадолго получается развеять мои сомнения.

Чтобы отвлечь меня, сегодня он прописал мне небольшую разминку. Поэтому сейчас я хромаю, опершись на его руку, по коридору. Я впервые покидаю свою комнату. Каждый шаг причиняет мне боль, но в целом я чувствую себя лучше. Мы заходим в большой салон, и пара ангелов, сидящих там,

поворачиваются в нашу сторону. Я отшатываюсь назад и хочу вернуться обратно в комнату, но Алессио крепко держит меня.

Семьяса дружески хлопает его по спине.

– Ты наконец вылечил ее? Хорошо выглядишь, Мун.

– Это не столько моя заслуга, сколько заслуга вашей хорошей еды, – отвечает Алессио. Если бы эту фразу сказал другой человек, я бы даже сочла это упреком. Ведь у ангелов в избытке есть то, что они скрывают от нас. Но от Алессио это звучит абсолютно нормально.

– Садись к нам, – требует Наама, но юноша качает головой.

– Сначала Мун должна немного прогуляться.

– Я могу побыть ее опорой, – добродушно говорит Семьяса. – Красивых женщин нельзя заставлять ждать.

Алессио ухмыляется и смущенно поправляет очки. Ангел подмигивает мне так, словно мы с ним добрые союзники. Но это совсем не про нас. Меня сбивает с толку то, что они так фамильярничают друг с другом.

– Ты не против этого? – спрашивает Алессио.

– Разумеется, нет, – нерешительно отвечаю я, и мой друг кладет мою ладонь в руку Семьясы, а затем направляется к Нааме.

Я медленно прогуливаюсь по комнате. К моему удивлению, огромный ангел оказывается очень терпеливым, несмотря на то, что я передвигаюсь со скоростью улитки. К тому же я не спускаю глаз с Наамы и Алессио. Она кладет пару сладостей на тарелку и наливает кофе для Алессио. Ангелы совсем не стыдятся этого или их просто не интересует факт того, что дети на улицах голодают?

– Мне это не нравится, – тихо бормочу я, но Сэм все равно все слышит.

Его тело дрожит от смеха.

– Ревнуешь?

– Ну, нет. Просто осторожничаю. Она фальшивая змеюка.

– Как скажешь. Насколько хорошо ты ее знаешь?

– Достаточно хорошо.

Почему я вообще с ним разговариваю? Это же он запер меня в темнице. Я сердито пытаюсь выдернуть свою ладонь из его руки, но он крепко ее держит.

– Мне жаль, что все так случилось, – говорит Семьяса, к моему удивлению. – Нам нельзя было этого допускать.

– Ты же видел, как там все выглядело, что, думаешь, они пытались со мной сделать?

Пусть засунет свои извинения куда подальше.

Он вздыхает, и мы молча идем дальше. Балам смотрит на нас из окна, и я наконец расслабляюсь после пары пройденных кругов. Хотя я в состоянии только хромать, движения приносят мне радость. Я внимательно оглядываюсь. Стены покрыты шелковыми обоями, а потолок украшен огромными картинами, написанными еще до Вторжения. Я узнаю эти батальные сцены и пейзажи. Орнаменты из лепнины дополняют великолепие. Мы находимся на втором этаже дворца. Все здесь такое открытое и воздушное. К нам постоянно заходят ангелы, вероятно принадлежащие к пятому небесному двору. Они не утруждают себя использованием дверей и просто приземляются на балконы, а затем заходят в салон через высокие арочные окна. Они болтают друг с другом и смеются, пробуя блюда, стоящие на столах. Некоторые приносят с собой пергаментные листы и передают их Баламу. Очевидно, он ждал этих посыльных, потому что ангел сразу же покидает салон. Интересно, ангел пошел передавать сообщения Люциферу? Я не осмеливаюсь спрашивать об этом у Сэма, но мне важно знать, как здесь идут дела. Всегда ли дверь охраняется двумя стражниками, как когда я впервые оказалась в покоях Люцифера? Если нет, я могла бы прогуляться по дворцу ночью. В отличие от ангелов я не боюсь темноты. Я могла бы поискать возможные пути побега. Вот два ангела заходят во входную дверь. Они направляются к Алессио и Нааме и здороваются с ними. Непринужденность Алессио раздражает меня еще больше. Неужели это действительно какая-то уловка? Он не очень хорошо умеет лгать, да и актер из него тоже посредственный. Но юноша всегда был тем из нас, кто говорил, что люди должны стараться мирно сосуществовать с ангелами. Он хочет доказать мне, что это возможно, или же все-таки пытается помочь?

Семьяса наконец ведет меня к диванам, и я, обессилев, падаю на них.

– Я бы с радостью погулял с тобой еще, но мне пора идти патрулировать город. Амудиэль, Хананэль, – зовет он ангелов, которые пришли последними. – Наша очередь.

Эти двое только начали есть.

– Сейчас пойдем, – говорит Амудиэль, продолжая жевать. Этот ангел высокий и худой. В отличие от других на нем не надета рубашка, и я вижу знак Люцифера, перевернутую пентаграмму, на его безупречной груди.

– Вам необязательно набивать животы всякий раз, когда вы спускаетесь сюда. Так сторонним наблюдателям может показаться, что в пятом небесном дворе нечего есть.

Амудиэль подмигивает мне.

– Из-за длительных полетов хочется есть, – объясняет он. – Я совсем не понимаю, почему ты постоянно приказываешь нам спускаться к вам. Нам и наверху дел хватает, убираемся мы там достаточно.

Я прислушиваюсь к каждому слову и пытаюсь понять их смысл. Почему и где ангелы должны убираться?

– Важно показывать свое присутствие в городе, – терпеливо отвечает Сэм. – Вы и сами знаете это не хуже меня. Мы не можем вечно прятаться в нашем дворце, как бы мне самому этого иногда ни хотелось.

Амудиэль и Хананэль отодвигают тарелки в сторону и следуют к балкону за Сэмом. Они легко запрыгивают на перила и отталкиваются. Через пару секунд их зеленые и бирюзовые крылья расправляются, и ангелы улетают прочь.

– Что он имеет в виду, говоря «показывать присутствие»? – Я не могу не задать этот вопрос. Специально смотрю на Алессио, потому что мне кажется, что он уже достаточно хорошо знаком с тем, что происходит при дворе Люцифера, но отвечает мне Наама.

– Габриэль и Рафаэль не должны думать, что мы позволим им делать все, что заблагорассудится. Если бы Люцифер не вмешался, они бы и сегодня убивали людей. Просто ради удовольствия.

Я тяжело сглатываю, потому что вижу образы в своей голове. Вижу носилки, на которых мужчины принесли домой моего мертвого отца.

– Почему он помешал им это делать? – спрашиваю я. – Как это его касается?

Наама смотрит на меня так, словно сомневается в моем рассудке.

– Мы не мясники, – сердито объясняет она.

– Да ладно? – Она издевается, что ли?

Я встаю на ноги и хромаю в сторону балкона, несмотря на то что моя нога просто адски болит. К сожалению, отсюда не видно новой арены, но, как мне кажется, я слышу лязг мечей.

– А что ты тогда думаешь о битвах? – нападаю я на нее.

Алессио успокаивающе кладет свою ладонь на ее руку, что злит меня еще больше. Почему это он не на моей стороне?

– Люцифер не может помешать всем их планам, – отвечает Наама. – Но благодаря битвам, по крайней мере, закончились бессмысленные убийства на улицах.

– Значит, это была его идея? – растерянно спрашиваю я. – Может, нам еще поблагодарить его за это?

– Было бы в любом случае неплохо, если бы ты закрыла свой наглый рот, – предлагает она.

Должно быть, я ослышалась.

– У меня есть дела поважнее, чем спорить с маленькой девочкой, – говорит Наама и встает с места, пока я не двигаюсь с места, лишенная дара речи. – Мы увидимся завтра?

Когда Алессио кивает, она уходит прочь, не удостоив меня взглядом.

Внезапно мы с Алессио остаемся наедине.

– Я отведу тебя обратно в твою комнату, – говорит юноша. – Это было несправедливо с твоей стороны.

– Ты решил нанести еще один удар мне в спину? – шиплю я в ответ. – Она тебе совсем голову вскружила?

– Ничего она мне не вскружила, – оправдывается Алессио. – Но я много времени провел здесь, пока ты болела, и думаю, что все обстоит не так, как тебе кажется.

– Конечно, она очень милая, белая и пушистая дамочка, которая вовсе не планирует превратить твою жизнь в ад.

Когда Алессио улыбается, мне тоже приходится ухмыльнуться. С ним нельзя просто так поссориться. Он поддерживает меня, и мы медленно возвращаемся в комнату.

– Обстановка при дворе Люцифера неформальная, – поясняет он. – Можно даже сказать, что он демократ. Я ни разу не видел, чтобы архангел приказывал что-то своим людям, не спросив их мнения. Он намного менее деспотичен, чем я думал. Его приближенные ни разу не давали ни мне, ни Пьетро понять, что мы с ними не на равных.

– Может быть, и так, – признаю я, потому что единственное, в чем я могу обвинить Люцифера – это то, что он запер меня в своих покоях и командует мной, но я ведь тоже человек. В остальном он не раз помогал мне избежать неприятностей.

– Но Люцифер и другие ангелы все равно следуют своей цели, сколько бы пирогов тебе ни скормила Наама.

– Ты действительно наглая, – качая головой, говорит Алессио. – Интересно, что именно ты пытаешься забросать меня камнями, хотя твой собственный стеклянный замок уже сломан… – напоминает он мне о катастрофе с Кассиэлем.

– Извини, – бормочу я, ложась на кровать. – Ты прав. Я исправлюсь.

– Дай ей шанс. Вероятно, Наама может быть нам полезной.

– Она тебе нравится.

– Они с Лилит помогали мне, пока ты была без сознания. Они мыли тебя и наносили мази, вливали в тебя бульон и сидели у твоей кровати. Тебе стоило бы, по крайней мере, быть им благодарной.

Этого я не знала. Внезапно я чувствую укол совести. Алессио, как и я, пытается усидеть на двух стульях, и я не облегчаю ему задачу, хотя он так старается.

– Я постараюсь.

Он ухмыляется и гладит меня по руке.

– Вот увидишь, она очень милая.

Я наигранно закатываю глаза.

– Конечно, она настоящий филантроп.

Алессио смеется:

– Мне нужно поскорее возвращаться в больницу. Я постараюсь навестить тебя завтра.

– Это все из-за меня или из-за нее? – кричу я ему вслед.

– Ты просто чудовище.

Круговые прогулки по большому салону стали долгожданным изменением в моем однообразном распорядке дня. Там ведь постоянно находятся разные ангелы, и я пытаюсь собрать столько информации, сколько возможно. Чаще всего они ожидают приказов Люцифера или своего патруля. Некоторые, правда, возвращаются после битв на арене, и я всякий раз вздрагиваю при виде крови на их голой груди или рубашках. Я никогда не спрашиваю о том, убили ли они человека.

Приближенные Люцифера не игнорируют меня, а машут мне в знак приветствия или же дают советы по поводу того, как мне скорейшим образом выздороветь. Советы от существ, которые в своем мире никогда не болеют, обычно либо совершенно заурядные, либо смешные. Меня удивляет то, что они вообще общаются с нами. Алессио реагирует на каждый их комментарий: он либо рассказывает, почему тот или иной совет не будет работать, либо обещает испробовать его в деле. Видеть, как он беспечно болтает с ангелами, мне все так же удивительно. Уже через два дня у меня перестает кружиться голова, а рана на моей ноге наконец заживает благодаря покою, хорошей еде и лечению Алессио.

Вечер только наступил, и я решаю не ждать Алессио, а сразу пойти в салон. Сегодня несколько ангелов бездельничают на белых кожаных диванах, угощаясь печеньем и вином. Они играют во что-то вроде шарад, и наблюдать за тем, как они пытаются угадать слово, которое не существовало в их лексиконе до Вторжения, кажется мне забавным. Ну, какой ангел, который раньше жил только на небе, может знать, что такое лягушка? Лилит побеждает с большим отрывом, но она ведь не всегда была ангелом. Несмотря на то что у нее есть крылья, я не знаю, кто она сейчас. По традиции ее называют демоном. Но демонов я себе представляла уродливыми и злобными, а она совсем не такая.

Я беру яблоко, когда Алессио заходит в комнату. Прежде чем он успевает ко мне подойти, его останавливает Наама. Она игнорирует меня с тех пор, как мы с ней поссорились.

– Как твой день? – спрашивает она юношу. – Было много дел?

– В Каннареджо произошла вспышка той же лихорадки, что и два дня назад в Дорсодуро, – рассказывает он ей. – Она заразна, и я уж думал, что не смогу прийти сегодня.

Я подхожу ближе к ним.

– Вам нужна какая-нибудь помощь? – спрашивает Наама, к моему удивлению. – Может, Люциферу поговорить с Нероном?

Второй вопрос смущает меня еще больше, чем первый.

– Это очень мило с твоей стороны, но мы справимся. Дети, которых затронула волна лихорадки, уже изолированы.

Наама кивает, но выглядит расстроенной.

Алессио гладит ее по руке. Юноша на голову выше ее и улыбается, глядя на ангела.

– Если ситуация ухудшится, я скажу тебе об этом, но Пьетро не хочет быть в долгу у Нерона.

– Я понимаю, – теперь она, кажется, успокоилась. – Я все равно провожу тебя. – Она возвращается к Лилит и Сэму, который только что вошел и теперь раскладывает на столе большой лист бумаги.

– Это планы по перестройке дворца Люцифера в пятом небесном дворе, – объясняет мне Алессио так, словно то, что он об этом знает, – самая очевидная вещь на свете. – Посмотрим?

– Если тебе это интересно.

Я все еще думаю о том, почему он рассказал Нааме о своей работе и лихорадке, а мне – нет. Как часто она сопровождает его в город после того, как Алессио стал навещать меня? Ему больше не нужно поддерживать меня при ходьбе, поэтому я просто хромаю рядом.

– Почему ты не рассказал мне о лихорадке? Она заразна? Тициан в опасности? Скажи ему, чтобы оставался в районе Сан-Марко, остальные части города слишком опасны. Сам ты хоть как-то защищаешься от этого?

Врачи ведь не имеют особого иммунитета против болезней, которые лечат. Два года назад у Алессио был грипп. Он заразился им в больнице, и я думала, что он умрет. Я все еще отлично помню эти страшные ночи, когда мы со Стар выхаживали его.

– Тебе нужно быть осторожным, – если я потеряю его, это меня уничтожит.

– Все в порядке, – успокаивает меня юноша. – Тициан вне опасности. Честное слово.

– Но уже были смертельные случаи, не так ли? Не спорь со мной на этот счет.

Я знаю Алессио всю свою жизнь, и когда человек, находящийся под его присмотром, умирает, я всегда вижу эту печаль в его взгляде.

Он вздыхает:

– Мы не смогли спасти двух детей. Они были слишком слабыми, и им было нечего противопоставить этой болезни. Когда они пришли к нам, то почти умирали от голода.

– Я знаю, как тебе плохо от этого, – я успокаивающе глажу его по руке. Многие люди уже очерствели со времен Вторжения, но не Алессио. Каждый умерший для него – его личное поражение.

– Ты не можешь спасти всех.

– Я знаю, но хочу, по крайней мере, попробовать. – Он улыбается, и грусть из его взгляда на мгновение исчезает.

– Почему вообще Наама так интересуется твоей работой? – подозрительно спрашиваю я, когда замечаю взгляд девушки на себе. – Чего она этим добивается?

– Она хочет знать, что происходит в городе, и для меня же безопаснее, когда она проходит со мной по домам больных после заката. Она все-таки предводительница стражи Люцифера.

– Что, прости? – должно быть, я ослышалась. Теперь я тоже смотрю на Нааму. Сегодня на ней кожаные штаны и что-то вроде кожаного корсета, позволяющего ее крыльям двигаться максимально свободно. Она, очевидно, боец. Между крыльями у нее есть карман для копья, а на поясе закреплен кинжал. Серебряный наконечник копья сверкает: он острый как нож. Наама вполне способна защитить Алессио в городе ночью. Мне стоило бы радоваться этому, но я не могу.

– Я думала, что Семьяса предводитель стражи.

– Сэм – генерал Люцифера, – просвещает меня Алессио. – А Балам – второй офицер.

– А Лилит? Какая у нее роль?

– У нее нет военной функции, но она входит в ближайший круг советников Люцифера.

Я пытаюсь обдумать только что услышанную информацию. В штабе Люцифера две женщины. Интересно, для ангелов характерно относиться к женщинам на равных? Я никогда не видела женщин в свитах остальных архангелов, разве что когда те сидели у них на коленях.

– Значит, вы с Наамой будете бродить одни в темноте? – спрашиваю я с высоко поднятыми бровями. – Ты считаешь, что это разумно?

Мне кажется, что это похоже на братание с врагом.

– Все абсолютно не так, – защищается он. – И так мне удается посетить гораздо больше людей. Она делает это по доброте душевной.

– Конечно, а я китайская императрица, – я ударяю Алессио по руке. – Не позволяй себя обманывать. Она ненавидит людей.

– Я так не думаю, – медленно отвечает он. – Кроме того, общаясь с ней, я узнаю, что происходит на небесах. Однажды это может нам пригодиться.

– Просто будь осторожен, – прошу я его. – Она причинит тебе боль, если узнает, что ты используешь ее как источник информации.

– Не переживай за меня. – Алессио направляется к большому столу, за которым собрались все присутствующие ангелы. – Я смогу за себя постоять.

– Восточное и южное крыло были полностью уничтожены, – объясняет Семьяса, когда мы подходим к столу. Я рассматриваю большие листы бумаги и рисунки на них. Это дворец пятого небесного двора с разных ракурсов.

– Больше всего ангелов живет в западной стороне, но там остается все меньше места для всех нас. Нам нужно поскорее завершить стройку. Люцу важно, чтобы мы воссоздали библиотеку. Нам нужно выяснить, какие книги еще на месте, а какие были украдены. Он отправил в другие дворы послов, которые должны договориться о возвращении нашего имущества.

В ответ на его речь следует коллективное ворчание.

– Как будто они нам что-то отдадут, – говорит стоящий рядом со мной Амудиэль, почесывая затылок. – У меня украли пару украшений.

– Даже если они ничего не отдадут, – прерывает его Балам, – так мы можем показать им, что не закрываем глаза на эти кражи.

– Мои украшения пусть останутся у них, – отзывается какой-то ангел, чьего имени я не знаю. – Лучше бы вернули мне мою жену и сына.

Балам кладет руку ему на плечо.

– Мы бы все хотели того же, Форфакс.

Ангелы, собравшиеся вокруг стола, кивают, и я вижу, как Сэм сжимает руки в кулаки. Прошло уже десять тысяч лет с тех пор, как ангелы потеряли свои семьи, но они все еще скучают по ним. Кажется, будто невидимая нить связала их судьбы и мою воедино. Я потеряла своих родителей, но у меня все еще есть брат с сестрой. А от их семей ничего не осталось. Хотя это не совсем правда. Они же поэтому и ищут кровных наследниц? Можно ли этих девушек вообще назвать частью семьи?

– Мы заново отстраиваем наш небесный двор. Он будет красивее и роскошнее, чем прежде, – говорит Сэм. – А потом мы поставим Габриэля, Рафа и других ангелов на место.

Присутствующие ангелы громко соглашаются с ним, а затем начинается оживленная дискуссия об обстановке и размерах комнат.

– Что он имеет в виду, говоря, что они поставят Габриэля и Рафаэля на место? – обращаюсь я к Алессио.

– Люц должен быть правителем первого небесного двора, – отвечает Наама за него. Она подошла к нам, и я даже не заметила ее. – Он был первым сыном Господа. Первым ангелом, который был создан. Хотя это для него и не так важно. Но очень важно для нас.

– Но сейчас он правитель пятого небесного двора.

Наама высокомерно смеется.

– Правитель того, что ему осталось. После того как отец поверил в ложь, которую говорили другие архангелы, и изгнал Люцифера, они заново поделили небеса между собой, – объясняет она мне с удивительным спокойствием. – Так Габриэль стал правителем первого небесного двора, Рафаэль – второго и так далее. Только Фануэль и Уриэль настояли на том, чтобы сохранить за собой прежние небесные дворы. Но Габриэлю, Рафаэлю и Михаэлю и этого было недостаточно, и они изгнали нас из рая. После того как они заперли нас, то разграбили наш дворец.

Я запрещаю себе сочувствовать им. Как бы мало имущества у них ни осталось, это все еще больше, чем то, что они оставили людям. Возможно, архангелы были несправедливы к Люциферу, но они и к нам несправедливы, а архангел не пытается этому помешать. Я бы с радостью спросила ее, какие лживые истории архангелы рассказывали Богу, но Наама уже повернулась к Сэму и предлагает воссоздать два моста, которые ранее располагались над дворцом. Должно быть, когда-то это было великолепное сооружение. Но, с точки зрения человека, он выглядит прекрасным даже в разрушенном состоянии.

Глава IV

Сегодня первый день, когда мне не кажется, что я хожу по битому стеклу, когда наступаю на ступню. Повязка стала в два раза меньше, и развязывать ее стало легче. Семьяса направляется к нам, когда я подхожу к одному из больших окон в салоне. Хотела бы я взглянуть на библиотеку отсюда. Тоска по брату и сестре одерживает надо мной верх. Они так близко, но недоступны для меня. Интересно, Люцифер разрешит мне посетить брата, если

я попрошу его об этом? Я прислоняюсь к оконной арке. Скорее всего, нет, потому что риск слишком высок. Бездействие и неведение почти убивают меня. Уже почти две недели я нахожусь вдали от дома.

– Эй, – Семьяса берет меня за руку. – Не перенапрягайся, малышка. Лучше пожалей себя.

– Мун должна прийти в форму к испытаниям, – добавляет Наама свою ложку дегтя. Хоть она и предводительница стражи Люцифера, ей не стоит смотреть на меня свысока.

– Я буду в форме, – отвечаю я так вежливо, как только могу, ведь я пообещала Алессио постараться вести себя хорошо. – За меня можешь не беспокоиться. Рана на ноге почти затянулась.

– Пфф! – фыркает она в ответ. – Почему Люц ставит именно на тебя?

– Наама, пожалуйста, – говорит Алессио, на мой взгляд, слишком уж мягко. – Мун со всем справится. Ты могла бы быть добрее к ней.

К моему удивлению, ее светлые щеки краснеют, и она кивает.

– Я просто не хочу, чтобы все зависело от ее перепадов настроения. На карту поставлено слишком многое. – Сегодня на ангеле белый боевой костюм, а волосы искусно забраны наверх. Она выглядит как амазонка.

– Ой, правда, – шиплю я в ответ. – Кто бы говорил. Единственное, что поставлено на карту, – это существование моего вида, и, пока вы переживаете насчет потерянных драгоценностей и постройки вашего дворца, люди снаружи каждый день умирают. Невинные люди.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – надменно отвечает Наама. – Как ты думаешь, чем мы тут целыми днями занимаемся?

– Едите и играете в шарады? – язвлю я в ответ.

– Хватит уже, – прерывает нас Сэм неожиданно резко. – Наама, Люцифер просил тебя кое-что сделать. Кажется, тебе пора идти. Я потренируюсь с Мун, если ты не против, – обращается он к Алессио.

– Только простые упражнения, – требует юноша, смотря вслед Нааме и наблюдая за тем, как она расправляет крылья и запрыгивает на парапет. Вид ее крыльев завораживает даже меня.

– Ей нельзя выходить за пределы возможностей, а она сделает это, если ты не остановишь ее.

– Эй. Она вообще-то здесь. Прямо рядом с вами.

Алессио строго на меня смотрит.

– Твое тело все еще ослаблено, хотя ты и не хочешь этого признавать. Если ты будешь перенапрягаться, то можешь заболеть воспалением легких при малейшем дуновении ветра или даже хуже. Поэтому будь осторожна.

– Лучше воспаление легких, чем умереть на первом же испытании, – бормочу я. Сейчас я даже меч в руках держать не смогу, куда там сражаться.

– Я буду осторожен, – обещает Семьяса. – Да и вообще, ты же приходишь к нам каждый день и следишь за ее состоянием. Хотя это уже и не так необходимо, – дополняет он. После этого Семьяса смотрит вслед Нааме, которая отдаляется, взмахивая крыльями.

– Я буду делать это и дальше. – Из уст моего друга-пацифиста это звучит почти как объявление войны.

Семьяса ухмыляется и хлопает его по плечу:

– Делай все, что хочешь.

Следующие два часа Семьяса гоняет меня вверх и вниз по куче лестниц Дворца дожей. Он и не думает меня щадить. Я задыхаюсь, не получая кислорода. Весь лоб в поту, а по спине он стекает ручьями. Сначала ангелы других небесных дворов, проходящие мимо нас, раздражали меня, а теперь я вообще не обращаю на них внимания. Я рада уже тому, что не спотыкаюсь о свои собственные ноги.

– Мне очень жаль, Мун, но без этого никак, – извиняется Семьяса уже в третий раз.

Я киваю, потому что больше не в состоянии говорить. Невероятно, какой слабой я стала. Будто никогда в жизни и не сражалась. То, что мы делаем, – особенно после предупреждения Алессио, – совершенно неразумно, но абсолютно необходимо.

– Последний рывок до входа в наши покои, и ты сможешь отдохнуть.

То, что я делаю, сложно назвать рывком – это скорее шатание, но я добираюсь до двери и умудряюсь не упасть. Дверь открывается, когда я кладу ладонь на ручку, и я теряю равновесие. Руки Люцифера обхватывают меня, когда я падаю ему на грудь. Откуда он здесь взялся? Я не видела его несколько дней.

– Ты чем с ней занимался? – прикрикивает он на Семьясу. – Она даже на ногах не стоит!

– Мы тренировались, – сквозь вату, будто заткнувшую мои уши, его голос звучит виновато.

Почему именно Люцифер всегда видит меня такой слабой? Я хочу оторваться от него и собираюсь с последними силами. В тот же момент он поднимает меня на руки. Я пытаюсь обороняться, ведь я не какая-то кукла, но он огрызается на меня:

– Хватит ерзать, или я сейчас потеряю терпение! В таком состоянии тебе нужно лежать в кровати.

– У нас так мало времени для подготовки, – слышу я голос Семьясы позади.

Люцифер рычит что-то непонятное ему в ответ и идет дальше. Когда мы подходим к моей комнате, он просто бросает меня на кровать. Матрас очень упругий, и меня подкидывает на пару сантиметров.

– Ай! – кричу я. – А поаккуратнее нельзя? Я больна.

Меня поражает смертельный взгляд Люцифера.

– Не смеши меня. Я буду обращаться с тобой аккуратно только тогда, когда ты станешь благоразумнее.

– Неужели из твоих губ могут вырываться только оскорбления? – шепчу я, дергая покрывало. На самом деле мне следовало бы пойти в душ, потому что я вспотела, но с этим я не справлюсь. Я просто хочу свернуться калачиком и заснуть.

Люцифер напряженно вздыхает и накрывает меня одеялом. Я чувствую его пальцы на своем лице, когда он укрывает мои плечи.

– Я тебя не оскорбляю, – тихо говорит он, – я просто не пытаюсь тебя обманывать. Речь идет о жизни и смерти. Не забывай об этом.

Как же. Не проходит и дня, чтобы мне об этом не напомнили.

Вокруг темнота. Я не вижу ничего, ни единого луча света. На моей грудной клетке, на моих ногах и лице лежит что-то тяжелое. Я слышу смех.

– Это твое наказание, брат, – слышу я чью-то высокомерную усмешку. – За то, что ты такой всезнайка, за твое неподчинение и предательство.

Я хочу сдвинуться с места, но мне это не удается. Когда я открываю рот, чтобы издать стон, что-то проникает в меня и душит каждый звук. На кончике языка я чувствую кислый вкус земли, и отчаянная злоба закипает во мне. Я потерпел крах. Я пожертвовал всем, что хоть что-то для меня значило. И для чего? Люди доверяли мне, потому что я пообещал им впустить их в рай. Я дал им смысл жизни, и они последовали за мной. А теперь мои братья победили. Я всеми силами пытаюсь подняться. Напрасно. Они похоронили меня заживо и положили камни на мою могилу. Как им это удалось? Ответ, к сожалению, очень прост. Я был слишком надменным, считал себя умнее братьев и думал, что разум восторжествует. При этом мне давно следовало понять, что они замышляют. Я закрываю глаза и подавляю в себе обиду и отчаяние. Я сделал все, что мог. Теперь судьба людей находится в их руках. Я молюсь о том, чтобы они не совершали тех же ошибок, что и я.

– Десять тысяч лет, брат, – слышу я голос Рафаэля, доносящийся до моей могилы. – Надеюсь, к тому времени ты поймешь, кто может называться венцом творения.

Я смеюсь и глотаю песок. Он никогда не поймет, в чем дело. Рафаэль топчет мою могилу, и я стоически выслушиваю поток его причитаний и обвинений. Все, что он говорит, я и так знаю. Я слышал это миллион раз, но я никогда

не подчинюсь воле судьбы. Я засыпаю, пока вой не пробуждает меня ото сна. У меня есть примерные представления о том, что происходит наверху.

– Врата! – рычит он. – Почему врата закрываются?

Он и вправду думал, что я оставлю ему сад Эдема? Что за придурок.

– Люц! – он распускает нюни. – Открой врата! Сейчас же.

Я не издаю ни звука и медленно наслаждаюсь его гневом. Он должен был оставить мне землю и людей. Я бы позаботился о них лучше, чем он когда-либо сможет. Но теперь ему придется ждать еще десять тысяч лет. Он не сможет сам снять свое же проклятие. Я стараюсь не думать о тех, кого я оставляю. Если я буду это делать, то сойду с ума. Возможно, это произойдет само собой. Темнота постепенно лишит меня любого доброго и приятного чувства. Я и представить не могу, что буду делать после того, как пройдет это время. Во мне уже сейчас зарождается желание умереть и тоска по смерти. Время проходит. Столетие за столетием. Я больше не могу терпеливо принимать свою судьбу. Я принц ада. Своего собственного ада. Возмущение сменяется горечью, горечь становится безумством. Тысячелетие за тысячелетием я упрекаю себя за это. Всему виной было мое высокомерие, сделавшее моих друзей и людей несчастными. Моя надменность, моя гордыня. Я вознесся над себе подобными, а другие вынуждены платить за это. Одиночество – это худшее наказание, но я заслужил его. Никогда не думал, что буду в ком-то нуждаться. Я был для этого слишком горд. В какой-то момент я растворяюсь в горе и тоске. Вся моя смелость и надежда покидают меня, и я не могу ничего с этим поделать.

Я открываю глаза и не двигаюсь. Тяжелое одеяло лежит у меня на груди, словно центнер камней. Я чувствую вкус земли у себя на языке. Я должна была закричать, но не могу. Этот сон или это видение было хуже, чем все предыдущие. Я не могу дышать, потому что отчаяние, которое я прочувствовала, все еще перехватывает дыхание. Я не хочу представлять, каково это – быть погребенным заживо на десять тысяч лет. Разве от этого не сойдешь с ума? Люцифер кажется мне слишком социализированным. Как он пережил это? Я откидываю одеяло в сторону и встаю с кровати. Я должна убедиться в том, что я жива и достаточно свободна. Кроме того, мне нужно что-то выпить, чтобы избавиться от этого привкуса во рту, а еще я голодна, потому что заснула сразу после тренировки. Мой живот урчит, а ребра болят от напряжения. Я быстро одеваюсь и подкрадываюсь к двери. На мне вещи, которые ангелы доставляют во дворы. Узкие темно-серые брюки такие удобные, будто были сшиты специально для меня. Примерно так же дело обстоит и с белой блузой, ткань которой мягче, чем все, что я когда-либо носила. Алессио, конечно, принес мне вещи из дома, но я не могу заставить себя надеть эту поношенную старую одежду. Тихо открываю дверь. До этого я никогда не выходила из комнаты одна: ни ночью, ни днем. Я думала, что все будет ярко освещено, но зажжено всего несколько свечей. Я брожу по покинутым коридорам. Большинство дверей закрыты, а большой салон пустует. Я не знаю, какие ангелы отправляются ночевать на небо, а какие остаются здесь. До некоторых пор меня это и не интересовало, но сейчас я задаюсь вопросом, смогла бы я покинуть дворец? Но что тогда? Могу ли я вообще отказаться от задания, которое оставили мне мои родители? Я не нахожу

ответа на этот вопрос, сколько бы я над этим ни размышляла. Не думаю, что смогу спасти человечество, но если есть хоть малейшая искра надежды на то, что я в силах остановить наше уничтожение, я постараюсь ее разжечь. Я бы с радостью подробно обсудила это с Алессио, но мы никогда не остаемся одни.

Я целенаправленно подхожу к большому арочному окну и выглядываю наружу. Я вдыхаю солоноватый запах моря и закрываю глаза. Медленно, но верно гнетущее чувство покидает мою грудь. Небо надо мной все еще существует, как и далекое море на горизонте. Почему же мне приснился именно Люцифер? Я не хочу испытывать к нему жалость. В том, что случилось, виноват только он сам. Почему он вообще связался со своими братьями?

– Не можешь заснуть? – раздается его тихий, теплый голос позади меня. Я поворачиваюсь. Люцифер сидит на диване и держит в руке бокал. Я не могу прочесть эмоции на его лице, потому что на него падает тень, но крылья архангела расслабленно лежат на подушках. До сегодняшнего дня я видела его только одетым в рубашку, но она небрежно сложена рядом с ним. Я тяжело сглатываю. Его грудь покрыта татуировками. К сожалению, я нахожусь слишком далеко, чтобы внимательно их рассмотреть, но все же вижу повернутую пентаграмму. В тумане, который окружает его и днем, и ночью, виднеются контуры вытянутых длинных ног. Он выглядит как усталый принц после тяжелого рабочего дня. Интересно, когда я пришла сюда из своей комнаты, он уже был здесь? Я не заметила Люцифера, потому что хотела поскорее подойти к окну.

– Мне приснился плохой сон, – признаюсь я, хотя и не собираюсь рассказывать ему о том, что именно это был за сон.

Люцифер поднимается и подходит ко мне. Он опирается на подоконник рядом со мной и выглядывает из окна. Я чувствую запах лимона и можжевельника.

– Я тоже не могу уснуть, – говорит он спустя какое-то время. – Вероятно, за последние десять тысяч лет я проспал так много, что больше не хочу отдыхать.

Он может сколь угодно рассказывать своим друзьям о том, что это было что-то незначительное, но не мне. Я чувствовала то, что чувствовал он, – и это было ужасно. У меня нет слов, чтобы описать эту безнадежность.

– Может, ты хочешь рассказать мне о том, каково вам было раньше? – спрашивает он. – Какой ты была, пока мы не вернулись? Как ты представляла свою жизнь? О чем был твой сон?

– Я не помню, – оборонительно отвечаю я. Он не должен узнать обо мне больше, чем уже знает. Мне было всего десять.

Хотя Люцифер и не отправил меня обратно в темницу, он использует меня не меньше, чем Кассиэль, хоть и не делает из этого тайны.

– Я втайне воровала помаду и лак для ногтей у своей матери и ругалась со своими подружками, – тем не менее рассказываю я ему.

– Ты знаешь дочь Нерона де Луки?

– Фелицию?

Он кивает и ни на секунду не спускает с меня глаз, пока я пытаюсь заставить себя не слишком пялиться на его полуголое тело.

– Она добровольно вызвалась на испытания ключей.

Я киваю.

– Она была моей лучшей подругой. Мы с ней творили много глупостей.

Его красивые губы изгибаются в улыбке.

– Могу себе представить.

– А что снилось тебе? – спрашиваю его я, хотя и так знаю ответ на этот вопрос, по крайней мере, если речь идет о последних десяти тысячах лет. Тем не менее я запрещаю себе смотреть на него другими глазами, нежели до этого. Возможно, именно это заключение сделало Люцифера дьяволом, которого боятся люди, но это не отменяет того факта, что он все еще дьявол.

– Мне уже много лет не снятся сны. – Он отходит от окна и, судя по всему, хочет закончить наш разговор. – Тебе лучше идти спать. Я разрешил Сэму потренироваться с тобой завтра, а твой Алессио будет упрекать меня в том, что я не даю тебе спать.

– Как будто его упреки тебя пугают.

– Когда речь о тебе, он может становиться очень даже властным, – Люцифер наклоняет голову. – Он дорожит тобой.

– Я им тоже. Что затеяла Наама? Почему она так интересуется Алессио? Я думала, что она не выносит людей.

Теперь внимание Люцифера направлено только на меня.

– Она флиртует со всеми, даже с Кассиэлем. Кому, как не тебе, это знать. Кроме того, не выносит она только тебя. Ты, по ее мнению, слишком симпатичная и к тому же одержала над ней победу. У Наамы обычно немного конкуренток.

Люцифер либо смеется надо мной, либо пытается меня спровоцировать. Я невольно касаюсь своего носа. Может, он больше и не болит, а синяки прошли, но я все еще и в подметки Нааме не гожусь, и мы вдвоем это знаем. Я стараюсь держать лицо, хотя воспоминание о том, как Кассиэль и Наама целовались у меня на глазах, все еще причиняет боль. Просто я одинока. Я скучаю по брату и сестре, я скучаю по возможности иметь рядом человека, которому я доверяю. Делаю вдох, чтобы собраться с силами.

– Я не хочу, чтобы она причинила боль Алессио.

– Так, как причинил тебе боль Кассиэль? – Я слышу любопытство в голосе Люцифера. – Ты по нему скучаешь?

– Это тебя, конечно, не касается, но нет. Разумеется, нет. Было слишком наивно с моей стороны думать, что я могу довериться ангелу. Со мной такого больше не произойдет.

Выражение лица Люцифера остается таким же бесстрастным, как и мое, но на его виске начинает пульсировать вена.

– Да, предательство – это не тот опыт, которому можно радоваться.

– А тебя кто предал? – вырывается у меня. – Рафаэль?

Я все еще помню сон.

По поднятой брови Люцифера я понимаю, что его этот вопрос удивил так же, как и меня. Он скрестил руки на груди и поднял подбородок. Впервые я думаю о том, что этот жест не несет в себе и намека на превосходство: он просто пытается так защититься. Люцифер не хочет рассказывать о себе больше, чем это необходимо. Я сама так полжизни делаю.

Из-за того, что я ничего не говорю и продолжаю на него смотреть, он вздыхает.

– Это была женщина, – к моему удивлению, отвечает Люцифер, хотя я была уверена в том, что он подтвердит мои догадки.

– Она что-то для тебя значила? – А вот и я стою посреди ночи с Люцифером в зале Дворца дожей и расспрашиваю его о таких личных вещах. Если бы кто-то сказал мне об этом пару недель назад, я рассмеялась бы ему в лицо. А теперь я задаюсь вопросом: было ли это разумно с моей стороны? Правда, забрать свои слова обратно я не могу.

Он некоторое время размышляет, а затем качает головой.

– Нет, ничего. Я просто ее недооценивал, – он уставился на какую-то точку на стене позади меня. – А себя, наоборот, переоценил, – признается он.

– Это две очень человеческие ошибки, – говорю я, потому что ему так непросто это признать. – Я тоже переоценила себя, когда спасала Кассиэля.

– К счастью, тебе не приходится отбывать за это наказание длиной в десять тысяч лет.

– Только потому, что у нас нет такого времени.

Его лицо становится каменным, а наши шуточки превращаются в горькую правду.

– Да, его у вас нет.

Он даже не спорит со мной по этому поводу. Надеюсь, архангел не ожидает благодарности за то, что не успокаивает меня пустыми обещаниями.

– Как долго еще ждать, пока найдут девятнадцать ключей? Есть ли какая-то определенная дата открытия врат рая или это не имеет значения? – спрашиваю я у него.

– Неужели тебе станет легче, если ты узнаешь дату? – Его голос становится совсем мягким, и мне кажется, что я слышу в нем сожаление.

Мы же разговариваем о дне моей смерти и дне смерти миллиардов других людей. При этом он улыбается мне так, словно собирается спросить о том, не хочу ли я поесть мороженого на площади Сан-Марко.

– Я просто хотела попрощаться с теми, кого люблю, – выдавливаю я.

– Если это твое желание, я постараюсь сделать так, чтобы оно исполнилось. – Его тень будто растворяется передо мной. Сначала мне так кажется, а потом я замечаю темный туман, обволакивающий его. Этот дым – признак подавленной ярости. У Люцифера нет ни единой причины быть злым. Это право принадлежит только мне.

– Ты мне это обещаешь? – Я решаю взять его на крючок, хотя от мысли об окончательном прощании с братом и сестрой мне становится холодно. Может быть, лучше все-таки не знать, когда наступит этот день?

– Обещаю. – Мы не спускаем глаз друг с друга. Мне кажется, что Люцифер хочет сказать мне что-то еще, но ему не нужно этого делать. В своих видениях я наблюдала за тем, как жены и дети ангелов умирали. Нападение архангелов оказалось абсолютно неожиданным, но Семьяса и остальные наверняка и так не знали, насколько суровым окажется наказание. Надеялись ли они на то, что их любимые выживут? Была ли у них возможность с ними попрощаться? Или же выжили действительно только кровные наследницы?

Я прерываю наш зрительный контакт первой.

– Лучше пойду обратно в кровать.

Он кивает.

– Спи хорошо. Я желаю тебе приятных сновидений, – говорит архангел мне вслед.

Я замираю. Он что, знает, что мне снилось? Он знает, что я чувствовала то же самое, что и он когда-то? Возможно, Люцифер может рассказать мне о том, откуда взялись эти сны. У меня есть некоторые соображения на этот счет. Теперь, когда я знаю, что мои предки жили в раю, я предполагаю, что вижу их воспоминания. Воспоминания, которые из поколения в поколение передавались по наследству. Удивительно, но это единственное объяснение, которое приходит мне на ум. Но я не буду рассказывать Люциферу об этом. Он все еще остается моим врагом, и мне не стоит забывать об этом, даже если этой ночью мне так не кажется. Мы с ним находимся по разные стороны баррикад.

Я знаю, что было бы разумнее подходить к делу более спокойно. Но еще я знаю, что единственный шанс выжить останется у меня только тогда, когда я вернусь в прежнюю форму. Разум живет своей жизнью и постоянно думает о Люцифере и нашей ночной встрече, и мне приходится пытаться самостоятельно контролировать свое тело. Чем чаще я думаю о плане Пьетро, тем больше я верю в то, что это действительно единственный шанс остановить ангелов. По крайней мере, хоть на какое-то время. Поэтому я тренируюсь, хотя вопросов все еще много. Что произойдет, если врата не откроются? Если Габриэль и остальные узнают, что мы пытаемся их перехитрить? Убьют ли они меня и другие ключи? Останется ли у них после этого возможность все-таки открыть врата? Могут ли они вообще как-то выяснить, что девушки обманывают их? Я не знаю, как мне получить ответы на эти вопросы, и, возможно, это и не важно. Любая, даже маленькая отсрочка может стать нашим спасением. Каждый выигранный день – это луч надежды.

Как правило, тренировки со мной проводит Сэм, но иногда Лилит или даже Наама тоже мне помогают. Мы никогда не используем оружие, что меня удивляет. Вместо этого Сэм инструктирует меня в бою с тенью и бегает за мной по дворцу, а Лилит медитирует со мной до тех пор, пока я не начинаю чувствовать, что моя душа готова отделиться от моего тела. Однажды Наама натягивает широкие веревки по покоям и коридорам и требует, чтобы я училась балансировать на них. На этих качающихся штуках мне удается пройти лишь два метра, прежде чем я падаю. Она смеется и легкой поступью разгуливает по ним сама.

– Если бы у меня были крылья, я бы тоже так смогла! – огрызаюсь я. – Тоже мне искусство.

Ее узкие брови поднимаются.

– Если бы ты старалась, тебе бы не понадобились крылья. Люцифер слишком мягок с тобой.

Слишком мягок со мной? Она издевается, что ли? Люцифер даже мне на глаза не попадается. Где он все время пропадает? Если бы я не встретила его сегодня ночью, я бы уже подумала, что он – какое-то привидение или местная легенда.

– Он запретил нам тебя перенапрягать, ведь от тебя зависит наше будущее. – Ее взгляд оценивающе скользит по мне.

– Ваше будущее, честно говоря, меня мало волнует, – отвечаю я.

Алессио заходит в комнату, прежде чем Наама успевает что-то ответить. Он выглядит уставшим и истощенным. Его вещи помяты, как будто он в них спал.

– Чем вы тут занимаетесь? – спрашивает он отсутствующим тоном, словно ответ на этот вопрос его вовсе не интересует. Это на него не похоже.

– Я пытаюсь научить Мун грациозности, но она, разумеется, топчется по веревкам, как слон. – Девушка запрыгивает на вышеупомянутые препятствия и, пританцовывая, скользит по ним в сторону Алессио. – Ты сегодня поздно.

Мой друг обхватывает ее узкую талию, спускает с веревок и держит на руках явно дольше, чем это необходимо. Наама внимательно рассматривает его.

– Что произошло?

– У нас очень много дел в больнице. – Алессио шатается, и в эту секунду я понимаю, что, должно быть, произошло что-то ужасное. Наама тоже это чувствует, потому что она обхватывает его рукой за пояс и ведет к дивану. Она заставляет его выпить хоть что-то. Внезапно воительница, которую я знаю, куда-то пропадает и оставляет место девушке, которая заботится о любимом человеке. На мгновение осознание этого выбивает меня из колеи, и я сажусь напротив них.

– Рассказывай, – прошу я тихим голосом. Теплый воздух залетает в комнату. Запах моря смешивается с ароматом стоящих на столе пирогов. Никто не тянется к ним. Снаружи кричат чайки, и даже здесь мы можем слышать голоса людей, расхаживающих по площади. Все вокруг нас мирно и спокойно, если так вообще можно сказать. Юноша молчит, и это пугает меня.

– Алессио? – тихо спрашиваю я его, игнорируя трех сидящих в комнате ангелов, хотя и чувствую, что Сэм и Лилит стоят за мной.

– Пожалуйста. Скажи хоть что-нибудь.

Он закрывает лицо руками, и рыдание сотрясает его тело. Я хочу подняться и подойти к нему, но Наама уже кладет на него свою руку, гладит его по спине, и он успокаивается от ее нежного прикосновения.

– Что-то с лихорадкой? С детьми что-то произошло? Мы можем как-то помочь? – тихо спрашивает она.

Когда юноша смотрит на нее, его глаза блестят: ему явно приходится сдерживать слезы всеми силами. Мое сердце словно сжимает чей-то ледяной кулак. Я хочу спросить его о Тициане, о Стар и Фениксе, но он уже начинает рассказывать.

– С детьми все в порядке, но… Вчера был совершен теракт, атака на лодку члена совета.

Я испуганно и в то же время облегченно делаю вдох.

– Это дело рук Братства?

Алессио кивает и обменивается взглядами сначала с Сэмом, а затем с Наамой. – Вы ничего ей не рассказали?

– Нет, – подтверждает она, будто чувствуя укол совести. – Мун не нужно переживать понапрасну.

И чем же я заслужила столько внимания?

– Кто был среди погибших?! – гневно спрашиваю я.

Я постоянно переживаю, они что, не думают об этом? Пока ангелы оберегают меня от внешнего мира, на улицах погибают люди. Я ни на секунду этого не забывала. Должно быть, это был кто-то, кто был нам близок. Алессио не стал черствым при том, что он видел много горя и страданий, но обычно ему лучше удается сдерживаться. Но не сегодня.

Он делает глубокий вдох.

– Это произошло недалеко от моста Риальто. К счастью, большинство прилавков уже были закрыты. Но Альберта часто забирает остатки еды с лавок для пациентов больницы.

Я резко киваю, потому что уже знаю, что он скажет дальше, но мой разум не хочет этого принимать.

– Она была совсем близко, когда бомба взорвалась, – шепчет он. – Взрывной волной ее отбросило в воду. Женщина была в относительной безопасности, и мы начали ее лечить, но она не пережила эту ночь. – Его последние слова едва можно было расслышать.

Я прижимаю руку ко рту, и все во мне онемевает. Альберта умерла. Сначала дрожат только мои губы, затем все мое тело. Семьяса опускает руку на мои плечи, но я стряхиваю ее. Я не могу вынести прикосновения ангела в этот момент. Я никогда больше не увижу ее идущей по рынку. Она больше не подарит мне яблок. Тициан больше не будет носить ей книжки. И она не будет готовить нам супы, если кто-то из нас заболеет. Женщина, которая заботилась о нас после того, как наша мать исчезла, умерла. Я со стоном упираюсь подбородком в колени. Как чувствует себя Пьетро? Альберта была его самой давней подругой, его поддержкой и компаньоном. У него даже нет времени скорбеть, ведь каждый день в больнице появляются все новые больные и раненые. Как бы мне хотелось быть рядом с ним и помочь теперь уже ему, но вместо этого я сижу здесь и готовлюсь к испытаниям вместе с ангелами.

– Мне очень жаль, Мун, – говорит Сэм, опускаясь рядом со мной, но оставаясь на расстоянии. – Мы предотвратили подобную атаку на прошлой неделе. Но нам не всегда это удается.

И это должно меня успокоить?

– Мы так часто патрулируем город, как это только возможно. Наама платит шпионам во всем городе. К сожалению, члены Братства очень осторожны. Нам пока не удалось найти ни одного из них.

Лучше бы он помолчал. Я не хочу это слушать. Семьяса знает не хуже меня, что этой проблемы бы не существовало, если бы не они. Но я не высказываю это замечание вслух, потому что это ни к чему не приведет. Он все равно понимает, о чем я думаю, потому что его челюсть напрягается.

– Мы оставим вас наедине.

Хотя я и вижу, что Наама не хочет уходить, она нехотя встает и следует за Сэмом и Лилит.

– Как дела у Пьетро? – спрашиваю я у Алессио, когда дверь за ними закрывается.

– Он всю ночь сидел у ее кровати. У нее были внутренние кровотечения, и он не мог их остановить. Она проснулась лишь один раз и попросила отпустить ее. У нее были ужасные боли.

Теперь тихие слезы стекают по моим щекам. Альберта не заслужила такого конца. Никто этого не заслужил.

Алессио делает глубокий вдох.

– Он ввел ей морфин из своих последних запасов, и она мирно заснула. Это было все, что он смог сделать для нее. – Голос юноши дрожит, и он снимает очки, чтобы вытереть глаза.

– Я не знаю, как он будет дальше без нее, – признается Алессио. – Альберта заботилась о многих вещах. Мы всего лишь лечим тело, а она беспокоилась о самих людях.

Я встаю, сажусь рядом с Алессио и беру его ладонь в свою руку.

– Вы никогда не сможете заменить ее кем-то, но мы найдем способ помочь Пьетро, – пытаюсь я его успокоить. – Я помогу тебе.

Он благодарно кивает, хоть и знает, что здесь мои руки связаны.

– В стационаре проходят поминки, чтобы все могли с ней попрощаться. Мне бы так хотелось, чтобы ты смогла туда пойти.

– Я и пойду, – говорю я уверенным голосом. – Попрощаюсь с ней в последний раз.

Алессио глубоко вздыхает, и я обнимаю его. Вместе мы выстоим. Я рыдаю на его груди и чувствую его слезы на своих плечах.

– Это никогда не закончится? – тихо спрашивает юноша.

Он явно не ожидает ответа на этот вопрос, потому что есть только один ответ.

– Люцифер не отпустит тебя, – говорит он чуть позже, когда глаза уже высыхают от слез.

В этом я не уверена, хотя и понимаю, почему Алессио так думает. Еще неделю назад я бы с ним согласилась. Но даже Люцифер знает, что это такое – потерять человека, которого ты любишь. Как много времени проходит, прежде чем люди принимают это и боль внутри притупляется? Я чувствую себя пустой и выгоревшей. Неужели однажды я останусь совсем одна? Неужели я потеряю каждого, кто хоть что-то для меня значит?

– Лучше не ссорься с ним. Альберта бы этого не хотела, – прерывает Алессио мои мысли.

– Мы просто спросим его об этом, – предлагаю я, поднимаясь с дивана. – Прямо сейчас. Наверняка он сидит в своем кабинете.

Балам и Сэм постоянно носят туда документы и бумаги с небес.

– Ты знаешь, где это?

К моему удивлению, Алессио кивает, и я следую за ним в дверь, ведущую наружу из покоев Люцифера. В этот раз на той стороне не стоят стражники, а Сэма, Лилит и Наамы не видно. Мы подходим к восточному крылу и направляемся к золотой лестнице Скала Д'Оро. За ней находится верхний этаж Дворца дожей. Алессио уверенно ведет меня к двери, из-за которой доносятся громкие голоса.

– Вот она, – говорит он. – Святая святых Люцифера. Ты уверена?

Прежде чем я успеваю подумать об обратном, я стучу ладонью по богато украшенному дереву и жду ответа. Терпение никогда не было моей сильной стороной, и сейчас я бы куда охотнее просто распахнула дверь.

Алессио кладет руку мне на плечо, чтобы помешать это сделать.

– Ты должна попытаться решить этот вопрос дипломатическим путем.

Я поджимаю губы. Голоса затихли, и теперь я слышу шаги. Сразу же после этого дверь открывает Сэм. Он видит меня и стонет. Мой взгляд падает на Лилит и Нааму.

– Почему она не в наших покоях? – Люцифер стоит за своим письменным столом и кричит на нас. – Почему здесь все делают то, что только захотят?

Я не позволю его крикам остановить меня на пути к своей цели, поэтому направляюсь прямо в комнату. Я останавливаюсь только перед его письменным столом.

– Я хочу покинуть дворец. В больнице проходят поминки по Альберте. Она погибла во время последнего теракта, и я полагаю, ты и так это знаешь. Никто из вас не счел нужным проинформировать меня об этом. Если бы вы это сделали, я могла бы увидеть ее еще живой. Я могла бы попрощаться с ней. Я могла бы быть рядом с Пьетро и Алессио.

Мой голос ломается.

Люцифер прищуривается и скрещивает руки на груди.

– Ты вообще знаешь, что происходит в городе? Поведение людей вышло из-под контроля. Они убивают всех, в ком подозревают членов Братства или людей, проявляющих к нему симпатию. Мы целыми днями пытаемся сдержать хаос. У меня нет времени вести куда-то какую-то девчонку.

– Тебе не нужно меня вести, – говорю я, еле сдерживаясь. – Я могу пойти сама. Это мой город!

– Об этом и речи быть не может. Слишком много людей знают о том, что ты кандидат на испытания. Братство только и ждет, чтобы заполучить тебя.

Он сейчас серьезно? Ему-то откуда знать? Они что, убьют меня до того, как узнают, ключ ли я? Возможно. Одна человеческая жизнь для них ничего не значит, пока они хоть как-то останавливают ангелов в их деле. Но в данный момент Братство, очевидно, больше заинтересовано в том, чтобы совершать теракты и убивать невинных людей.

– Я пойду, – я уверенно смотрю ему в глаза. Он должен знать, насколько это важно для меня. В этот раз Люцифер первый прерывает нашу зрительную дуэль.

– Это слишком опасно. Ты думаешь, Альберта или Пьетро Андреаси хотели бы, чтобы ты рисковала своей жизнью?

– Я должна пойти к ней. – Он что, не понимает этого? – Это наш способ попрощаться. Мы должны прощаться с людьми, которые что-то значат для нас. Мне все равно, насколько опасно, на твой взгляд, это мероприятие. Я и сама могу за себя постоять, я ведь как-то прожила целых восемнадцать лет без вас, ангелов. И ничего из того, что ты говоришь, не заставит меня передумать. Я пойду на ее поминки. Сейчас же.

Архангел молчит еще некоторое время. В комнате так тихо, что можно было бы услышать звук падения булавки. Он хочет запретить мне идти к Альберте. Люцифер наверняка бы с радостью запер меня, потому что я бросаю ему вызов на глазах его собственных подчиненных.

А затем он делает глубокий вдох.

– Хорошо. Если ты настаиваешь на этом… – Позади меня раздается тихий стон, и от облегчения у меня кружится голова.

– Сэм, собирай эскорт, вы полетите туда.

– Ты считаешь, что это разумно? – вмешивается Семьяса. – Нам не стоит провоцировать людей. Может, ей лучше как-то замаскироваться…

Люцифер стучит кулаком по столу:

– Вы полетите туда. Возьми с собой Балама, Амудиэля и Кальцаса. Вы отвечаете за нее своей жизнью. Я хочу закончить это все наконец. Нам больше нельзя рисковать.

Я тяжело сглатываю, потому что его слова снова напоминают мне о том, что я для него – всего лишь инструмент достижения цели.

– Мне нужны продукты для больных, – продолжаю я. – Альберта заботилась об этом раньше, и чаще всего она собирала остатки еды на рынке. Нерону плевать на это, но больные нуждаются в лучшей еде. У вас здесь всего в избытке.

Мне кажется, что Люцифер вот-вот поднимет меня на смех, но он поворачивается к Нааме:

– С этого момента больница должна получать продукты из Дворца дожей. Позаботься об этом.

– Габриэль не одобрит этого, – отвечает она. – Ты должен сначала обговорить это с ним.

Люцифер вот-вот взорвется. Тени вокруг него сгущаются от ярости, а его глаза, кажется, сверкают. Задыхаясь, я отшатываюсь назад.

– Просто делай то, что я говорю, – рычит он на нее, – а моего брата оставь мне.

Наама поднимает руки.

– Но ты говорил то же самое, когда я в прошлый раз просила тебя об этом.

– Я знаю. Но теперь ситуация изменилась.

– Как скажешь. Я позабочусь обо всем.

– Значит, нам пора выдвигаться в путь, – говорит Сэм. – Или у тебя есть еще какие-то желания? – Он выжидающе смотрит на меня, но я качаю головой и поворачиваюсь к двери.

Когда я оглядываюсь через плечо, Люцифер стоит у окна с опущенной головой и опирается руками на подоконник. Он выглядит одиноким.

– Ты проводишь меня до кухни? – спрашивает у Алессио Наама. – Ты лучше всех знаешь, что вам нужно.

Когда юноша кивает, она берет его за руку и тянет за собой.

– Я лучше пойду вслед за этими двумя, – говорит Лилит. – Работники кухни не очень-то жалуют Нааму.

– Они что, люди? – спрашиваю я, и девушка кивает.

– Мне жаль твою подругу, – говорит она. – Мы поможем тебе, как только сможем. – Ее взгляд обращается к Семьясе. – Присмотри за ней, – говорит она.

– Обязательно, хоть я и считаю этот визит полнейшей тупостью, но Люцифер, судя по всему, ничего не может ей противопоставить.

– У каждого, кто идет на эшафот, должно быть последнее желание, – цинично отвечаю я. – Это мое.

Лилит гладит меня по руке, а затем бежит вслед за Алессио и Наамой, которые давно исчезли.

Сэм фыркает:

– Главное, что ты не потеряешь свое чувство юмора, даже если на нас нападут враги. – Он отводит меня обратно в покои Люцифера.

В салоне нас уже ожидают Балам и Амудиэль.

– Кальцас скоро будет, – говорит Балам, и я задаюсь вопросом, как эти трое узнали о приказе Люцифера. – Он еще Дамеаля с собой приведет. На всякий случай.

Сэм кивает, а затем исчезает в одном из коридоров. Я не знаю, за какой дверью находится его комната.

– Я не понимаю, почему пять ангелов-воинов должны защищать девчонку, – ворчит Амудиэль. – Мы только что тренировали новую расстановку. Как мы сможем наращивать силу, чтобы сравняться с армиями других небесных дворов, если нас постоянно прерывают? Половина моих мужчин должны помогать заново отстраивать дворец. Когда они закончат строительство, они даже меча в руках держать не смогут.

– Это приказ Люцифера, и лучше тебе не ставить его приказы под сомнение, – слышу я реплику Балама.

Он выглядит напряженным, и я не понимаю почему. Никто за дворцовыми стенами не знает, что я хочу посетить больницу.

– Я не пробуду там долго, – обещаю я.

– Эта ситуация непростая для всех нас, – отвечает Балам в момент, когда Сэм возвращается в салон с темной накидкой в руках. На его спине закреплено копье, с бедра свисает меч, а из голенищ сапог торчат ножи.

– Надень.

Лучше бы дал мне оружие. Не успела я затянуть завязки, как он уже взял меня на руки. Сначала я хотела возразить, но лучше мне промолчать. Я и так уже принуждаю ангелов выполнять мои желания и не хочу лишний раз их раздражать.

Семьяса со мной на руках направляется к балкону и запрыгивает на парапет. Я крепко держусь за него и не осмеливаюсь взглянуть вниз. Сказать, что у меня проблемы с ощущением высоты, – ничего не сказать. Только тогда, когда он поднимается и летит, покалывание в моем животе и ногах отступает. Сейчас уже поздний вечер, и мы парим над городом, который уже через пару часов заснет. Сэм совершает крюк в воздухе, и я вижу повозки, стоящие перед парадным входом от Дворца дожей к базилике Сан-Марко, Порта делла Карта. Я узнаю Алессио, следящего за отгрузкой. Он недолго смотрит наверх и машет мне рукой. Я так рада, что у него теперь хотя бы на одну проблему меньше.

– За обеспечение жителей города пищей на самом деле отвечает небесный двор Габриэля, – поясняет Сэм. – Он должен заботиться о том, чтобы не наступил голод и чтобы все были сыты.

– Значит, он не очень хорошо справляется со своим заданием.

– Это точно, – отвечает Сэм. – После того как мы отбыли свое наказание и вернулись в пятый небесный двор, мы не хотели снова спускаться на землю, – рассказывает он дальше. – Люцифер даже не планировал сообщать своим братьям тайну открытия врат рая. Но мы не понимали, как они обращаются с людьми. Мы узнали об этом лишь тогда, когда худшее уже случилось. С тех пор мы стараемся хоть как-то облегчить вашу долю.

Эта информация удивляет меня, хотя наши представления о словосочетании «облегчение доли» явно разные.

– Мы вот-вот будем на месте! – кричит Балам, прежде чем я успеваю спросить об этом Сэма. Ангел указывает вниз. По узким улицам извивается длинная очередь. Люди, одетые в черное, терпеливо ожидают своей возможности зайти в больницу и попрощаться. Альберта спасла стольких людей, держала так много рук и утешала стольких больных. Дыра, которая останется в душах жителей Венеции, ничем не может быть заполнена.

– Спускаемся на крышу, – командует Сэм, и Балам складывает крылья на спине, чтобы еще раз пролететь по узкой улице и вернуться.

Тем не менее наше прибытие не остается незамеченным. Головы поднимаются к небу. Некоторые люди кричат и трясут кулаками, а другие падают на колени и прикрывают руками головы. Некоторые просто убегают. Я и не думала, как страшно может быть для людей увидеть спускающихся на них с неба пять ангелов-воинов пятого небесного двора.

– Вам лучше остаться здесь, – говорю я, когда мы приземляемся. – Будет безопаснее, если я буду в здании одна.

Сэм не отводит от меня взгляда, но знает, что я права. Он открывает люк.

– Даю тебе полчаса. Если ты не вернешься, туда пойду я.

Я киваю и спускаюсь по узкой лестнице. Через люк в здание проникает достаточно света. Я нахожусь на чердаке. Повсюду висит паутина, и я замечаю разломанную или забытую мебель. У меня не остается времени на то, чтобы рассмотреть все вокруг себя, и я спешу к лестнице, ведущей на нижний этаж. Не хочу, чтобы ангелы шли за мной следом. На верхнем этаже достаточно тихо, если не обращать внимания на стоны больных, разносящиеся по коридорам. Медсестра бежит по холлу, но не замечает меня. Поминки проходят в фойе. Чем ниже я спускаюсь, тем громче становятся голоса и плач. Я слышу тихие молитвы и шелест венков. Я останавливаюсь на лестнице и смотрю вниз. Альберта лежит на столе, накрытая белым льняным покрывалом. Ее руки сложены на груди, и она выглядит так, будто просто спит. Люди медленно проходят мимо нее, касаясь ее рук или лба. Многие женщины плачут и опираются на своих мужчин, которые оставляют цветы или письма. Белое покрывало уже все устлано цветочными лепестками. Пьетро стоит у импровизированного алтаря с непроницаемым выражением лица. Одна его рука лежит на плече Альберты, словно он поддерживает ее. Несмотря на то что вокруг него находится куча людей, мужчина выглядит невероятно одиноким. Я медленно спускаюсь по лестнице. Проталкиваюсь сквозь толпу, подхожу к Пьетро и беру его за другую руку. Сначала, кажется, он совсем меня не замечает.

– Мне так жаль, – говорю я тихо, хотя это совершенно не нужно. – Я не знаю, что сказать.

Пьетро на мгновение закрывает глаза, и я могу лишь догадываться, каких усилий ему стоит стоять здесь и скорбеть по Альберте. Но он со всем справится. Я остаюсь рядом с ним, выслушиваю слова сочувствия, которые высказывают люди, благодарю их за это и кладу цветы на тело Альберты. Время проходит, и я понимаю, что мне пора идти, пока Сэм не ворвался в больницу, но я не могу оставить Пьетро одного. Он нуждается во мне. В очереди я замечаю Марию и ее мужа Павла. У него на руках их сын. Когда они подходят к нам, мы с Марией крепко обнимаемся.

– Как твои дела? – спрашивает девушка. – Они что-то с тобой сделали?

Я качаю головой, и мне становится жутко совестно оттого, что я так редко вспоминала ее за последние несколько дней. С тех пор как я пробралась в кабинет Люцифера, я словно живу в каком-то пузыре. Сплю в красивой комнате, лежу на мягкой кровати и получаю достаточно еды. Сижу в салоне с ангелами и играю с ними в шарады. Вдруг все это кажется мне таким фальшивым.

– Все не так плохо, как я думала, – выдавливаю я. – Нуждаетесь ли вы в чем-то?

Она пожимает плечами:

– Нерон закрыл рынок. Нам нужно покупать лицензию на новое торговое место.

Павел сжимает ее плечо.

– Мы справимся с этим, – он кажется отстраненным, и я не виню его за это. Мария побледнела от переживаний, а я наверняка выгляжу как цветущая роза. Надо попросить Алессио встретиться с ними. Может быть, он сможет принести им что-нибудь из еды. Следующие несколько дней не будут для них простыми.

Кажется, очереди нет конца. Полчаса давно прошли, но Сэм не приходит меня забирать. Здесь я нахожусь среди своих. Эти люди знают меня. Многие даже слышали о том, что я кандидат на испытания ключей. Впервые за несколько недель мне представляется возможным сбежать. Я смотрю в сторону входной двери. Солнце на улице уже садится, а свет становится все более тусклым. Кто-то уже зажег свечи. Куда я могу пойти? Кто поможет мне? Я не могу пойти в библиотеку, потому что Люцифер будет искать меня там в первую очередь. Это опасно, ведь он может найти Стар. Я должна спрятаться в другом месте. Сможет ли Феникс спрятать меня? Были ли они с Тицианом здесь, приходили ли они попрощаться с Альбертой? Скольких людей я поставлю под удар, если сбегу? Если Габриэль или Рафаэль узнают об этом, они будут безжалостны.

– Мне надо идти, – шепчу я на ухо Пьетро. – Алессио вот-вот придет. Он принесет вам продукты.

Теперь у Пьетро одной заботой меньше, но я должна сделать для него еще что-то.

Он смотрит на меня. Его взгляд будто направлен куда-то вдаль.

– Ты наша единственная надежда, – говорит он, касаясь моей щеки. – Сделай же так, чтобы ее смерть не была напрасной.

Я хочу хоть что-то сказать ему в ответ, но слышу голос со стороны лестницы:

– Мун. Время идти.

Я думала, что увижу там Сэма, но сюда заявился Люцифер собственной персоной. Люди замирают от испуга и отшатываются от него. И я не виню их за это. Он выглядит таким мрачным, я давно не видела его в таком состоянии. Черная одежда сияет в свете свечей, а его глаза сверкают, словно лава Везувия. Но если он считает, что я сейчас побегу к нему и позволю ему унести меня отсюда, он ошибается. Я согласно киваю и иду в сторону выхода. Когда я покидаю больницу, то пытаюсь взглядом дать людям понять, что им не стоит бояться его. Но это бессмысленно, потому что он идет за мной с такой кислой миной, словно собирается подбросить меня в воздух. Когда я вообще перестала его бояться? Когда он нашел меня без сил и не отправил обратно в темницу? Когда он держал меня за руку, пока Алессио залечивал мою рану? Или еще раньше? Я уже не помню.

У двери стоят повозки с продуктами. К моему удивлению, люди и ангелы вместе заносят еду в больницу. Все больше людей преодолевают свой страх и предлагают ангелам свою помощь.

Сэм раздает нескольким детям свежие яблоки и наказывает им их съесть.

Мое сердце тает, когда маленькая девочка вежливо благодарит его за это. Мы с Алессио обмениваемся взглядами. Вот чего он хотел. Мы не должны быть врагами, если обе стороны будут стараться. Правда, если принимать во внимание план Рафаэля, это все остается утопией.

– Мы можем идти домой? – сухо спрашивает Люцифер. – Ты всем довольна?

– Можешь приберечь свой сарказм для кого-нибудь другого, – отвечаю ему я, продолжая идти вперед.

Кажется, очередь так и не уменьшилась.

– Вы можете проследить за тем, чтобы с людьми ночью ничего не случилось, пока они ждут возможности попрощаться?

– Я уже отдал приказ, – ворчит он. – Об этом позаботится Наама.

Мы молча двигаемся дальше. Я не могу не заметить того, что Люцифер идет совсем близко. Если он почувствует опасность, то возьмет меня на руки и сразу же улетит прочь. Я рада, что ничего такого не происходит.

Глава V

Алессио возвращается во Дворец дожей только через два дня. Я сижу на диване и читаю книгу. Я нашла целую кучу томов в своей комнате, когда вернулась после тренировки вчера вечером. Готова поспорить, что их принес Люцифер.

Меня не удивляет, что Алессио только сейчас нашел время навестить меня. Без Альберты в больнице наверняка царит хаос. Я испытываю муки совести, понимая, что ничем не могу им помочь.

– Ты выглядишь измотанным и уставшим. – Наама берет его за руку, и юноша улыбается. Она сама только что вернулась с патруля, они все еще в форме. С тех пор как произошел последний теракт, Наама ни секунды не отдыхает и постоянно находится в городе. – Ты хочешь чего-нибудь поесть или попить?

– Не имею ничего против чашки кофе и куска хлеба, – отвечает Алессио. – Но до этого мне нужно осмотреть ногу Мун.

На самом-то деле в этом больше нет необходимости, потому что рана почти полностью зажила, но он окидывает меня внимательным взглядом, поэтому я молча следую за ним в свою комнату. Только тогда, когда дверь закрывается, Алессио обнимает меня в знак приветствия.

– Как твои дела? – спрашиваю я. – Как там Пьетро?

– Мы со всем справляемся. Прежде всего благодаря поставкам продуктов от Люцифера. Это все упрощает, и многие люди добровольно вызвались помогать в больнице. Мы не можем платить им зарплату, но в качестве оплаты труда мы даем им еду.

– Это хорошо. Надо было мне раньше попросить его поддержать вас.

– Не упрекай себя. Я и сам не осмеливался этого сделать. На самом деле Люциферу нельзя вмешиваться в управление городскими делами, он несет ответственность лишь за защиту города по ночам.

Надо будет поблагодарить его в следующий раз, когда мы встретимся.

– Стар уже знает о смерти Альберты?

– Мы с Фениксом решили, что лучше не рассказывать ей об этом. Но Тициан попрощался с Альбертой. Они с семьей Кьяры присутствовали на поминках.

Я чувствую, как к моему горлу подкатывает огромный ком. Мой брат был там, а я его не видела.

– Но мне надо поговорить с тобой наедине кое о чем. – Алессио кладет руки на мои предплечья, словно пытаясь меня удержать. – В воскресенье через две недели ни одному жителю города нельзя будет выходить из дома. Кто-то говорил тебе об этом?

Мое сердце непроизвольно начинает биться быстрее.

– Значит, дата первого испытания уже назначена? – Я знала, что это однажды произойдет, но теперь мне становится страшно. Страшно не оттого, что испытание скоро состоится, а оттого, что на моих плечах лежит огромный груз ответственности.

– Что, если я не справлюсь с первым заданием? Вдруг я разочарую Пьетро?

Алессио успокаивающе гладит меня по рукам.

– Просто постарайся, – просит он меня.

– Ты веришь в эту историю? Ну, в то, что я потомок Еноха? Или Пьетро говорит это лишь для того, чтобы я поверила, что у меня есть шанс?

– Нет, он бы так с тобой не поступил. Боюсь, он прав насчет твоего происхождения. Каким бы невероятным тебе все это ни казалось.

Я киваю.

– Но перед первым испытанием кандидаты должны распределиться по небесным дворам. Сэм сказал, что архангелы «разыгрывают» девушек.

– Да, я знаю. Не думал, что когда-нибудь это скажу, но я очень надеюсь, что ты останешься в пятом небесном дворе.

– Почему это? Чтобы ты продолжал видеться с Наамой? – Я знаю, что это несправедливо по отношению к нему, но не могу забрать свои слова назад. Я лишь надеюсь, что это звучит не слишком укоризненно.

– Нет, просто я встретил Кассиэля, и он тобой интересовался. Не нравится мне это.

– И что ты ему сказал? – Я рассматриваю свои ногти.

– Правду. Что ты чуть не умерла, но твои раны уже затянулись. Он сказал, что позаботится о том, чтобы Люцифер больше никогда не причинил тебе боль. Он выглядел очень обеспокоенным.

Я смеюсь от изумления.

– Чтобы Люцифер больше никогда не причинил мне боль? Он серьезно?

– Он явно заблуждается, думая, что в том, что тебя заперли в темнице, виноват Люцифер. Ведь это там на тебя и напали эти мужчины.

Я не могу поверить в это.

– Это же он нашептал Михаэлю на ухо то, что я ключ. Если бы Кассиэль не сказал этого, Люцифер бы на меня и внимания не обратил.

– Он попросил передать, что ему очень жаль.

– Я тоже о многом сожалею, – выдавливаю я. – Мне жаль, что я вообще спасла его из собора. Мне жаль, что я выходила его. А больше всего мне жаль, что я его поцеловала!

Дверь открывается, и Люцифер заходит в комнату.

– Какие-то проблемы? – Он смотрит то на меня, то на Алессио. – Ты кричишь на весь дворец.

– Вот и повелитель тьмы пожаловал! – ругаюсь я. – Насколько я знаю, дата первого испытания ключей назначена. Когда ты собирался рассказать мне об этом?

Вот и все. Мне надо будет участвовать в испытании, и пути назад больше нет.

Глаза Люцифера темнеют.

– Я не знал, что должен перед тобой отчитываться. Почему тебя так беспокоит эта дата? Как будто у тебя есть выбор, идти туда или нет.

От такого высокомерия я начинаю задыхаться.

– Девушки разве не должны быть распределены по небесным дворам до испытания?

– Тебе что, у меня здесь не нравится? – Он подходит к нам. – Спешу сообщить тебе о том, что другие небесные дворы не позволят тебе довольствоваться таким же количеством свободы.

– Свободы?! – Я срываюсь на крик. – Как будто ты вообще знаешь, что такое свобода! Ты думаешь, что дворец для меня просто райское место? Думаешь, что мое настроение можно поднять какими-то вкусностями, при виде которых я забываю, почему я здесь? В этой клетке я чувствую себя не лучше, чем человек, погребенный заживо.

Люцифер замирает на мгновение, и я слышу, как Алессио резко втягивает в себя воздух.

– Мун, – шепчет он, пораженный сказанным, но я слишком расстроена, чтобы забирать свои слова назад.

– Золотая клетка – это все еще клетка.

Может быть, я к нему несправедлива, но паника уже охватила меня целиком и полностью. Я не знаю, что меня ждет. Ангелы не позволяют мне тренироваться с оружием, и я еще никогда не чувствовала себя такой беззащитной, как сейчас. Именно поэтому я вымещаю свою злость на Люцифере.

Наши щеки соприкасаются, когда он наклоняется ко мне. Его шоколадный запах щекочет нос, а сердце подскакивает куда-то в глотку. Голос Люцифера становится очень тихим.

– Если ты надеешься, что попадешь в небесный двор Михаэля к Кассиэлю, то мне придется тебя разочаровать. Этому не бывать.

– Это мы еще посмотрим. – Сам факт того, что он так думает, вызывает у меня ярость. Я же не такая идиотка.

Брови Люцифера поднимаются, а затем он разворачивается и уходит. Одна из книг с моей тумбочки падает на пол, когда он захлопывает за собой дверь. Мне кажется, что этот звук громче, чем обычно. Оцепенение длится всего пару секунд.

Алессио хмурит лоб.

– Ты же вообще не хочешь в небесный двор Михаэля, зачем ты провоцируешь Люцифера понапрасну? Ты должна сконцентрироваться на нашем плане. Только это имеет значение.

– Выиграй испытания и спаси мир, – цинично комментирую я. – Нет ничего проще. – Я падаю на кровать. – Можешь уже идти к Нааме, – говорю я. – Она ждала тебя все это время.

Вместо того чтобы следовать моему совету, Алессио садится рядом и гладит меня по спине.

– Ты напряжена и нервничаешь, – говорит он. – Но не сходи с ума раньше времени. Иначе у нас действительно не будет никаких шансов.

– Я знаю, – лишь четверть боя зависит от действительной физической силы. Если человек не может контролировать свои эмоции, ему даже выступать не нужно. А я целый комок нервов, просто катастрофа, ведь я и себе больше не доверяю. Я утратила веру в саму себя. Я сажусь и опираюсь на плечо своего друга. – Если бы я хотя бы знала, что меня ждет. Но они даже упражняться с оружием мне не позволяют.

– Мне хотелось бы, чтобы я мог рассказать тебе об этом. Но даже Наама не знает, как будут проходить твои испытания. Но ты уже в форме. Борьба у тебя в крови. Ты справишься с этим. Подумай о Стар, Тициане, своем отце и Альберте. Они в тебя верят, – Алессио открывает сумку, достает оттуда клочок бумаги и передает его мне.

Я разворачиваю бумажку. На ней нарисована наша кухня. Тициан сидит за столом и что-то пишет. Феникс опирается на столешницу рядом с плитой и держит в руке книгу. Стар нарисовала саму себя рисующей. Все это выглядит так реально, словно я сейчас стою в нашей квартире, и это самый прекрасный подарок, который я когда-либо получала. Я прижимаю его к своей груди, и мне мгновенно становится немного лучше.

– Скажи ей, что мне очень понравился рисунок.

– Обязательно скажу. Она долго думала над тем, как может тебя порадовать. Рисунок был идеей Феникса.

Мне сразу становится лучше. Я опускаю голову на плечо Алессио.

– Нам было замечательно вместе, не правда ли? Очень повезло, что все мы есть друг у друга.

Алессио берет мою руку в свою ладонь.

– Конечно, замечательно. Я благодарен судьбе за каждый день, который я провел, будучи частью вашей семьи.

– Без тебя бы я не смогла пережить все эти годы, и я тебя не разочарую.

Он целует мои волосы.

– Ты и не можешь меня разочаровать. Просто постарайся, но не слишком рискуй. Я не хочу потерять тебя.

– И я не хочу потерять тебя. Но если я умру, ты позаботишься о Стар и Тициане?

– Ну а как же? – Его голос звучит немного возмущенно. – Ты можешь положиться на меня. Всегда.

После того как Алессио уходит, я остаюсь в комнате одна, рассматриваю картинку и не желаю ничего, кроме как быть на другой стороне площади рядом со своими братом и сестрой. Я размышляю над тем, не стоит ли мне пойти к Люциферу и извиниться за то, что я была к нему несправедлива.

Но, прежде чем я успеваю претворить свой замысел в жизнь, он приходит ко мне сам. Я быстро прячу рисунок Стар под подушку и усаживаюсь на кровати.

– Распределение девушек по дворам пройдет через три дня, а первое испытание состоится в воскресенье через две недели, но об этом ты уже, очевидно, наслышана. Я хотел рассказать тебе об этом раньше, но у тебя была острая необходимость поточить об меня свои когти, поэтому я не смог ничего сообщить.

– Извини, – говорю я. – Ты застал меня в плохом настроении.

Негодующее выражение его глаз сменяется изумлением.

– Ты что, только что передо мной извинилась?

Я закатываю глаза.

– Давай не делать из мухи слона. Не надо теперь всем об этом рассказывать.

Когда он улыбается, его лицо меняется, и вдруг Люцифер становится похожим на простого мальчишку.

– Тебя это беспокоит, правда? Та самая крутая Мун, у которой все всегда под контролем и которая все знает лучше всех и никого и ничего не уважает, извиняется перед кем-то. Эта новость быстро разнесется по всем небесным дворам…

Я скрещиваю руки на груди.

– Если ты хочешь растрепать это всем – на здоровье. Как будто на небесах кто-то мной интересуется.

Он подходит ко мне поближе.

– Ты можешь быть очень самоуверенной, но ты себя жутко недооцениваешь, – поясняет архангел, не отрывая от меня взгляда. – Впечатляющие обстоятельства, при которых Кассиэль нашел тебя, постоянно обсуждаются на небесах. Ангелы ничего не любят так, как сплетни. Они уже даже заключили пари насчет того, простишь ты его или нет, если Михаэль заберет тебя в свой небесный двор.

Люцифер на мгновение останавливается и опускается передо мной на колени так, чтобы наши лица находились на одном уровне. Ладонями он упирается в края моей кровати так, что я оказываюсь пойманной между его руками.

– Планируешь ли ты простить Кассиэлю его предательство? – с опасной мягкостью спрашивает он.

– Нет. – Мой голос дрожит от этой неожиданной близости, и Люцифер искривляет губы в надменной улыбке. Он мне не верит.

– Ты со всех ног к нему побежишь, стоит ему только пальцами щелкнуть, – говорит он. – Я вижу тебя насквозь. Что они делали с вами, женщинами, все эти сотни лет? У тебя что, совсем нет гордости?

Моя рука живет своей собственной жизнью. Прежде чем я успеваю остановить ее, она со всей силы ударяет его по щеке. Мы замираем. Я отвожу руку в сторону, замечая, как в его глазах начинает разгораться пламя.

– Как ты смеешь рассуждать о моей гордости? – Мой голос больше не дрожит. Я просто в ярости, и мне плевать на его гнев. Он нуждается во мне больше, чем я в нем. – Ты и ее у меня отобрать пытаешься? Это что, какая-то игра для тебя? Ты чувствуешь себя более значительным и властным, когда унижаешь меня? Что ты хочешь от меня услышать? Что я все еще люблю Кассиэля? Ты думаешь, что я тешу себя надеждой, что он придет и заберет меня? Я прекрасно знаю, что он меня использовал. И хватит постоянно указывать мне на это. Может быть, я была глупой и наивной, но, по крайней мере, я не такая бесчувственная, как ты.

Люцифер встает, пока я продолжаю его ругать. На его щеке вырисовывается след от моей руки.

– Ты права, – говорит он еле слышно, когда я заканчиваю свою тираду. – Кассиэль не придет спасти тебя. Он не настолько смел. – Выражение лица Люцифера при этих словах становится настолько устрашающим, что я даже и не виню Кассиэля ни в чем. Если какой-нибудь ангел решит противостоять

Люциферу, это будет равноценно самоубийству. – Сконцентрируйся на том, чтобы остаться в живых. Это будет сложно.

– Да что ты, – как будто он сказал что-то новое. – Что за бред вообще это распределение по небесам? Почему вы просто не запираете нас где-нибудь перед испытаниями? Вы что, боитесь, что мы объединимся друг с другом и будем выдумывать какие-нибудь хитрости? Или вы просто хотите изолировать нас друг от друга, чтобы мы дрожали от страха?

– Не то чтобы это тебя как-то касалось, – отвечает он на мою провокацию, – но, поверь мне, этот процесс защищает не только интересы ангелов, но и интересы людей.

Я хлопаю ресницами. Даже по его меркам он говорит слишком загадочно.

– Наши интересы будут защищены, если вы не будете разыгрывать нас между ангелами.

– С чего ты взяла, что это наша цель? – весело спрашивает он.

Если бы у меня было оружие, я бы перерезала ему глотку или воткнула кинжал в грудь.

– Потому что вы хотите начать Апокалипсис. Потому что вы не хотите, чтобы мы вкусили плод с древа жизни. Нельзя, чтобы в мире, кроме вас, был еще кто-то бессмертный. Что тогда будет отличать вас от нас? Только идиотские крылья. Я не верю, что вы позволите хоть кому-то из нас остаться в живых после открытия врат рая.

– Как ты замечательно все рассчитала, – насмешливо отвечает Люцифер. – Что ты знаешь о дне Искупления? Думаю, ты прочла об этом все, что люди написали в своих книжках.

Я щурюсь. Он все еще надо мной смеется. Иначе зачем ему говорить об этом?

– Все верно.

Но я все больше разочаровываюсь в том, что читала. Откуда мне знать, что происходило много тысяч лет назад на земле и на небесах? Что из моих знаний – правда, а что – ложь? Если Люцифер был бы дьяволом, которым все его считают, он бы наказал меня за мое непослушание. Его нельзя назвать милым, но он не обращается со мной зло или грубо.

– Дам тебе хороший совет на будущее, – говорит он опасно тихо, ни на мгновение не сводя с меня взгляда. – Будь внимательнее и включи свой разум.

Это совет? Прежде чем я смогла спросить его, что это вообще значит, он уже оставил меня в комнате одну.

Надо быть внимательнее. Хотелось бы мне еще раз прочесть писания из отцовской библиотеки. Мы все неправильно поняли? Мы всегда думали, что Третья Небесная война должна уничтожить людей. Мир должен растаять, как свинец в огне, он должен пасть во время шторма, а все люди – предстать

пред судом. Те, кто писал эти книги, сходились во мнениях и думали, что Иерусалим был уничтожен римлянами. Неужели Люцифер пытается намекнуть мне на то, что все это неверно? Или он просто не хочет отбирать у меня последнюю надежду на то, что что-то все еще может нас спасти? Мне надо узнать об этом больше. Остается открытым лишь вопрос о том, как мне все это провернуть. Возможно, это был только отвлекающий маневр с его стороны, ведь я больше не думаю об испытаниях.

Я уговорила Сэма бегать со мной по дворцу два раза в день, чтобы вернуть прежнюю выносливость. Я делаю так много отжиманий, упражнений на пресс и приседаний, что все мое тело адски болит. Но мне приятно, что изо дня в день у меня получается сделать все больше повторений. Люцифер тем временем запирается в своем кабинете или же проводит длительные встречи со своим штабом. По ночам я не могу заснуть и размышляю, удастся ли мне незаметно прокрасться в библиотеку. Я больше не хочу сбегать отсюда, мне просто нужно больше информации. Если я могла бы поговорить со Стар о том, точно ли Апокалипсис равнозначен нашему уничтожению, я бы, возможно, получила ответы на пару вопросов.

– Пойдем, малышка, – зовет меня Семьяса. – Попытайся сделать это еще раз, и мы закончим на сегодня, – уже совсем поздно. Все остальные ангелы уже лежат в своих мягких, теплых кроватях, а я попросила Сэма потренироваться со мной на веревках еще немного.

Он завязывает мне глаза шелковым платком Лилит и берет меня за руку, чтобы помочь мне залезть на веревочную конструкцию. Эти штуки стали моим любимым тренировочным оборудованием, а Сэм поставил своей целью гонять меня по ним до тех пор, пока я не пройду по ним с завязанными глазами, не падая. Мы стали отличной командой, и мне тяжело держать дистанцию в общении с ним и ненавидеть его, потому что у меня просто нет для этого никаких причин. Это заставляет меня чувствовать себя совестно, и я постоянно пытаюсь уговорить себя использовать его так же, как и он меня. Я делаю глубокий вдох, и Сэм отпускает мою руку. Мне нужна всего секунда, чтобы поймать баланс и начать движение. Веревка опускается под моим весом, но я уже научилась держать на ней равновесие. Искусство состоит в том, чтобы чувствовать ритм веревки и не фиксировать на ней ноги и колени. Если меня разбудить среди ночи, я все еще отлично буду помнить путь из канатов. Хотя Наама изначально хотела помучить меня этим упражнением, стоит признать, что это оказалось очень эффективным способом вернуть самой себе веру в свои способности. Я поворачиваюсь на веревках, достигая стены, прохожу по двум узлам и приближаюсь к концу препятствия. Я заставляю себя дышать равномерно, хотя по моему лицу уже начинает расплываться улыбка. Когда я достигаю последней точки, я спрыгиваю на землю, срываю платок с глаз и падаю в руки Сэма. Он кружит меня, а его низкий смех вибрирует на моей груди. Он радуется как минимум не меньше моего.

– Я знал, что ты справишься, – гордо сообщает ангел, и мы даем друг другу «пять».

Ленивый хлопок в ладоши прерывает нас, и Сэм ставит меня на ноги. Мне и поворачиваться не нужно, чтобы знать, кто там стоит.

– Оставь нас одних ненадолго, – прошу я Сэма.

– Точно? – спрашивает он.

Ни он, ни Лилит с Наамой не спрашивали меня о нашей ссоре, но я уверена, что они все знают.

– Я могу и остаться.

– Сэм, – быстро отзывается Люцифер. – Мун не нуждается в защитнике, и я ее и пальцем не трону.

– Люц, – продолжает Сэм, но его сразу же прерывают.

– Иди! – холодно требует Люцифер.

– Главное, не волнуйся, – ворчит Сэм, бросая на Люцифера злые взгляды. – А ты не будь с ней слишком строг.

Брови Люцифера поднимаются.

– Хорошо они с тобой занимались? Ты готова? – спрашивает Люцифер, к моему изумлению, когда Сэм уходит.

– Отлично. Думаю, я готова к испытаниям настолько, насколько вообще возможно быть готовым в таких обстоятельствах.

– Рад это слышать. Это будет очень непросто. – Тусклый свет коридора не позволяет мне рассмотреть его глаза. Поэтому я не могу узнать, действительно ли слова Люцифера столь же честны, как и его интонация.

– Я хотела извиниться перед тобой, – говорю я быстро, не позволяя себе утратить смелость.

– Это что теперь, войдет в привычку?

Я не позволяю ему себя спровоцировать и напрягаюсь.

– Я не надеюсь на то, что Кассиэль спасет меня. Но все еще верю в то, что где-то есть место, где мы с моим братом могли бы быть в безопасности. И Алессио. Я знаю, это какое-то безумное желание. Но в такое время оно абсолютно естественно. По крайней мере, для нас, людей.

– Такого места не существует, – тихо отвечает Люцифер. – И если бы даже такое место было, я бы не отпустил тебя туда. Твое место здесь, в Венеции. Поэтому тебе придется попрощаться с этой надеждой.

Я киваю, не отводя взгляда. Он не сказал мне чего-то, чего я не знала много лет до этого.

– Твое сердце превратилось в пыль только во время заключения или у тебя никогда его не было?

Несмотря на очевидное оскорбление, губы Люцифера искривляются в улыбке.

– Я действительно скучал по твоему острому языку.

Он меня просто убивает. Я и понятия не имею, что ответить на это.

– Ты еще пообщаешься со мной, – спрашивает он прежде, чем я успею что-то ответить, – или хочешь пойти спать?

Не ожидая моего ответа, Люцифер направляется к диванам, стоящим в салоне и освещенным лунным светом.

Я не могу упустить такую возможность собрать информацию, как бы неудобно мне ни было рядом с ним. Поэтому я иду за ним следом. Когда я вижу на столе нарезанные фрукты, у меня текут слюнки. Я не ела ничего с самого завтрака, потому что не позволяла себе сделать перерыв. Я сажусь рядом с Люцифером и придвигаю тарелку к себе.

– Ты хочешь что-нибудь? – спрашиваю я из вежливости.

– Ешь уже, – он наливает себе в бокал вино из кувшина. – Вина? – он поднимает бокал.

Я отказываюсь, потому что хочу сохранять голову ясной в его присутствии. Следующие несколько минут я концентрируюсь на своей еде. Фрукты очень свежие, и, я полагаю, он привез их откуда-то издалека. Наверняка Люцифер не планировал кормить меня ими, а просто хотел посидеть в тишине. Когда я опустошаю тарелку, откидываюсь назад и закрываю глаза. Меня одолевает усталость, и я хочу поскорее отправиться в постель, но мне нужно использовать возможность пообщаться с архангелом наедине.

– Что произошло тогда, когда другие архангелы напали на вас? Неужели всех женщин и детей, которые были с вами в раю, убили? – прямо спрашиваю я. Если мои предки были там, как им удалось вернуться? Однако они, наверное, находились не на стороне Люцифера. Енох был верным прислужником Господа.

– Почему ты хочешь это знать? – Он крутит бокал в своей руке.

– Форфакс недавно сказал, что он хотел бы вернуть свою жену и сына, но…

Я не могу рассказывать ему ни о своих видениях, ни о происхождении моей семьи.

– Я знаю, что вы тогда взяли себе в жены человеческих женщин.

– Они мертвы. Все без исключения, – прерывает он меня.

– Значит, вы хотите вернуться в рай не потому, что там могут жить чьи-то жены?

Люцифер качает головой.

– Почему вы не дали своим женам вкусить с древа жизни? Тогда бы они стали бессмертными, как и вы.

– Мы думали об этом, – признается Люцифер. – Но решили, что не стоит этого делать. Мы и так нарушили слишком много законов: я думал, что мои братья оставят нас в покое, если мы не станем перешагивать эту границу, – он проводит рукой по волосам. – Это стало роковым заблуждением.

– Разве ты не ненавидишь их за это? – тихо спрашиваю я, потому что не понимаю, как он теперь уживается под одной крышей со своими братьями и как вообще может с ними общаться.

– Я ненавидел их, – говорит он. – Лютой ненавистью. Я разработал план, чтобы им отомстить. Чтобы сделать им так же больно, как они сделали мне.

Люцифер молчит, и я удивляюсь тому, что он действительно рассказывает мне о своих чувствах.

– Но десять тысяч лет – это очень много, Мун. За это время даже ненависть постепенно разрушается. Теперь я просто хочу обрести покой. Не хочу больше сражаться, только осесть где-нибудь. Мои ангелы уже устали.

– И для этого ты готов пойти на любую жертву?

Он пожимает плечами:

– Если ты смотришь на это так.

– То, что сделали архангелы, было неправильно. Почему ни один из твоих братьев не встал на твою сторону?

– Они не идиоты, чтобы восставать против Габриэля, Рафаэля и Михаэля, – отвечает Люцифер.

– Только ты.

Он криво улыбается:

– Только я. И это уже кое-что обо мне говорит. Лилит уже принесла тебе платье для церемонии распределения? – Он резко меняет тему, и я осторожно улыбаюсь в ответ.

Люцифер серьезно хочет поговорить со мной о моей одежде?

– Я с десяти лет не носила платья, – отвечаю я. – И эту прозрачную штуку на самом-то деле достаточно сложно назвать платьем. Можно мне надеть что-нибудь другое?

– У Габриэля есть точные представления о церемонии, и эти платья – ее важная часть. Девственный белый символизирует свет и славу ангелов.

– Примерно так и думала, – вздыхаю я. – Если он полагает, что я девственница, мне придется его разочаровать.

Брови Люцифера поднимаются, и его губы растягиваются в дьявольской улыбке.

– Наверное, не стоит размещать эту информацию на доске объявлений. Ты будешь потрясающе выглядеть в этом платье.

Я поднимаю голову и моргаю. Он что, действительно это сказал или я просто заснула и вижу сны?

Люцифер больше не улыбается. Его губы вытягиваются в суровую строгую линию.

– Наама даст тебе кинжал, который ты сможешь спрятать под подвязкой, – говорит он. – На всякий случай.

– Спасибо, но в этом платье я точно не смогу сражаться.

– Это всего лишь меры предосторожности.

– Для чего? Ты думаешь, что Братство запланировало взрыв во время церемонии? Раньше эти трусы осмеливались использовать только взрывные устройства. На рукопашный бой они не пойдут. В чем тогда польза этого ножа?

Люцифер вздыхает:

– Тебе что, все нужно объяснять? Считай это подарком. Мне кажется, что ты из тех девушек, которых лучше отправлять в мир с оружием.

Это был очень сомнительный комплимент.

– Кроме того, я тоже хотел перед тобой извиниться, – говорит он. Кажется, если Люцифер сейчас скажет, что ангелы прилетели с Марса, я удивлюсь этому меньше, чем его извинению. – У меня не было другого выбора, кроме как запереть тебя в темнице. Ты и так создала слишком много шума.

– Шума?

Он не обращает внимания на мой вопрос.

– Мне нужно было подумать над тем, запрет какого из архангелов я был готов нарушить. И стоило ли это того. Мне прежде всего нужно думать о своем небесном дворе.

– Ясно. Ты ведь хотел обрести покой.

– Нам с тобой нужно на некоторое время зарыть топор войны, – качая головой и улыбаясь, предлагает он. – Не трать свои силы на ненависть ко мне.

– Я тебя не ненавижу, – отвечаю я. – По крайней мере, уже не так, как прежде.

Уголки его губ весело приподнимаются.

– Тебе стоит надеяться на то, что ты останешься в моем небесном дворе. Михаэль отрезал бы тебе язык за твою наглость. На твоем месте я бы не уповал на то, что Кассиэль будет тебе помогать.

Я улыбаюсь в ответ и стараюсь сказать следующие слова так мягко, словно они состоят из сахарной глазури:

– Если он отрежет мой язык, то не сможет использовать меня в качестве ключа, ведь тогда я не смогу произнести магические слова, открывающие врата.

На мгновение Люцифер замирает, а затем тихо смеется себе под нос.

– Значит, мои угрозы в твою сторону как об стенку горох, верно? Мне стоит всегда помнить о том, что я не должен недооценивать тебя.

– Да, не забывай. Ты ответишь на мой вопрос или исполнишь очередной отвлекающий маневр? Где сейчас находятся остальные шесть девочек?

– Три сейчас со своими родными: они никак не могут дождаться возможности доказать ангелам свою преданность.

Эти девушки происходят из богатых и влиятельных семей. Их родители надеются на то, что дети помогут им попасть в рай после открытия врат.

– Другие три спрятаны в укромном месте на материке.

Я некоторое время размышляю над тем, чтобы спросить у него, где находятся девушки, уже удачно прошедшие испытания. Может, их уже больше шестнадцати? Но я не хочу проверять на прочность его терпение. Я впервые представляю себя победительницей испытаний: если так, то скоро и сама узнаю, где они находятся. Прежде чем я успеваю подумать о чем-то еще, я встаю с дивана.

– Мне нужно идти спать, – говорю я. – Спасибо за фрукты… – я на мгновение останавливаюсь, – и за ответы.

Люцифер кивает, и я ухожу прочь. Слишком остро чувствую взгляд его серебристо-серых глаз на моей спине, и от этого у меня по шее бегут мурашки.

– Мун! – кричит он мне вслед, и я останавливаюсь. – Во время церемонии, пожалуйста, никого не рассматривай, смотри в пол и говори лишь тогда, когда тебя об этом попросят. Это правила, и было бы хорошо, если ты будешь их придерживаться.

– Я могу попробовать, – говорю я. – Но не могу обещать.

Воительница внутри меня сопротивляется идее войти в комнату, полную смертельных врагов, и не иметь возможности продумать возможные пути побега. Кроме того, я хочу смотреть ангелам в глаза. Они должны знать, с кем имеют дело. Для них мы наверняка выглядим одинаково, но мне все равно.

– Значит, мне остается довольствоваться лишь таким ответом, – прерывает Люцифер мои мысли. – Желаю тебе удачи.

Я снова поворачиваюсь, чтобы продолжить свой путь.

– Какой двор, по-твоему, мне больше всего подходит? – ожидая его ответа, я сначала даже не замечаю, что задержала дыхание.

– Мне хочется, чтобы ты осталась здесь, – отвечает он. – Здесь Семьяса может о тебе позаботиться. Ты очень ценна для нас. Я хочу наконец положить всему этому конец.

Его слова поражают меня, словно холодный душ, и, наверное, этого Люцифер и добивался. Чего еще я ожидала от него? Дружелюбность Семьясы за последние несколько дней заставила меня забыть о том, какая роль мне уготована. Они поддерживают меня лишь потому, что нуждаются во мне. Но я всего лишь игрушка, которую они могут выкинуть, если та сломается. Это не должно причинять боль или удивлять меня, но все же это происходит. Я проглатываю унижение и поднимаю подбородок. Самым снисходительным тоном я отвечаю:

– Я, конечно же, постараюсь выжить, чтобы вы, правитель тьмы, могли насладиться своим заслуженным покоем. Я бы не посмела умирать раньше времени. – С этими словами я поворачиваюсь и шагаю в свою комнату.

Люцифер еще раз зовет меня по имени, но я больше не останавливаюсь.

Глава VI

Я надела это длинное девственно-белое платье и выгляжу глупо.

– Вы что, серьезно? – спрашиваю я. Наама, сидящая на моей кровати, закатывает глаза.

– Не я это придумала.

– Но ты прекрасно выглядишь, – возражает Лилит. – Не думай об этом. Это всего лишь платье.

– Это заявление. Этим платьем архангелы хотят указать нам, женщинам, наше место. Оно почти не прикрывает самые важные части тела и фактически прозрачное, а еще в нем нельзя сражаться, – повторяю я им то, что вчера сказала Люциферу.

– А я бы смогла, – снисходительно отвечает Наама. – Вот, возьми, – она бросает мне нож, который я сразу же ловлю.

– С наилучшими пожеланиями от Люца. Ты должна спрятать его под этой красивой подвязкой.

– Я была против этого, – признается Лилит. – Ты не на войну идешь. Это всего лишь церемония распределения.

– Ты уже рассказала ей о недавней новости? – спрашивает Наама. – Люцифер попросил тебя об этом уже два дня назад. Только не говори ей, что она ничего не знает.

Лицо Лилит внезапно темнеет, и она усерднее расправляет подол моего платья.

– Ей нужно знать это, Лилит, – говорит Наама. – В других небесных дворах ее не будут так баловать, как здесь. Она должна быть к этому готова.

– Не будет же Мун целыми днями жить в страхе, – уверенным голосом отвечает Лилит. – Мы слишком многого от нее требуем.

– Может, вы все-таки расскажете мне, в чем дело? – Разговор ангелов совсем не успокаивает меня. Через час жребий решит мою судьбу.

– Архангелы изменили условия распределения, – говорит Наама, и в ее голосе звучит сострадание. – В этот раз все будет решать не жребий, а аукцион.

– Аукцион? Я же не лошадь и не корова, – возмущенно отвечаю я. – Они совсем с ума сошли? Это была идея Люцифера?

Наама хлопает ресницами, услышав эти неуважительные слова.

– Ну нет. Могу заверить тебя в том, что для большинства архангелов вы, люди, еще менее ценны, чем лошади и коровы. Не забывай о том, что наш отец создал вас в предпоследний день, как и рептилий. Это говорит о многом.

– Спасибо за добрый совет.

Еще мгновение мы все молчим. Я молчу из-за того, что не знаю, что сказать, Лилит, возможно, потому, что испытывает муки совести, а Наама – из-за того, что не может придумать еще какую-нибудь гадость.

– Все это произошло из-за тебя, – прерывает тишину Наама спустя какое-то время. – Сразу несколько небесных дворов предъявили на тебя права.

– Права? Что это значит?

Лилит поднимается и уверенно смотрит мне в глаза.

– Михаэль считает, что он имеет на тебя право из-за того, что Кассиэль нашел тебя. Габриэль считает, что ты должна принадлежать ему из-за того, что он высшего ангельского ранга. Рафаэль хочет заполучить тебя, чтобы позлить Михаэля, – эти двое всегда друг друга терпеть не могли. Уриэль,

Натанаэль и Фануэль снова воздержались от участия во всем этом. Правда, это не значит, что они не хотели бы получить чемпиона.

– Чемпиона? А это вообще что такое? – раздраженно спрашиваю я. – Почему я получаю информацию по крупицам?

– В каждом раунде испытаний есть девушка, – объясняет Лилит, игнорируя стоны Наамы, – которую считают фавориткой. В этот раз это ты, и, хотя позже это не будет иметь никакого значения, некоторые дворы любят хвастать фаворитками. Архангелы спорят на какие-нибудь сокровища, и небесные дворы, которым принадлежат победительницы испытаний, получат их. Фаворитки только четыре раза не выживали на испытаниях. И небесным дворам было стыдно, когда это происходило.

– Шестнадцать девушек уже были найдены в процессе испытаний?

– Верно, – говорит Наама не очень радостно. – Это длилось целую вечность, – она поджимает губы. – Ты и представить себе не можешь. Мы провели в заключении десять тысяч лет, и не успели мы выйти на свободу, как Люцифер рассказал нам, что мы должны найти девятнадцать человеческих девушек, чтобы открыть врата рая. Ты бы только посмотрела на других архангелов, когда он рассказал им эту счастливую новость. Они были в бешенстве.

Лилит смеется:

– Я думала, Михаэль в обморок упадет. Рафаэль свирепствовал, словно бык. Фануэль и Габриэль даже успокоить его не могли. Люцифер просто стоял на месте. Он был весь в грязи, но по нему даже не было заметно, что он был заживо похоронен на десять тысяч лет.

Я тяжело сглатываю, вспоминая сон, в котором я чувствовала отчаяние Люцифера. Для меня остается загадкой, как он после всего этого времени смог оставаться хладнокровным и не бросился на Рафаэля, чтобы перерезать ему горло.

– Для Рафаэля это было отличным наказанием, – высказывается Наама. – Этот идиот думал, что он победил Люца и унизил его. На деле он просто глупо стоял там, потому что не мог ничего поделать со сложившейся ситуацией. Ведь он хотел осуществить свой план и открыть врата. Это стало его идеей фикс. Но кому вообще нужен этот рай?

Впервые со времени нашего знакомства с Наамой мы одного мнения. Это даже странно.

– И чем это обернется для меня?

Лилит гладит меня по голым предплечьям, и только сейчас я замечаю, что кожа покрылась мурашками.

– Какой бы двор тебя ни выиграл, о тебе будут заботиться, – пытается она меня успокоить. – Правда, я буду скучать по тебе.

Наама, стоящая позади нас, стонет, когда Лилит обнимает меня.

– Не позволяй всему этому сбить тебя с толку.

Я тронута ее заботой. После Фели у меня не было настоящей подруги, а теперь мне кажется, что Лилит могла бы стать ею, если бы у нас было больше времени. Даже несмотря на то что она ангел. Когда она отстраняется от меня, я вижу, что в ее глазах блестят слезы.

– Ты со всем справишься, с нами или без нас.

Я не уверена в этом, но Лилит прошла через большее количество трудностей, чем я, и я не хочу беспокоить ее своими страхами.

– Мы лучше ненадолго оставим тебя одну, чтобы ты могла собраться с мыслями. Мы с тобой, возможно, больше не увидимся, и я хочу сказать тебе, что ставлю на тебя. Ты ключ, я просто знаю это.

И я чувствую укол совести. Наама, может, и не хочет в рай, но Лилит точно хотела бы туда вернуться. Если наш план сработает, она когда-нибудь узнает, что я обманула ее.

Наама встает и подходит ко мне.

– Я пообещала Алессио присматривать за тобой, но если ты попадешь в другой двор, мне не удастся это делать. Но, пожалуйста, ради всего святого, не влюбляйся больше в этого подлизу Кассиэля. Он не заслуживает тебя, и мне не стыдно за то, что я рассказала Люцу о том, что он к тебе приходил.

– Что ты рассказала? – задыхаюсь я. Кинжал все еще лежит у меня в ладони, и у меня начинают чесаться руки, я так хочу ее ударить. Она смеется, замечая движение моих пальцев.

– Не стоит этого делать. Поверь мне, этим я сделала тебе одолжение. Но это не мы предложили тебя в качестве ключа. Я лишь сообщила Люциферу о том, что видела, и он приказал мне присматривать за тобой. Это стало моим поручением.

С высоко поднятой головой она покидает комнату с торжествующей улыбкой. Люцифер дал ей задание наблюдать за мной, а я ничего и не заметила. Что это говорит о моих способностях? Я задираю подол платья и располагаю кинжал под подвязкой. Затем я в последний раз смотрю в зеркало. Я красивая. Моя красота не похожа на очарование Стар и не такая роскошная, как красота ангелов, но, несмотря на платье, я выгляжу уверенной и решительной. И это как раз то, чего я хотела. Надеюсь, ангелы не заметят моего страха за этим красивым фасадом.

Следующие полчаса я собираю те немногие вещи, которые мне принадлежат и которые позже отнесут в небесный двор, выигравший в аукционе. Затем я встаю у окна и пытаюсь успокоить себя с помощью медитационных упражнений, которым меня научила Лилит. Я закрываю глаза и представляю себе, что стою на скале. Меня окружает плеск морских волн, и я погружаюсь в бесконечную голубую глубину, утопая в ней, пока не становится совсем тихо. Я осторожно делаю вдох, и вода проникает в меня, превращая меня саму в воду.

Я стою рядом со своими подругами. Их лица выражают тот же страх, что и мое. Мать завернула меня в красную накидку и плачет. Когда мой отец Семьяса прощался со мной, по его лицу текли слезы, и я не понимаю, почему не могу остаться с ними и сражаться, как и мои братья.

Люцифер встает перед нами. Рядом с ним стоит мой отец, и я машу ему рукой. Он грустно смотрит мне в глаза.

– Мы уведем вас отсюда. Вы должны уйти из садов Эдема, покинуть свой дом. Я знаю, как тяжело это будет для вас.

Пара девочек начинает плакать. Я хочу, чтобы мой отец мной гордился, поэтому зажмуриваю глаза и подавляю подступающие слезы.

– Если мы выиграем битву, – продолжает Люцифер, – мы заберем вас домой. Но я не хочу вам лгать. Армия архангелов очень сильна. Они сделают все, чтобы победить нас. В таком случае вы станете нашим последним оружием. – Он молчит некоторое время, чтобы убедиться в том, что все девочки слушают его. – Вы нефилимы, – заговорщицки говорит он. – Вы соединяете в себе лучшее от нас, ангелов и людей. Ваши матери воспитали в вас человечность и сделали вас теми, кем вы являетесь сегодня. Ваши отцы передали вам свои знания. Вы, девочки, будете править миром, никогда не забывайте об этом. Не с помощью оружия, которым можно убивать, но с помощью ваших сердец и разума.

Теперь слезы все-таки проливаются, потому что я вспоминаю те долгие часы, когда Люцифер, Форфакс, Балам, мой отец и другие ангелы обучали нас. И теперь я боюсь, что не все запомнила. Я смотрю на свою мать Лею, которая стоит с краю и ободряюще мне кивает. Как я могу быть каким-то оружием, если я всего лишь маленькая девочка?

– Впереди вас ждут долгие мрачные годы. Годы и столетия, в течение которых люди будут пытаться отобрать у вас ваши знания. Вы должны хранить их глубоко в себе и передавать своим дочерям. Так долго, пока не наступит день нашего возвращения. Так долго, пока мы не отправимся на поиски детей ваших детей. Эти девочки, в чьих жилах даже через десять тысяч лет будет течь наша кровь, будут избраны для того, чтобы спасти этот мир.

Когда Люцифер завершает свою речь, становится очень тихо.

– С Божьей помощью, – тихо добавляет мой отец.

– С Божьей помощью, – отражается эта фраза от стен собора.

Когда я слышу стук в дверь, то прихожу в себя. Впервые видение было не сном, а будто каким-то воспоминанием. Я не всегда понимаю, кому они принадлежат, но сегодня все очевидно. Это воспоминание маленькой девочки, дочери Семьясы и Леи. Женщина, должно быть, была женой Сэма. Человеческой женой, из-за которой он поссорился со своим отцом и другими архангелами и

последовал за людьми вместе с Люцифером. Уже в ранних видениях я чувствую его любовь к своей семье. Девочки, которых я увидела, – легендарные нефилимы. Маленькие девочки, несущие на себе груз огромного количества знаний, которые Люцифер передал им, понимая, что люди могут их утратить. Слово «нефилим»[2] не имело отношения к высокому росту человека: оно символизировало силу женского ума. Неудивительно, что об этом не говорилось в писаниях. Эти видения были чем-то вроде пазла. Я увижу цельную картину лишь тогда, когда разложу все ее части перед собой. Куда они увели девочек? Кто спрятал их от ангелов после того, как их матери были убиты, а отцы отправлены отбывать наказание?

Снова раздается стук, и я медленно подхожу к двери.

– Хотел увидеть тебя еще раз, – тихо говорит Алессио. – И мне нужно было передать тебе кое-что от Стар. – Он раскрывает ладонь, там лежит жемчужинка из муранского стекла.

У меня перехватывает дыхание.

Она решила подарить мне свой талисман удачи? В отверстие в жемчужине продета шелковая лента. Ради меня Стар пожертвовала своей самой ценной вещью. Эту жемчужину Феникс подарил ей после смерти нашего отца. Он тогда наверняка на лодке или вплавь отправился на остров стеклодувов или же перерыл все мастерские, чтобы найти ее, а теперь Стар дарит эту вещицу мне. Когда я надеваю украшение и прячу его под воротником своего платья, на мои глаза наворачиваются слезы.

– Я буду беречь жемчужину, – мой голос звучит хрипло. – И верну ей ее, когда все это закончится.

Алессио в последний раз обнимает меня, а затем мы вместе идем в салон, где нас ожидает Наама. Вслед за ней я покидаю покои Люцифера и шагаю по широким коридорам Дворца дожей. Стражники внимательно изучают нас. Наама смеряет их холодным взглядом. Меня она этим трюком больше не обманет. Под маской снежной королевы прячется девушка, научившаяся блестяще скрывать свое истинное «я». На самом деле у нас с ней больше общего, чем мне казалось.

Мы останавливаемся перед дверью, ведущей в гигантский зал заседаний.

– Готова? – тихо спрашивает Наама, ожидая, пока я кивну. Потом она подает ангелам-стражникам знак, что можно открывать двустворчатую дверь.

Раньше это огромное помещение было залом Консилио. Моя мать много мне о нем рассказывала. Здесь знать Венеции собиралась для того, чтобы избрать дожей. Сегодня сотни ангелов прибыли сюда для того, чтобы посмотреть на то, как нас разыгрывают на аукционе. Это отвратительно и демонстрирует все презрение ангелов к людям. Чтобы они не заметили моих чувств, я тихо и размеренно дышу и ни на кого не смотрю. Я хочу, чтобы мое лицо смешалось с другими в гуще ярких красок и крыльев. Я концентрируюсь лишь на том, чтобы не паниковать.

– Святые небеса, – бормочет Наама, взяв меня за руку так, чтобы я не убежала. Разговоры затихают, и она уверенно ведет меня в центр зала.

Стражники развели присутствующих ангелов по разным сторонам, чтобы они образовали широкий коридор. Посреди зала стоят другие девушки, одетые в белые платья. Когда мы к ним подходим, я впервые поднимаю глаза. Они выглядят такими же растерянными, как и я, хотя надеюсь, что по мне этого не видно. Никто из девушек не осмеливается смотреть куда-то кроме своих ног. Стражник приказывает нам встать в один ряд с ними. Я чувствую на себе знакомый взгляд и замечаю Фелицию. Я не знаю, радоваться мне или злиться, ведь на самом деле я испытываю бесконечное облегчение. Я больше не одна. Могу ли я с ней поговорить? Фели снова смотрит вниз и прекрасно справляется с ролью покорной девочки, которая никогда не станет возражать ангелу. Мне нужно брать с нее пример, но все внутри меня этому сопротивляется.

– Удачи, – шепчет Наама и, прежде чем я могу поблагодарить ее, уходит, исчезая между остальными наблюдателями. Внезапно я начинаю мечтать лишь о том, чтобы Люцифер выкупил меня. Я не хочу оставаться в каком-то другом дворе. Я хочу вернуться к Сэму, Лилит, и даже Нааму я принимаю. Мой взгляд падает на трибуну в передней части зала. Люцифер сидит там посреди других архангелов, и на его лице не отражается никаких эмоций. В одной руке он держит бокал вина, а другая покоится на мускулистом бедре. Может, ему все равно, куда я попаду? Он вылечил меня, чтобы я смогла принять участие в испытаниях, а сам, как и другие ангелы, не может дождаться дня открытия врат рая. Потому что хочет наконец обрести покой! Я не знаю, почему я, вопреки разуму, так хочу, чтобы он взглянул на меня хоть разок. Раздается громкий удар в гонг, я вздрагиваю и опускаю голову. Сразу же после этого все разговоры утихают, и все, что я слышу, – нежный трепет крыльев.

– Мы собрались здесь, – слышу я звучный голос, – чтобы совершить ритуал распределения.

Хотелось бы знать, кто говорит и архангел ли это. Девушки справа и слева от меня не смеют шевелиться. Если бы я не слышала их неравномерного дыхания, я бы подумала, что стою между двумя мраморными скульптурами. Я игнорирую все происходящее вокруг меня и пытаюсь вспомнить, как выглядит зал, хотя уже много лет не посещала его. У отца в библиотеке было много книг про Дворец дожей с иллюстрациями. Огромная фреска Тинторетто[3] за нижней трибуной, на которой восседают ангелы, кажется сегодня чем-то вроде темного пророчества, потому что демонстрирует рай. Что бы сказал художник, если бы узнал, что бесчисленное множество ангелов тоскливо пялятся на его творение? Правда, рай на фреске, кажется, населен скорее людьми, чем ангелами. Наперекор указаниям Люцифера я поднимаю голову. Серафиэль нахваливает архангелов и несет что-то невнятное об ответственности, которую несет их род. В первом ряду на пьедестале сидит его жена Сариэль, единственная женщина-серафим, спустившаяся на землю. Ангелы и так достаточно красивы, но жена главного серафима – нечто большее, чем просто красавица. Рядом с ней любое другое существо кажется бледным. На ней платье из ослепительно-белого кружева. Ее кожа, которую это платье открыто демонстрирует, сияет через прозрачную ткань, словно жидкое серебро, а ее светлые волосы мягкими волнами ложатся на спину. Она сложила крылья так, что они плотно прилегают к телу, но я все же замечаю их нежно-розовый цвет. Она выглядит словно эфирный бледный шелк, через который проглядывают лучи солнца. Из нее будто льется свет, заставляющий меня хлопать глазами. В иерархии ангелов, кроме ее мужа, нет никого, кто

стоит выше ее по рангу. Она сидит рядом с Люцифером. Он невольно хмурится, замечая мой взгляд. В это мгновение Сариэль так близко к нему придвигается, что их ноги соприкасаются. Она наклоняется к нему и шепчет что-то на ухо. Когда Люцифер улыбается, она кладет свою худую руку на его бедро и гладит его. Ни ее муж, ни другие ангелы, кажется, не обращают внимания на этот жест. Я хочу отвести от них взгляд, но не могу. Я еще никогда не видела пару, которая так хорошо бы смотрелась со стороны, как они. Сариэль делает глоток вина и кончиком языка облизывает свои красиво изогнутые губы. Люцифер ухмыляется, заметив этот недвусмысленный жест. Они оба, кажется, ни капли не заинтересованы в церемонии и смотрят лишь друг на друга. Его губы касаются ее уха, когда он шепчет ей что-то. Я не хочу чувствовать то, что чувствую сейчас, но ничего не могу поделать с обжигающей меня изнутри ревностью. Люцифера должна была хоть как-то заботить моя судьба, но ему все равно. Он забыл про меня. Я всеми силами заставляю себя отвести взгляд, поворачиваю голову вправо и смотрю прямо в глаза Кассиэля. Мы встречаемся впервые с тех пор, как он меня предал, хотя это сложно назвать встречей. В течение многих дней я ни разу не думала о нем. Теперь же его глаза сияют, а губы растягиваются в той самой улыбке, в которую я влюбилась. Он ободряюще мне кивает. Но ангел не сможет обмануть меня еще раз, это все – маскарад. Для него все это несерьезно – ни тогда, ни сейчас. Он только играл со мной, как и сегодня. Если я окажусь во дворе Михаэля, мне не стоит забывать об этом. Я не позволю ему снова одурачить меня. И все же его взгляд сейчас для меня как якорь в этой нереальной ситуации. Я не могу отвести от него взгляда. Так долго Кассиэль был близок мне, как никто до него, и, хотя он обманул меня, я не хочу забывать тех чувств, которые я ощутила благодаря ему. Рядом с ним я могла на секунду позволить себе не быть сильной. Пока он меня не предал и не продал. Пока он не помешал побегу моих брата и сестры в безопасное место.

Какой-то грохот прерывает это мгновение. Я моргаю и смотрю в сторону трибуны. Люцифер больше не сидит, он поднялся с кресла. У его ног лежит бокал, а на дереве виднеется темная лужа. Что эти двое там устроили? К счастью, я не стала этому свидетелем. Сариэль щелкает пальцами, и служанка подбегает к ним. Когда я поднимаю глаза, Люцифер сверлит меня взглядом. Он в бешенстве. Почему бы им с Сариэль не удалиться в какую-нибудь комнату? Или это представление должно обязательно происходить у всех на виду?

Когда бокал исчезает, ангел с амфорой в руках делает шаг вперед, и я смотрю на него. Это, должно быть, Гамалиэль, помощник Габриэля. Сэм однажды показал мне его во время нашей тренировки. Он мастер церемоний небесного двора Габриэля. Его волосы такие же яркие, как его крылья, а одет он не в рубашки и брюки, как другие ангелы, а во что-то вроде платья или кафтана. Это выглядит нелепо. В сосуде, который он держит у своей груди, находятся бумажки, решающие, в какой последовательности мы будем уходить с молотка. Он устраивает целый спектакль из вылавливания бумажек из амфоры.

– Алисия Лоретти, – читает он первое имя, и я выдыхаю, потому что это не я. После этого он бросает бумажку в чан, в котором полыхает пламя. Бумага загорается и поднимается вверх, прежде чем снова опуститься крошечным комочком пепла.

Девочка справа от меня делает шаг вперед, становится перед ним на колени и опускает голову. Мне что, тоже придется так сделать? Об этом мне никто не говорил. Но почему меня вообще это удивляет? Они не упустят ни единой возможности, чтобы унизить нас.

– Семья Алисии живет в Тоскане, – говорит он. – Девушка говорит на нескольких языках, отлично умеет бегать, а в ее семье нет ни уродств, ни болезней.

Мне становится плохо. За кого они нас держат? За лошадей или рабов? Факт того, что они произносят наши имена, а не вытатуировывают нам цифры на запястьях, граничит с чудом. Я делаю маленький шаг вперед, но чье-то шипение прерывает мое движение. Люцифер угрожающе смотрит на меня, и я возвращаюсь на место.

– Кто сделает первую ставку? – спрашивает Гамалиэль, делая вид, будто не заметил небольшого вмешательства с моей стороны.

– Пусть она встанет и покружится, – говорит Габриэль, и девочка, ни секунды не возражая, делает то, что приказали.

Я ни в коем случае не позволю им так обращаться со мной. Могут забыть об этом!

Фануэль делает первую ставку. У архангела шестого небесного двора короткие русые волосы, и он выглядит сильнее, чем братья. Если бы мне нужно было описать его одним словом, я бы сказала, что он добродушный, хотя навряд ли среди ангелов есть добродушные. Уриэль вполсилы участвует в аукционе, но в конечном итоге Фануэль выигрывает, и девушку выводят из зала. Следующие две участницы отправляются к Натанаэлю и Габриэлю. Я понимаю, почему Габриэль взял себе третью девушку и не стал ждать меня: ее зовут Донна, она высокая, худая и подтянутая. Пока ангелы не нашли ее, она жила недалеко от Рима со своей семьей и выступала против ангелов в Колизее. От новой информации о том, что происходит за пределами Венеции, я забываю об осторожности и просто пялюсь на девушку. По ее левой щеке тянется шрам, и когда Габриэль объявляется победителем, она поднимает голову и смотрит ему прямо в глаза. Я улыбаюсь, хотя эта девушка, скорее всего, будет моей конкуренткой. Она без сомнений может стать ключом мужества. Надо понаблюдать за ней. Она ни в коем случае не должна сорвать наш план.

Мастер церемоний вытягивает следующую бумажку.

– Мун де Анджелис, – сообщает ангел, и я вздрагиваю. Делаю шаг вперед, но не падаю на колени. Если они хотят видеть меня на полу, придется им меня победить. Челюсти Люцифера двигаются из-за возмущения моим бунтарством.

– Кто бы ее ни получил, – тихо говорит Рафаэль, – ему нужно будет отхлестать девчонку за непослушание.

Я тяжело сглатываю, но все же не преклоняю колени.

– Покружись, – требует теперь уже Рафаэль.

Я упорно стою на месте и направляю взгляд на картину позади него. Сверху художник нарисовал сияющее яркое солнце. Это свет, который должен вести нас во тьме, как когда-то рассказал мне отец.

– Я бы с радостью наказал ее, – Михаэль постукивает пальцами по рукоятке своего меча. – Тысяча таларов.

Я слышу, как кто-то из ангелов задыхается от удивления. Талары – валюта, используемая на небесах. Хотя я и не знаю, сколько стоит один талар, но ни один ангел не предлагал за девушек больше, чем четыреста таларов. Возможно, Михаэль сошел с ума, или же его желание меня побить затуманило ему разум.

– Кто-нибудь готов предложить больше? – жалобно спрашивает Гамалиэль. Наверняка он точно так же ничего не понимает, как и я. Мой взгляд устремляется на Кассиэля, который мне кивает. Это что, плод его трудов? Он что, уговорил Михаэля купить меня? В это мгновение я даже и не знаю, злиться мне или радоваться. Лучше уж Михаэль, чем Рафаэль.

– Тысяча двести, – раздается чей-то голос, и моя голова поворачивается в другую сторону. Рафаэль встал с места и сделал свою ставку. Михаэль выпрямляется, сидя на месте, и смотрит на своего брата.

– Тысяча пятьсот.

В зале воцаряется тишина. Неужели кто-то из них думает, что сможет вернуть эти деньги в споре во время испытаний? Что, если я умру на первом же задании?

Следующие несколько минут оба попеременно повышают ставки. Люцифер со скучающим видом рассматривает свои ногти, пока Сариэль гладит его шею. Ее ногти, накрашенные красным лаком, то и дело мелькают в его черных волосах. Не хватает только, чтобы он начал мурлыкать. В любом случае по архангелу видно, насколько ему все это наскучило и насколько ему плевать на мою судьбу. Может, он собирается выкупить Фелицию? Она явно принесет ему меньше проблем, чем я. Интересно, Люцифер любит Сариэль? Скучал ли он по ней, когда был захоронен под землей в грязи? Может, это воспоминания и мысли о ней помогли ему остаться в здравом уме? Скорее всего, они, кажется, близки друг другу. Ярость закипает во мне. Рафаэль и Михаэль будут лично избивать меня, пока я не начну молить о пощаде. Я уверена, Люцифер тоже знает об этом. Но ему все равно. Мои ладони потеют при мысли об этом, и все мое тело покрывается потом. Я немного восстановилась, но все еще не забыла боль. Сколько ударов плетью я смогу выдержать перед тем, как закричу? Через сколько ударов кнутом человеческая кожа лопается? Я прикасаюсь к жемчужине на своей шее. Интересно, Кассиэль вступится за меня? Хочу ли я оставаться у него в долгу? Мой ответ – нет.

Аукцион остановился, когда сумма дошла до трех тысяч таларов. Это просто сумасшествие. Сейчас Рафаэль опережает своего брата. Он, уверенный в своей победе, скрестил руки на груди. Его взгляд скользит по моему телу. По моей спине пробегают мурашки. Михаэль пожимает плечами, сдаваясь. Рафаэль спускается вниз на три ступеньки. Он уведет меня из зала и попытается сломать мой дух и волю. Я вижу это по его лицу. Я начинаю

дрожать и стыдиться этого. Я так хотела бы быть сильнее, смелее и бесстрашнее.

– Девушка Мун де Анджелис уходит…

– Пять тысяч таларов! – голос Люцифера прерывает это объявление. Он плавно стряхивает с себя руку Сариэль и встает. Он игнорирует хаос, который порождает его ставка. Он не обращает внимания ни на громкие возражения Гамалиэля, ни на возбужденное трепетание крыльев ангелов-наблюдателей. Я слышу, что откуда-то доносится лязг мечей, и пытаюсь нащупать кинжал. Люцифер длинными и уверенными шагами подходит ко мне. Он снимает со своих плеч накидку и бросает Гамалиэлю мешок с монетами. Как только Люцифер подходит ко мне, он заворачивает меня в плащ. Я проваливаюсь в тепло, и от облегчения у меня кружится голова. Внезапно Наама, Лилит, Сэм и другие ангелы пятого небесного двора окружают нас. Я чувствую руку Люцифера на своей спине и покидаю зал под защитой ангелов. Позади нас раздается оглушительный рев. Я настолько расслаблена, что только на улице вспоминаю, что Фели еще не ушла с молотка.

– Фелиция? – тихо говорю я, смотря в серьезное, но красивое лицо Люцифера. Он идет очень близко, словно пытаясь закрыть меня от всех.

– Они с ней ничего не сделают, – вскоре отвечает Люцифер. – Она не такая безрассудная и не ставит свою гордость выше своего же благополучия.

Я чувствую, как на мои глаза наворачиваются слезы, и быстро моргаю. Наверное, я заслужила этот выговор, но он тем не менее ранит меня. Люцифер должен знать, как сложно бывает отказаться от чувства собственного достоинства. Он был заживо похоронен в одинокой могиле на десять тысяч лет как раз поэтому. Я решаю не напоминать ему об этом и молча иду рядом с ним. Архангел не убирает руку с моей спины, пока мы не добираемся до двери, ведущей в его покои.

– Лилит, Наама, позаботьтесь о ней, – говорит он. – И дайте ей какую-нибудь приличную одежду.

Когда Люцифер уходит, Лилит облегченно выдыхает и толкает меня в дверь, открытую Семьясой.

– Я так и знала, что он с ума сойдет, когда заметит, как остальные ангелы мысленно раздевают тебя глазами.

– Этому парню явно нужно научиться самоконтролю, – высказывает Наама свое мнение.

Я качаю головой. Во-первых, ангелы не делали ничего подобного, а во-вторых, во время церемонии Люцифер не обращал на меня внимания и развлекался с Сариэль. Вероятно, он так зол, потому что мое бунтарское поведение заставило его оторваться от нее, и теперь он направляется к ней.

Ангелы пятого небесного двора, которые сопровождали нас, расположились в большом салоне. Я все еще завернута в накидку Люцифера и не отдам ее так быстро, потому что мне холодно, и я все еще чувствую его тепло. Наама

направляется к столу, на котором расположены кофейные чашки, фрукты и печенье, и я следую за ней.

– Почему Люцифер это сделал? – спрашиваю я, когда она наливает кофе в пару чашек. Ангелы пьют это темное варево словно воду.

– Это ты лучше сама у него спроси, – отвечает она мне. – Кто знает, зачем он делает то, что делает. Раньше понять его мотивы было проще. Кроме того, он посвящал нас в свои планы. По крайней мере, в большинстве случаев.

Балам оказывается возле меня и берет чашку.

– Мы все сразу поняли, что Люцифер не отдаст тебя никакому другому архангелу, – сообщает он. Балам обычно более молчалив, и то, что он вдруг говорит это, делает ситуацию еще нереальней. – Люцифер чувствует ответственность за тебя, и он еще никогда не бросал свои замыслы на полпути. Чего бы ему это ни стоило.

Это звучит еще менее дружелюбно и превращает меня в какое-то раздражающее задание.

Я беру пару печений и направляюсь к Лилит, которая сидит на диване. Она наблюдает за Семьясой, стоящим у окна и общающимся с тремя другими ангелами. Конечно же, сейчас у них только одна тема для разговоров – высокая ставка Люцифера. Мнения разделились, как я понимаю из обрывков фраз, доносящихся до меня. Кальцас, сидящий напротив нас, ободряюще мне кивает, пока Дамеаль прищуривается. Я знаю имена почти всех ангелов, которые собираются в покоях Люцифера, хотя с большинством из них я разговариваю редко. Достаточно уже и того, что я симпатизирую Сэму и Лилит. Если наш план удастся и я сдержу открытие врат рая, они вряд ли будут мне за это благодарны.

Голос Форфакса, одного из ангелов, который спорит с Семьясой, теперь звучит громче.

– Люцифер должен был обсудить этот план с нами! Он ставит под угрозу все, за что мы боролись.

Форфакс преподавал женам ангелов астрономию, и его крылья сияют цветом небесных звезд. Он не так часто спускается на землю, как остальные, и чаще остается при дворе Люцифера на небе, где наблюдает за строительством.

– Ты должен верить ему, – пытается успокоить его Семьяса. – Он знает, что делает.

Лилит успокаивающе опускает свою руку на мою, и Форфакс ехидно фыркает:

– А тебе-то откуда это знать? Мы знали его десять тысяч лет назад, но не сегодня.

– Я лучше пойду в свою комнату, – обращаюсь я к Лилит. Хочу побыть одна и подумать о том, что только что произошло, в тишине.

Дверь снова открывается, и в комнату входит Алессио. Я пытаюсь не выглядеть слишком расстроенной. Я радуюсь тому, что вижу его, но мне бы хотелось, чтобы Люцифер вернулся. Алессио явно чувствует облегчение, увидев меня сидящей рядом с Лилит. Он подходит к нам и садится на диван.

– Значит, Люцифер правда тебя выкупил? Не думал, что он это сделает.

– Это было очень захватывающе, – сообщает Лилит. – Конечно же, он ждал до последней секунды, иначе его выступление было бы не таким драматичным. – Ее лицо становится серьезным. – Я боюсь, что у этого будут свои последствия. Люцифер выставил Рафаэля на посмешище перед всеми небесными дворами. Он не сможет так просто это принять. Раф никогда ничего не забывает.

– Мы умоляли его не провоцировать архангелов, – прерывает ее Наама, ставя тарелку с печеньем перед Алессио и бросая на меня сердитый взгляд. Затем она садится рядом с моим другом, который нежно гладит ее по руке.

– Почему он просто не отдал меня Рафаэлю? – спрашиваю я. – Какая разница, при каком небесном дворе я буду жить во время испытаний.

– Он бы так и сделал, если бы ты не спровоцировала Рафаэля. Как ты думаешь, что бы он с тобой сотворил? Ты уже выздоровела и готова к испытаниям, но Рафаэль в гневе непредсказуем. Он вполне мог бы поступиться потенциальным ключом, как бы нелогично это ни звучало, – объясняет Наама. – Люц не мог этого допустить.

– Отношения архангелов всегда основывались на их постоянном соперничестве, – пытается смягчить обвинения Лилит, за что я ей признательна. – Это влияет на политику.

– Если какое-то из решений за последние годы не имело никакого отношения к политике, так это сегодняшнее, – фыркает Наама.

Я решаю не переспрашивать, что значит это замечание.

– Ты пойдешь со мной в комнату? – спрашиваю я Алессио, и красивое лицо Наамы становится еще более недовольным. Она все-таки берет себя в руки, но наверняка привыкла всегда получать то, что хочет.

Алессио сжимает ее ладонь, извиняясь, и поднимается с дивана. Мы молча идем в мою комнату. Только когда дверь за нами закрывается, я выдыхаю и снимаю накидку Люцифера. Я сразу же начинаю скучать по ее теплу.

– Как все прошло? – обеспокоенно спрашивает Алессио. – Кассиэль там был?

Я киваю.

– Он смотрел на меня так, словно сожалеет о случившемся.

– Он не смог бы защитить тебя от гнева Рафаэля, – отвечает Алессио. – Нынешняя ситуация для тебя гораздо более выигрышная.

Я сажусь на кровать.

– Ты должен вернуться домой и успокоить Стар. Она наверняка сильно переживает. Жемчужинка принесла мне удачу, – я вытаскиваю украшение из-под воротника платья, чтобы отдать ее Алессио.

– Оставь ее себе. Это было только начало. Тебе еще не раз понадобится удача. Стар попросила меня передать тебе книжку.

Он вытаскивает маленький томик из своей сумки и протягивает его мне. Это копия книги Разиэля, я знаю ее. По легенде, Адам и Ева получили эту книгу от ангела Разиэля после того, как их изгнали из рая. В ней Разиэль рассказывает о тайне, с помощью которой они смогут вернуться в сады Эдема.

– Она не сказала тебе, для чего мне эта книга?

– Ты должна внимательно ее прочитать, потому что там есть заметки о дне Искупления. Стар сказала, что это секрет.

Я смеюсь.

– Божественная тайна того, как мы можем вернуться в рай, – не секрет, а предположение. Адам должен был пожертвовать своим сыном. Каин расплатился за все. – Я листаю книгу и достаточно быстро нахожу место, где написано об этом. – «Возьми Каина, первого сына твоего, и пойди и принеси его во всесожжение, и Господь вернется к тебе, и рай снова для вас откроется», – читаю я вслух. – Как это может нам помочь? Адам не принес своего сына в жертву. Он не смог этого сделать.

Алессио пожимает плечами:

– Я должен был принести этот том тебе. Может быть, тебе стоит прочитать всю книгу целиком.

– Может быть, Стар могла бы выражаться как-то яснее, – нервно отвечаю я. – Она уже многие годы занимается своими текстами, и эти знания ей тем не менее никак не помогают.

Алессио хмурится:

– Поговори об этом с Лилит. Возможно, она знает больше. Она ведь хорошо знала Адама и Еву.

Хоть Алессио и прав, я не знаю, станет ли Лилит рассказывать мне о них. Это, должно быть, было сложное для нее время. Я отлично помню приснившийся мне сон. Там была Лилит, которая чуть не сгорела. Может, Адам попытался пожертвовать своей первой женой вместо сына? Неужели он был таким жестоким? Раздается стук в дверь, и я прячу книгу под подушку.

– Войдите! – кричу я.

Наама заходит в комнату и смотрит на Алессио, стоящего у окна.

– Мне отвести тебя домой или в больницу? – спрашивает она. – Скоро стемнеет.

От Дворца дожей до библиотеки идти всего несколько метров, да и путь не опасный. Алессио и сам бы с ним справился.

– Можем идти, – опережает он мое невысказанное замечание. – Ты смогла поговорить с Фелицией?

Я качаю головой.

– Михаэль купил ее, – отмечает Наама.

– Если она умрет, я буду винить себя в этом.

Эта фраза, должно быть, звучит странно для Наамы.

– Она раньше была моей подругой, – поясняю я.

Когда мы с Алессио встретимся в следующий раз, мне нужно в любой удобный момент спросить у него, посвятил ли Пьетро Фели в свой план.

– Михаэль будет хорошо с ней обходиться, но ты должна остерегаться Рафаэля. Нам надо идти, – обращается она теперь к Алессио, словно ни секунды больше не может выдерживать моего общества.

Глава VII

Когда я остаюсь одна, вылезаю из глупого платья и бросаю его в угол. Кинжал я прячу под матрасом. Затем я избавляюсь от тонких чулок и надеваю на себя удобные брюки и свитер. Теперь я чувствую себя более комфортно. У меня нет желания обращать на себя осуждающие взгляды ангелов, поэтому я ложусь на кровать и достаю из-под подушки книгу Стар. От того, что я прочту ее еще раз, хуже не станет. «Бог сожалел о том, что изгнал Адама и Еву из садов Эдема, и это его обеспокоило», – начинаю я читать. Хотя и знаю эту книгу, эта история очаровывает меня. После смерти отца я пыталась забыть все знания, которые он мне передал. Моя печаль была так велика, что я запрещала себе вспоминать о длинных вечерах, которые мы вместе проводили в библиотеке. Но теперь все вернулось на круги своя. Я чувствую его тепло, его звучный голос, которым он читал вслух нам со Стар. Я прислушиваюсь к его замечаниям и лишь тогда, когда я дочитываю книгу, замечаю, что на подушку капают слезы. Мне бы так хотелось, чтобы отец был здесь и мог дать мне совет. Но он мертв, а я предоставлена сама себе. Где-то во дворце Фелиция лежит в своей кровати. Интересно, я смогу поговорить с ней перед испытаниями? Позволят ли ангелы нам встретиться?

Я заворачиваюсь в одеяло и закрываю глаза. Если бы я знала, что нас ожидает, мы могли бы придумать план. Иначе мы просто останемся во власти ангельских махинаций. Сон не приходит ко мне, как бы я ни заставляла себя спать. Я слишком взволнована событиями сегодняшнего дня и боюсь того, что будет дальше.

Уже было давно за полночь, когда я встаю с кровати и решаю взять себе что-нибудь поесть и попить. Может быть, с набитым желудком я устану и засну. Большой салон кажется покинутым, и я подхожу к столу, на котором всегда есть какие-нибудь блюда. Такое расточительство должно злить меня, ведь завтра утром все эти продукты придется выбросить, но сейчас я рада этому и набиваю свой рот бананами и парой кусочков чиабатты[4]. Хлеб очень мягкий, он намазан разными вкусностями. Больше всего мне понравился хлеб с мягким сыром. Держу пари, Тициану бы он тоже понравился. Каждый раз, когда Алессио приходит к нам, Наама дает ему сумку с продуктами. Я сама видела это, хотя позже, когда я спрашивала у нее об этом, она все отрицала. Я еще в жизни не встречала человека, который бы старался так тщательно скрыть то, что у него доброе сердце.

Интересно, ест ли Стар хлеб, который Алессио приносит домой? Наверное, нет. Но фрукты ей точно придутся по вкусу. Я бесконечно скучаю по брату и сестре. Наливаю себе свежевыжатый апельсиновый сок, как вдруг слышу позади себя какое-то движение. Я поворачиваюсь, и стакан выпадает из моей руки.

Люцифер ловит его одним движением, прежде чем тот успевает разбиться, а другой рукой хватает меня за запястье.

– Я что, такой страшный, Мун? – улыбается он. – Снова не можешь заснуть?

Архангел медленно отпускает мою руку.

– Я просто проголодалась, – отвечаю я, игнорируя свое учащенное сердцебиение. – До этого у меня не было аппетита.

– Это и понятно. Вечер для каждого из нас был полон событиями. – Он отходит в сторону, идет к балконам и опирается на парапет. Звезды и луна отражаются в воде.

– Когда ты решил выкупить меня? – Я следую за ним и тоже опираюсь на холодный камень. Почему Люцифер не сказал мне об этом раньше и оставил меня в неведении? Или это было внезапным решением? Я хочу услышать объяснение из его уст.

Он поворачивается ко мне:

– Я понял это в тот самый момент, когда осознал, что твой длинный язык создаст тебе много проблем в других небесных дворах.

– Значит, с самого начала. – Я ухмыляюсь, потому что мягкий тон Люцифера подсказывает мне, что он не пытается меня оскорбить. Он улыбается мне в ответ. В моем животе разгорается какое-то теплое чувство.

– Большое спасибо.

– Не за что. Я на тебя целое состояние поставил. Если бы Рафаэль избил тебя, ты, возможно, не смогла бы пройти даже первое испытание.

Я попыталась придумать какое-нибудь ехидное замечание про Сариэль, но меня не интересует то, чем они там вдвоем занимаются.

– Конечно, – говорю я вместо этого. – Невредимая я ценнее.

– Я бы не позволил им причинить тебе боль. – Люцифер протягивает руку ко мне и осторожно убирает прядь с моего лица за ухо. Его пальцы тепло скользят по моей щеке. Его грубая кожа касается моей мягкой. Прикосновение Люцифера легкое и нежное. У меня во рту пересохло от того, что он так близко. Его лицо находится в паре сантиметров от моего, и я заставляю себя смотреть ему в глаза и противостоять его внимательному взгляду.

– Какие ключи еще отсутствуют? – тихо спрашиваю я слегка дрожащим голосом, но на самом деле не ожидаю ответа. Я хочу, чтобы он продолжал прикасаться ко мне.

– Ключ постоянства, мужества и жертвенности. – Люцифер убирает руку.

– Если ты думаешь, что я – ключ мужества, мне придется разочаровать тебя, – говорю я. – Я храбрая лишь тогда, когда речь идет о моей жизни или жизни людей, которых я люблю.

– Например, Алессио? – спрашивает он. – Ты бы отдала за него свою жизнь?

– Не задумываясь.

Архангел так пристально меня рассматривает, словно я какая-то загадка, которую он хотел бы разгадать.

– Я так и думал. – Люцифер делает шаг назад, и я снова получаю возможность дышать. – Мне бы хотелось, чтобы ты чаще думала о себе.

– Ты говоришь загадками. Как такое возможно, когда моя семья в опасности?

Он отворачивается от меня и смотрит на воду.

– Иногда бывают такие моменты, когда я думаю, что лучше бы я не уговаривал Еву вкусить плод древа познания.

Такая быстрая смена темы сбивает меня с толку.

– Почему ты вообще это сделал?

Люцифер пожимает плечами:

– Потому что мне было ее жаль. Я не мог наблюдать за тем, во что ее превращает Адам. Правда, сегодня я уже не уверен в том, что мои мотивы были такими самоотверженными. Возможно, я просто был зол на Адама за то, что он сделал с Лилит. Она этого не заслуживала, но Рафаэль и Михаэль

внушили ему, что отец сделал жену из его ребра, и поэтому она должна ему подчиняться. Этот идиот, конечно же, поверил в этот бред. И когда Лилит попросила его присоединиться ко мне, он выбрал путь наименьшего сопротивления и выгнал ее.

– Но ты не заставлял Еву срывать яблоко?

– Мне и не пришлось этого делать. Конечно, Ева была не такой, как Лилит, которая открыто встала на нашу сторону: у нее никогда не было воли, и она хотела освободиться. Она хотела, чтобы ее дочери стали свободными, и я указал ей путь.

– Но яблоко не освободило женщин, – говорю я ему в ответ. – Это было на самом деле лишь началом нашей зависимости.

– Вам рассказывают об этом на протяжении тысячелетий, – Люцифер улыбается мне. – Но ты ошибаешься. Если бы не яблоко, вы бы не знали разницы между добром и злом, не узнали бы мир и были бы не в состоянии принимать осознанные решения. В чем тогда был бы смысл жизни?

– Цена всего этого была достаточно высокой, – отвечаю я. Конечно, понимаю, что он имеет в виду, но не могу не поспорить с ним, чтобы чуть-чуть его позлить.

– На самом деле идея о том, что человек может жить на земле молока и меда, кажется мне куда более привлекательной, чем необходимость постоянно принимать решения, половина которых в итоге оказывается неверной.

– Молоко и мед я и так могу предоставить, – отвечает Люцифер, не позволяя мне его спровоцировать. Я делаю шаг в его сторону. Он так близко, что я вопреки здравому смыслу хочу, чтобы он еще раз коснулся моей щеки. Но архангел этого не делает.

– Тебе нужно вернуться в постель, – говорит он вместо этого таким холодным голосом, что мне кажется, будто Люцифер вывалил на меня ведро льда.

Я киваю, но не ухожу.

– Я хотела остаться тут, с вами.

Говорить об этом мне немного стыдно, но я хочу, чтобы он это знал.

– Я бы не позволил тебе уйти ни в небесный двор Михаэля, ни во двор Рафаэля, – отвечает он. – Если бы это были Фануэль или Уриэль, я бы не стал вмешиваться, но у них не было ни единого шанса, и они об этом знали. Поэтому они не делали ставок, а Габриэль, к счастью, выбрал себе в фаворитки третью участницу.

– Значит, это было чисто политическое решение?

– Разумеется. Правда, тебе не стоило так тоскливо смотреть на Кассиэля, – продолжает Люцифер свой монолог. – Он может решить, что ты его простила.

– Я не смотрела на него тоскливо.

– Все это видели, – резко отвечает он. – Ангелы – тоже мужчины, и мы не любим, когда кто-то бросается нам на шею.

– Ты специально это делаешь, не так ли? Отталкиваешь меня.

Мой взгляд скользит по его лицу, и я впервые замечаю узкий светлый шрам над его левой бровью. В каком сражении он получил это ранение? Я могла бы спросить его об этом, но лучше будет, если я завершу эту ночную встречу прежде, чем мы скажем друг другу вещи, которые не очень хотели говорить.

– Я делаю то, что лучше для всех нас, – тихо отзывается он.

– Конечно. Спи хорошо, Люцифер.

Он не удерживает меня, и некоторое время спустя я лежу на своем матрасе, завернувшись в его накидку. Теперь я хочу спать еще меньше, чем до этого. Значит, Люцифер выкупил меня лишь потому, что хотел защитить меня от себя самой, и потому, что мой длинный язык мог принести мне еще больше проблем. Кажется, у него какая-то слабость к бунтарям, о которой его последователи знают немного.

Я рада, что Фели выкупил Михаэль. Говорят, что Рафаэль выместил свою злость от того, что не получил меня, на другой кандидатке. Наама была так возмущена поведением архангела, что ее смогла успокоить только прогулка с Алессио.

Скоро я встречусь с другими девушками во внутреннем дворе дворца, потому что ангелы распорядились, чтобы мы хотя бы раз в день тренировались вместе. Интересно, чего они всем этим добиваются. Наверняка все это мероприятие придумано не для того, чтобы укрепить наш боевой дух. Скорее наоборот – я думаю, они хотят выявить слабости каждой из нас.

Наама и Сэм провожают нас на нижний этаж. На мне легкий тренировочный костюм из светлого льна. Я нервничаю. В основном из-за Фелиции: я надеюсь, что у нее все хорошо, и Михаэль ее не мучил. Мы спускаемся по боковой лестнице и видим, что остальные уже собрались. Я ненадолго останавливаюсь, когда вижу знакомую фигуру Кассиэля рядом с Фели, и иду медленнее, потому что хочу поприветствовать свою подругу и при этом не слишком близко подходить к ангелу. Сэм кладет руку мне на плечо, когда я подхожу к Фелиции. На ней такие же вещи, как и на мне, и, когда она меня замечает, я вижу облегчение на ее лице. Вскоре после этого я забываю о Кассиэле и обнимаю свою подругу. Все, что разделяло нас последние несколько лет, становится неважным.

– Ты злишься на меня за то, что я сделала, – шепчет она мне на ухо. – Но для этого в любом случае слишком поздно.

– Ладно, оставлю свои упреки на потом. – Я бы с радостью взяла ее за руку и села с ней где-нибудь в углу. Мы были так близки и ни минуты не могли провести друг без друга, когда были детьми. После того как ангелы

вернулись, мы много лет не виделись, а еще я стала презирать ее. Теперь мне стыдно за эти мысли. Все наше прошлое будто растворилось в воздухе. Я хочу все узнать. Хочу выяснить, чем она занимается, почему она навещала меня в темнице и выступила против собственного отца. Слышала ли она что-то о плане Пьетро, и если да, почему она к нему присоединилась.

– Вместе мы со всем справимся, – шепчет она. – Никто не умрет.

Мне становится смешно от этих слов, и, сама того не желая, я обращаю свой взгляд на Кассиэля, который внимательно за нами наблюдает. Я хочу продолжать на него злиться, но сейчас мне это не удается.

– Не волнуйся за нее, – говорит он. – Я присмотрю за ней.

– Спасибо, – отвечаю я, потому что не хочу говорить с ним больше, чем необходимо.

Кто-то хлопает в ладоши, и мы с Фели отстраняемся друг от друга. Гамалиэль снова стоит перед нами, завернутый в свое странное платье на лестнице гигантов Скала деи Гиганти. Она ведет в помещения, в которых раньше жили дожи Венеции. Теперь там расположились Габриэль и его последователи. Своим названием лестница обязана двум скульптурам, некогда стоявшим по обе стороны от нее. К сожалению, ни Марс, ни Нептун не пережили Вторжения. Правда, внутренний двор остался почти нетронутым. Фасад Дворца дожей со всеми его арками, башнями и каменными перилами ярко сияет на солнце, когда я смотрю на мастера церемоний.

– Девушки, вы должны начать тренировку, – требует он. – Габриэль не терпит лени. Давайте же начнем. – Он хлопает в ладоши, и Кассиэль закатывает глаза.

– Может быть, вы сможете поговорить позже, – говорит архангел прямо. Лучше бы он этого не делал.

Нам приказывают рассредоточиться по внутреннему двору и дают в руки скакалки. Сначала мы начинаем с простых прыжков. Спустя какое-то время Гамалиэль приказывает нам перейти на двойные прыжки. Нам нужно сменить направление, в котором крутилась скакалка, и теперь прыгать на одной ноге. Воздух наполнен громкими звуками выдохов. Время от времени одна из девушек падает, но нам не дают возможности отдохнуть. Ангелы, которые нас сопровождали, болтают, стоя в стороне. Я не смотрю на Кассиэля, но чувствую на себе его взгляд. Красноволосая Алисия, которую выкупил Фануэль, первая сдается и падает на серые каменные плиты. Я отбрасываю скакалку в сторону и подхожу к ней.

– У тебя кружится голова?

– Я просто хочу пить, – отвечает она, смахивая пот со лба. – Я потом снова продолжу.

– Мун де Анджелис, – слышу я строгий голос, доносящийся сверху. – Тебе никто не разрешал останавливаться.

Я поднимаю взгляд и замечаю Рафаэля, стоящего сверху в одном из проходов над внутренним двором. Он смотрит на нас.

– Ей нужно попить, – отвечаю я.

Затем я подхожу к столу, на котором стоят кувшины с водой и фруктами. Я наполняю стакан только для Алисии, хотя и сама чувствую жажду, но не хочу лишний раз провоцировать Рафаэля. Присутствующие ангелы делают вид, что не заметили моих действий. По крайней мере, никто не мешает мне делать то, что я делаю. Я возвращаюсь к девушкам. Алисия благодарно мне улыбается и опустошает стакан большими глотками. Затем она с моей помощью снова поднимается и берет в руки скакалку.

Когда я поворачиваюсь, Кассиэль оказывается позади нас.

– Ты в порядке? – спрашивает он Алисию, забирая из ее рук пустой стакан.

– Думаю, да, – отвечает девушка, опустив глаза.

– Хорошо, – говорит он. – Лучше вернись на свое место, – просит он меня. – Раф уже весь покраснел от гнева. – Уголки его губ вздрагивают, и я замечаю это, потому что не опускаю взгляда.

Когда я снова беру в руки скакалку, я не могу не смотреть на Рафаэля. Его лицо действительно покраснело от злости, а рядом с ним стоит Люцифер, окруженный своей серой тенью. Не лучший знак. Гамалиэль еще час занимается с нами. Он ходит между девушками из стороны в сторону, и я замечаю, что он дает Алисии более легкие упражнения. Кто бы мог подумать!

– Вы отлично справились, – хвалит он нас, когда тренировка наконец завершена. – Еще одно последнее упражнение, и вы свободны.

Гамалиэль отличается от других ангелов не только своим внешним видом, но еще и тем, что в отличие от них он давно уже не такой худой и натренированный. Возможно, именно поэтому он не носит подчеркивающих фигуру рубашек и брюк. Правда, все это заставляет его выглядеть более дружелюбно.

– Хочешь отдохнуть? – спрашивает он у Алисии.

– Если это возможно.

Он гладит ее по щеке.

– На тренировках главный я, и я не буду мучить вас так, чтобы вы не смогли выступать на испытаниях. Каждая из вас должна получить свой шанс, – он потирает ладони. – А сейчас мы будем бегать.

Девушка рядом со мной стонет, и я не могу ее в этом винить. Я тоже устала.

– Маршрут, по которому вы должны бежать, – объясняет Гамалиэль, – отмечен красными стрелами и проходит через весь Дворец дожей. Вы будете начинать одна за другой. Кто хочет быть первой?

Донна, девушка, которую выкупил Габриэль, поднимает руку.

Мы с Фели бежим последними, и я надеюсь, что она где-нибудь остановится, чтобы подождать меня. Я неторопливо бегу вверх по лестнице. Это упражнение явно не может быть таким безобидным, каким кажется, ведь они как-то должны проверить нашу преданность. Может, они думают, что кто-то из нас попытается сбежать?

Из-за угла высовывается чья-то рука, которая тянет меня за собой в нишу. Я улыбаюсь, видя перед собой лицо Фели.

– У нас немного времени, – говорит она. – Как тебе у Люцифера? Он тебя мучает? – Ее взгляд скользит по моему телу.

Даже само представление о том, что Люцифер может поднять на меня руку, кажется мне абсурдным.

– Нет, он не делает этого, – отвечаю я. – Мне хорошо в его покоях.

Фели скептически меня рассматривает.

– Он бросил тебя в темницу и запер тебя там!

– Все сложнее, чем кажется, – не могу же я объяснить ей в двух словах политику противостояния архангелов! – Как тебе у Михаэля?

– Я в полном порядке. Я его даже не вижу. Кассиэль заботится обо мне, и он очень вежлив. Я думала, что все будет хуже. По крайней мере, я избавилась от этого противного Нуриэля. Михаэль отправил его обратно на небеса.

– Будь осторожнее с Кассиэлем. Он кажется милее, чем есть на самом деле.

– Не беспокойся. Я бы никогда и не доверилась ангелу.

– Значит, ты умнее меня, – отвечаю я.

– Именно поэтому я здесь, – подмигивает мне Фели. – Я обычно была умнее, а ты смелее. Вместе мы непобедимая команда. Правда, в той ситуации с Алисией ты повела себя неразумно, как обычно.

– Я не позволю им решать за меня, кому мне помогать, а кому – нет.

Фели кладет руку мне на плечо.

– Хорошо, что ты не позволяешь этого, но не всегда такая помощь кем-то поощряется. Думаешь, Алисия поможет тебе во время испытаний из-за того, что ты помогла ей сегодня?

Я пожимаю плечами:

– Мне это и не нужно. Я ничего не жду взамен.

Фелиция вздыхает:

– Как бы мне хотелось, чтобы ты хотя бы иногда думала о себе. Знаешь, кто рассказал моему отцу о твоем побеге?

– Кассиэль. Хоть я и не рассказывала ему о своих планах, должно быть, он как-то это выяснил.

Думаю, Фели и так знает эту бесславную историю, связывающую меня с ангелом.

– Это был не Кассиэль, а Стефано Росси, – неумолимо продолжает Фели. – Мужчина, жену которого ты спасла от смерти.

Я качаю головой. Она наверняка ошибается.

– Тициан рассказал Кьяре о том, что ты собираешься организовать их побег. Она, видимо, довела это до сведения своего отца. Когда Нерон в очередной раз отказался заплатить ему за ремонтные работы, которые он провел в нашем доме, мужчина продал ему эту информацию. Отец отдал ему половину денег, которые ты собрала на побег.

Я тяжело сглатываю и еще некоторое время молчу, обрабатывая полученную информацию.

– Кто еще об этом знает? – тихо спрашиваю я.

– Никто. Я не хотела, чтобы Тициан узнал об этом и винил себя в произошедшем.

– Не знаю, что и сказать, – я прикусываю губу. – Как он мог это сделать?

– Я не знаю. Наверное, Стефано был в отчаянии. Я просто подумала, что тебе лучше это узнать. Чтобы ты была осторожнее в будущем.

И что мне теперь делать со всей этой информацией? Мои ноги окутывает серая тень, и я оглядываюсь. В нескольких метрах позади нас стоит Люцифер, скрестив руки на груди.

– Вы собираетесь выполнить данное вам задание или мне сходить за кофе и печеньками?

– Это лучшая идея из всех, которые у тебя когда-либо появлялись.

– Ты слишком легкомысленно к этому относишься, Мун. Это не игрушки.

Фели обходит нас и бежит дальше.

– Лучше тебе взять пример со своей подруги. Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя выкупил.

– Мы можем поменяться дворами, – огрызаюсь я на него. – Если тебе от этого будет лучше.

– Будь осторожна со словами, – тени вокруг его тела становятся все плотнее. – Твои ошибки тебя ничему не учат?

Он что, подслушал наш разговор? Или он обо всем знал?

– Почему ты мне никогда об этом не говорил?

– О чем?

– Не рассказал, кто предал меня на самом деле. Я все это время подозревала Кассиэля, но он этого не делал.

– Нет, не Кассиэль. Но то, что он с тобой сделал, ничуть не лучше.

– И что же он со мной сделал? В темницу меня бросил не Кассиэль.

– Ты ищешь оправдания его поведению? Он сказал Михаэлю о том, что ты потенциальный ключ. Если бы не это, никакой ангел бы тобой не заинтересовался.

– Конечно, нет, – шиплю я. – Мы интересны вам лишь тогда, когда вы можете мучить нас и использовать для достижения своих целей. Ты думаешь, что я этого не понимаю? – Я отталкиваю его в сторону и убегаю прочь.

– Мун! – кричит он мне вслед, но я уже бегу в направлении красных стрелок. Я следую за ними то вверх, то вниз по лестнице. Два раза я теряюсь, потому что кто-то стер пару нарисованных стрелок. В одном из коридоров я нахожу Майю, девушку, которую выкупил Рафаэль. Она отчаянно ищет путь отступления. Хотя она передвигается куда медленнее меня, я остаюсь с ней рядом. Мы последними прибываем во внутренний двор. Гамалиэль грустно качает головой, когда Рафаэль хватает Майю за руку и тащит ее прочь. Донна ухмыляется, и мне кажется, что она специально стерла стрелки.

– Где вы были так долго? – подходит ко мне Кассиэль, протягивая стакан воды. Еще пару часов назад я бы ударила его по руке, но сейчас я быстрыми глотками опустошаю содержимое стакана и отдаю его обратно ангелу.

– Мун! – раздается властный голос Люцифера.

Кассиэль ободряюще мне улыбается.

– Лучше иди, – говорит он. – И будь осторожна.

Кажется, это замечание еще больше злит Люцифера, потому что тот хватает меня за руку и тащит в сторону лестниц.

– Не надо так сильно сжимать мою руку! – ругаюсь я. – Святые небеса, теперь еще и с людьми общаться нельзя? Я не сделала ничего запрещенного. Кассиэль просто принес мне воды.

– Я запрещаю тебе с ним общаться! – огрызается Люцифер. – Точно не перед испытаниями. Тебе нельзя ему верить!

– Почему нет? – Если я должна его слушаться, мне нужно достойное объяснение. В конце концов, сегодня выяснилось, что Кассиэль не предавал меня. Это не заставляет меня забыть о других его проступках, но хотя бы дает мне понять, что он не виноват в той катастрофе, что произошла с моими братом и сестрой. Кроме того, он даже ничего не знает о Стар.

– Не надо теперь прощать ему все, – говорит Люцифер строго. – Все, что Кассиэль делал в своей жизни, всегда служило одной-единственной цели: укрепить свое положение в небесном дворе Михаэля.

– Я думаю, Кассиэль сожалеет о содеянном, – отвечаю я. – Он просто каким-то образом оказался между двух огней.

Люцифер останавливается на месте и поворачивается ко мне. Выражение его лица можно охарактеризовать как ошеломленное, и мне приходится взять себя в руки, чтобы подавить в себе желание показать ему язык. Он что, за идиотку меня принимает? Очевидно, да, иначе бы он не раздражался так.

– Оказался между двух огней? – резко спрашивает он.

Люцифер держит меня за идиотку. Абсолютно однозначно.

– Если ты веришь в это, тебе уже не помочь. – Он вскидывает руки вверх, а затем шагает в сторону двери, ведущей в его покои. Качая головой, я следую за ним.

Глава VIII

Сказать, что я не боюсь того, что мне предстоит сделать, – все равно что солгать. В последние дни я пыталась не подавать виду, что мне страшно, но теперь ужас сдавливает горло. Как бы я ни пыталась выяснить, в каких именно испытаниях нам предстоит участвовать, ни один ангел не может рассказать мне о них. Или просто не хочет.

Последние несколько ночей я пробиралась в салон в надежде встретить там Люцифера, но оба раза я его там не находила. С момента нашей последней встречи он избегает меня. Возможно, я неправильно истолковала его слова, его улыбки и меры предосторожности. Он делает только то, что считает правильным, а я – лишь одна из его раздражающих обязанностей. Я смотрю в зеркало перед собой и пытаюсь игнорировать тихий разговор Алессио и Наамы. Они сидят в креслах у окна и говорят о том, что Алессио стоило бы хоть раз взять воительницу с собой в бар. Как будто нет ничего более важного. Все-таки сейчас начнется мое первое испытание. Я пытаюсь сконцентрироваться на предстоящем задании и забыть обо всем остальном. Мне плевать на Люцифера, а Алессио должен знать, что делает. Все, что

имеет значение прямо сейчас, – я должна пережить следующие несколько часов.

Лилит опускает руки на мои плечи.

– Готова? – спрашивает она, пытаясь скрыть беспокойство во взгляде.

– Конечно, – отвечаю я, и мне приходится откашляться, потому что мой голос звучит хрипло. Я бы с радостью вскочила с места и убежала отсюда.

– Ты со всем справишься, – пытается она меня подбодрить. – Ты самая смелая и сильная девушка из всех, что я знаю.

Я вздыхаю.

– Ты немного девушек знаешь.

– Но когда-то я знала многих, и большинство из них были кроткими, как Ева, – отвечает она. – В этом мире они и дня бы не продержались.

Это не совсем соответствует тому, что рассказывал мне Люцифер о второй жене Адама.

– Пойдемте, – Наама поднимается с кресла. – Тебе нельзя идти с нами, – говорит она Алессио. – Лучше не стой у окна. Но ты можешь остаться здесь, если хочешь. Ты понадобишься Мун в скором времени.

Я сглатываю, потому что ее слова означают, что я получу травмы.

– Тогда я останусь здесь. – Алессио проскользнул во Дворец дожей еще до рассвета, потому что хотел побыть рядом со мной. На самом деле людям сегодня запрещено выходить из дома, Я понятия не имею, что ангелы придумали для нас, но меня не удивит, если они будут бегать за нами по улицам Венеции, пока мы замертво не упадем на землю. Такая погоня была бы вполне в духе Михаэля и Габриэля, да и тренировки на выносливость, которые проводил нам Гамалиэль, только укрепляют мои соображения по поводу этой версии.

Алессио подходит ко мне и крепко обнимает.

– Ты должна быть осторожной. Хорошо? Никаких необдуманных рисков, не делай ничего неразумного.

– А лучше я вообще не буду двигаться. Кажется, так будет безопаснее всего, – пытаюсь я шутить.

– Ты со всем справишься, – говорит он, целуя меня в лоб. – Мы в тебя верим.

Только не давите на меня, думаю я, когда вдруг дверь открывается, и в комнату заходит Люцифер.

– Время идти, – говорит он. – Если ты опоздаешь на первое испытание, тебя сразу же исключат. И мы этого не хотим.

Он берет меня за руку, не ожидая моего ответа. Я хочу отдернуть ее, но архангел не позволяет мне этого сделать, а просто идет дальше. Остальные остаются в комнате. Когда мы проходим по салону, пальцы наших рук переплетаются, и интимность этого жеста шокирует меня настолько, что я даже не пытаюсь его оттолкнуть. Только когда мы подходим ко входу во Дворец дожей, он останавливается и притягивает меня к себе. Вокруг не видно охраны, потому что все ангелы наверняка собрались на площади Сан-Марко в ожидании кандидаток. Люцифер смотрит мне в глаза.

– Нам надо меньше ссориться, – говорит он.

– Я ждала тебя вчера и позавчера ночью в салоне, – отвечаю я, хотя это последнее, что я хотела сказать. Но сейчас уже поздно. Услышав эти слова, Люцифер делает глубокий вдох и убирает прядь с моего лба. Вообще-то там не должно было быть никакой пряди, ведь Лилит заплела мои волосы так туго, что у меня даже болит лицо.

– Тебя не было в моих планах, – говорит он тихо, не отвечая на мое признание. – Я думал, что в Венеции не будет ключей.

Почему он рассказывает мне об этом? Он что, знает, что я не ключ? Почему Люцифер тогда подвергает меня всем этим испытаниям?

– Но ты ведь этого хотел. Найти ключи и наконец обрести покой, пока остальные архангелы наслаждаются раем.

– Да, – говорит он, нерешительно улыбаясь тому, что я сказала. – Это то, чего я хочу.

– Значит, в твоих интересах, чтобы кто-то из нас выстоял в испытании.

Мне кажется странным говорить ему об этом.

– Все развивается слишком быстро, – тихо говорит Люцифер. Словно собирается доверить мне какую-то тайну. – Нам нужно больше времени.

– Больше времени для чего? Ты что, просишь меня умереть во время испытания, чтобы вы с братьями подольше искали девятнадцать девушек?

– Тебе, как обычно, удалось перевернуть все, что я сказал. Я хочу, чтобы ты делала то, что ты всегда делала. Сосредоточься на самой себе, сфокусируйся на задании, но не забывай о том, что делает тебя человеком, слышишь меня? Никогда не забывай, что надо всегда оставаться человеком, и тогда ты справишься с заданием.

Сосредоточься на себе? Что он вообще имеет в виду? Это что, какой-то совет? Он знает, что меня ждет, и ничего не говорит? А как же Фелиция? Мне нужно и за ней присматривать. Но я не переспрашиваю, потому что у нас больше нет времени на дискуссии. Люцифер вздыхает, и я вижу по его глазам, что он бы хотел рассказать мне что-то еще. Но уже слишком поздно. Если бы он только пришел в салон прошлой ночью! Я хочу отвернуться и уйти. Люцифер не должен знать о том, как сильно его невежество меня

ранит. Он ничего мне не должен. Он архангел пятого небесного двора, первый сын бога. Почему я время от времени забываю об этом?

Люцифер не дает мне уйти. Вместо этого он обнимает меня. Я на секунду напрягаюсь, и мое сердце начинает колотиться как бешеное. Его объятия – это нечто другое, чем объятия Алессио. Он обнимает меня не так, как это делал Кассиэль, и, хотя я не знаю, в чем разница, я на мгновение чувствую себя в безопасности. Я обхватываю его за его узкую талию, прислоняюсь к его груди и чувствую, как меня наполняет уверенность.

– Я все время буду рядом, – шепчет он мне на ухо. Его рука скользит по моей спине, а прикосновение так меня успокаивает, что я тихо вздыхаю и еще сильнее прижимаюсь к нему. Мой страх исчезает, словно по мановению волшебной палочки, и я на секунду чувствую, как его губы касаются моего виска перед тем, как он отпускает меня.

Я делаю шаг назад. Люцифер последний мужчина на земле, которому я могу довериться и которому я позволю себя успокаивать. Хотя объятие было таким невероятно приятным и показалось мне таким настоящим. Когда я смотрю на него, он избегает моего взгляда. Люцифер, как и я, знает, что все это неправильно. Наверное, он уже сожалеет о содеянном. Я сжимаю руки в кулаки. Я разберусь с этими сбивающими меня с толку чувствами позже.

В это мгновение из-за угла прогулочным шагом выходят Балам, Семьяса, Наама и Лилит. Они болтают, словно у нас еще куча времени. Я ни на секунду не поверю, что они действительно так медленно шли. Пять ангелов окружают меня, а Люцифер идет впереди. Я чувствую себя лучше, и за это мне нужно благодарить именно его. Тем не менее мне больше нельзя допускать ничего подобного.

Мы вместе идем вдоль стен, заслоняющих причал, к площади Сан-Марко. На улице прохладно, а утренний туман курится над водой лагуны. Ничего не видно дальше пары метров. Когда мы подходим к колоннам, я осмеливаюсь поднять взгляд на библиотеку. Где-то за окнами нашей квартиры стоят Стар, Тициан и Феникс. Мне так хотелось бы увидеть их еще раз перед этим испытанием. Но их нет. Я останавливаюсь рядом с другими девушками, которые, как и я, облачены в обтягивающие блузки и брюки сияющего белого цвета. Их волосы тоже заплетены и забраны в высокие прически. В этих костюмах мы все действительно выглядим одинаково. Фели стоит позади меня, и я чувствую невероятное облегчение от того, что она рядом. Мы не получили никакого оружия. Но меня ничуть это не успокаивает, а, наоборот, нервирует. Ладони стали влажными, а по спине стекает пот, хотя ничего еще не произошло. Туман светится, а затем из ниоткуда на краю пирса появляется лестница. Это не просто лестница, а лестница из стекла. Когда солнечный луч выглядывает из-за низко висящих туч, блеск этой лестницы ослепляет меня так, что мне приходится закрыть глаза. Рядом со мной от страха задыхается одна из девушек. Ее зовут Эрин, как я помню. Я слежу за ее взглядом. Лестница ведет куда-то в небо, дальше и дальше, пронизывает серые тучи и заканчивается у бриллиантовых ворот четвертого небесного двора.

– Это небесная лестница, – в тот же момент раздается откуда-то голос Михаэля. – Она соединяет наш и ваш миры. Первое испытание – подняться по этой лестнице. И пусть победит сильнейшая.

Я в исступлении смотрю на него, надеясь на то, что ослышалась. Я не смогу туда забраться. Я смелая, не боюсь темноты и могла бы отправиться на поединок с драконом. Но я не смогу подняться по этой лестнице по одной простой причине: я боюсь высоты. По крайней мере, такой невероятной высоты. Я не хочу находиться там без страховки и без возможности поддержки со стороны кого-либо. Я летала с Люцифером и Семьясой. Оба раза у меня не было времени, чтобы думать об этом страхе. Кроме того, все это имеет значение лишь тогда, когда я сама нахожусь на этой высоте. Одна. Может быть, я смогу преодолеть первые пару метров, а потом сорвусь. Но я никогда не доберусь до двора Михаэля. Рука Фели хватает мою ладонь.

– Мы с тобой справимся с этим, – шепчет она мне. – Я полезу за тобой. Ты не упадешь.

Она помнит о моем страхе высоты. Когда мы были детьми, подруга часто залезала куда-то, а я боялась следовать за ней. Я пытаюсь кивнуть ей, когда вдруг слышу фанфары. Это тот же звук, который раздается, когда начинается поединок на арене. Донна и Алисия сразу же бегут к лестнице. Я запрещаю себе смотреть на трибуны, на которых сидят ангелы, и позволяю Фели тащить себя к лестнице. Мои ноги уже превратились в пудинг, и это лишь от мысли о том, что мне придется поставить ногу на ступеньку. Почему Люцифер не предупредил меня об этом вместо того, чтобы нести бред о том, что я должна оставаться человеком? Я и так человек, и я знала это раньше. Но сейчас моя человеческая сущность охвачена паникой.

– Просто крепко держись и передвигай одну ногу за другой, – командует Фели, пропуская Майю и Изабель первыми. Обе ободряюще мне улыбаются.

– Удачи, – Майя без труда залезает на ступеньки, словно обезьяна. Только посмотрите на нее! Кто бы подумал. Я быстрее и сильнее, но мне это ни капли не помогает.

– Я буду позади, – терпеливо говорит Фели, когда мы находимся в метре над землей. Мне уже от одного взгляда вниз становится плохо. – Не смотри ни вниз, ни вверх. Просто найди свой ритм, и тогда ты справишься. Залезать на лестницу – все равно что летать.

От этого замечания мне очень хочется рассмеяться, хотя сейчас ничего веселого не происходит.

– Мы обе туда заберемся, – настойчиво добавляет она. – Либо мы обе, либо никто из нас.

У меня во рту собирается кислая слюна. Фели не полезет по этой лестнице одна, и я не знаю, что с нами сделают ангелы, если мы откажемся участвовать в испытании. У меня нет выбора, если я не хочу подвергать ее опасности. Мои ладони становятся влажными от пота. Скользкое стекло не облегчает задачу. Я залезаю на первую ступеньку, затем на вторую. Фели позади меня бормочет успокаивающие слова. Хотя ноги и дрожат, я заставляю себя продолжать, а не стоять на месте. Сердце так громко стучит в ушах, что я сначала едва слышу крик, доносящийся снизу. Я не считала, сколько ступенек мы уже преодолели, но сейчас мы находимся на высоте крыши библиотеки, а впереди еще сотни ступеней. Я совершаю ошибку и смотрю на

Фели, которая опустила голову. И тогда я вижу, что произошло: недалеко от подножия лестницы лежит девушка. Сначала я не узнаю ее, а потом понимаю, что это может быть только Эрин. Она была позади нас. Из ее спины торчит стрела. Она что, пыталась сбежать? Я даже отсюда вижу, как кровь растекается по белой ткани ее блузки. Михаэль спокойно кладет лук рядом со своим сиденьем. Что за свинья. Это он ее убил?

– Нам нужно идти дальше, – выдавливает Фели. – Положись на свои чувства. Расстояние между ступеньками всегда одинаковое. Подумай о чем-то хорошем.

Проще сказать, чем сделать. С огромным усилием воли и нежеланием разделить судьбу Эрин я продолжаю нащупывать свой путь дальше. Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее ветер бьет нам в уши. Ноги неприятно покалывает, и это ощущение постепенно распространяется по всему моему телу. Я чувствую, что Фели лезет прямо за мной, и из-за нее я двигаюсь вперед. Может быть, мы и сможем добраться до двора Михаэля, вопрос лишь в том, как мы потом оттуда спустимся. При мысли об этом мне приходится остановиться и попытаться перевести дыхание.

– Все в порядке? – спрашивает Фелиция с тревогой. Воздух ерошит наши волосы и одежду. Мои ладони больше не влажные, теперь они начинают мерзнуть. Я прищуриваюсь и прижимаюсь к лестнице. Мне надо лезть дальше, но я не могу перехитрить свое тело. Оно отлично знает, что я здесь делаю, и отказывается меня слушаться.

Фелиция лезет по другой стороне лестницы и аккуратно преодолевает ступеньки, пока не оказывается на одной высоте со мной. То, что она делает, лишний раз подвергает ее опасности, и это глупо, если она не хочет меня перегонять.

– Мун, слушай меня. – Ее голос не заглушает порывы ветра и тем более – панические крики в моей голове. – Это всего лишь первое испытание, и я не допущу того, чтобы мы его не прошли. Нельзя позволить ангелам расслабиться. Ты поняла меня?

Я пытаюсь кивнуть ей в ответ, но все мое тело заледенело. Я не могу двигаться дальше, и это никак не связано с тем, что я не в форме. Даже в своей самой лучшей форме я бы не справилась с этим испытанием.

– Двигайся дальше, Фели, – выдавливаю я. – Хотя бы ты попробуй это сделать.

Интересно, ангелы запустят в меня стрелу, если я останусь на месте, или Михаэль собственной персоной прилетит сюда и оторвет мои пальцы от ступенек?

Но Фелиция не двигается дальше, а только испуганно хрипит. Я хлопаю ресницами и смотрю в ее замершие от ужаса глаза. Она дует на свою правую ладонь. Она что, совсем с ума сошла, руку отпускать? Но потом я тоже это чувствую. Стекло под моими пальцами становится совсем холодным. Лед, которым покрывается лестница, словно крохотные иглы, вонзается в мою кожу. Они колют и обжигают одновременно. Я смотрю под ноги, и ступенька, на которой я стою, тоже покрывается льдом. Если у нас был хотя бы один шанс пройти испытание, теперь он точно исчез. Ступеньки слишком

скользкие, и без перчаток я способна выдержать этот жуткий холод всего пару минут. Фелиция дрожит, и ее губы синеют. Температура явно понизилась на много градусов, и я проклинаю каждого ангела за это. Неужели они не могли дать нам что-нибудь теплое из одежды? Блузка, все еще мокрая от пота, замерзает и трется о мою кожу. Хотя я больше не чувствую своих пальцев, я заставляю себя держаться крепче. Боль становится невыносимой. Лицо Фели искривляется в агонии, а по ее лицу текут слезы, моментально превращающиеся в маленькие сосульки.

– Не отпускай, – молю ее я. Хоть она и смелая и приспосабливается к разным условиям так хорошо, что каждый верит в то, что она послушная дочь, я явно лучше справляюсь с болью, чем Фели. Возможно, потому, что я имею больше опыта. Высота, на которой мы находимся, вдруг перестает иметь значение, и я концентрируюсь лишь на том, чтобы крепче держаться за ступеньки.

– Мне так больно, – шепчет она, дрожа всем телом.

– Держись крепко, – выдавливаю я сквозь стучащие от холода зубы. – Наверняка это скоро закончится. Просто это часть испытания.

Порыв ветра заставляет лестницу так сильно качаться, что мои ноги соскальзывают. Фели вскрикивает, когда я теряю равновесие и скатываюсь вниз. С огромным трудом мне удается остановить свое падение. Я прикусываю онемевшие губы, чувствую вкус крови и продолжаю ногами нащупывать ступеньку. Я с облегчением прислоняю голову к своей руке, когда нахожу ее. Ветер обдувает меня так, словно пытается разорвать мое тело на части. Тем не менее я снова возвращаюсь на свое прежнее место. Лед разодрал кожу на моих ладонях. Но я все равно уже ничего не чувствую. Мы с Фели прислоняем головы друг к другу и соприкасаемся лбами.

– Я больше не могу, – хрипит она. На ее ресницах ледяные кристаллы. Словно в замедленной съемке она убирает свои пальцы со ступеньки. Те примерзли так сильно, что ей приходится их отрывать. Каждое движение заставляет Фели кривиться от муки.

– Я думала, что продержусь дольше, – улыбается она. – Почему так холодно?

Словно парализованная, я смотрю на нее, понимая, что задумала подруга. Земля находится в двухстах метрах под нами. Я не уверена в этом на все сто, потому что пытаюсь не смотреть туда, но ощущается все примерно так. Когда она хочет оторвать вторую руку от ступеньки, я ее останавливаю.

– Ты не оставишь меня тут одну, – выдавливаю я, пытаясь забыть о том, на какой высоте мы находимся. Мои пальцы стали очень жесткими, кожа горит, и я понимаю, что, если Фели что-то задумала, я не смогу остановить ее. Кроме того, ее рука сильно повреждена. Но ее ноги все еще стоят на ступеньках.

– Держись за меня, – прошу ее я.

Ветер теперь дует сзади и усиливается, словно чувствуя слабость своих жертв. Он окружает нас, заставляя лестницу болтаться. Давит на мою спину и на грудь Фели. Она теряет равновесие, и верхняя часть ее тела

изгибается назад. Я пытаюсь подтянуть подругу к себе. Мои ноги и руки трясутся от напряжения, и кажется, что осколки льда врезаются в кожу, распространяются по всему телу и замораживают меня изнутри. Тело горит словно в огне, и я уже не знаю, холодно мне или жарко. Но я игнорирую все остальное и пытаюсь защитить Фели. Если мне удастся обхватить ступеньку рукой, я смогу держаться лучше. Но моя рука примерзла, и когда я отрываю ее от ступеньки, то окончательно срываю кожу со своей ладони. Это просто безнадежно. Еще один порыв ветра, и Фели сорвется с лестницы и разобьется.

– Ты должна отпустить меня, Мун, – просит она так громко, чтобы перекричать ветер. – Ты не сможешь держать нас обеих.

В этом она права, но я ее не отпущу. Несмотря на ледяной ветер, я чувствую пот, проступающий у себя на лбу. Прикусываю нижнюю губу, чтобы не закричать, и в этот раз снова ощущаю вкус крови на языке.

– Я не дам им победить. Ты сама сказала, мы не позволим им забрать у нас наши мечты.

– Если мы обе умрем, это и случится. Отпусти меня, Мун. Все в порядке, – ее взгляд становится смиренным. Она двигает рукой, лежащей под моей ладонью, и боль усиливается. Горят не только мои руки, но и все мои нервные окончания, но тем не менее…

– Мы покинем эту лестницу живыми. Обе, – я больше вою, чем говорю.

– Нет, – настойчиво говорит Фели. – Но ты должна выжить. Ради нас.

Ветер прерывается звуком взмахов крыльев. Меня окружает темный туман, и передо мной появляется лицо Люцифера. Я вижу в его глазах огонь, они полыхают гневом. К моей боли добавляется еще изматывающий страх, и моя хватка невольно слабеет. Таким он мне еще не показывался. Настоящий владыка тьмы.

– Отпусти ее! – рычит он. – Сейчас же!

Я качаю головой, вспоминая о том, что важно. Моя семья и мои друзья. Это все, что у меня есть. Фели здесь только потому, что хотела мне помочь. Поэтому я несу за нее ответственность. Это то, что делает нас людьми. Любовь и дружба, и, как он сам сказал, я не должна забывать об этом. Если отпущу Фели, никогда себя не прощу. Я подвела Стар и Тициана, в случае с Фелицией я такого не допущу. Друзья Люцифера тоже важны для него. Даже Наама, хотя в это сложно поверить.

– Я не могу, – говорю я, и из моих глаз текут слезы. Он мог бы спасти нас обеих, если бы захотел.

– Отпусти ее, и я заберу тебя отсюда, – шепчет он мне на ухо. Люцифер обхватывает мою талию своей рукой, и я чувствую его теплую ладонь на своем животе.

Было бы так просто сдаться. Именно так, наверное, он и говорил, когда предлагал Еве вкусить плод с древа познания. Манипулятор. Соблазнитель.

Его теплая щека касается моей, и на мгновение мое тело перестает дрожать.

– Иначе умрешь ты. Так же, как и она, – Люцифер отрывается от меня и, хлопая крыльями, держится в воздухе.

– Значит, я умру, – так же тихо отвечаю я. Если бы у меня еще остались силы, я бы сказала ему, что презираю его за то, о чем он меня просит. Но Люцифер наверняка и так это знает. Он никогда не поймет, что это значит – быть человеком. Но я благодарна ему за то, что он напомнил мне об этом. Вдруг решение кажется мне очень простым. Мы с Фели смотрим друг другу в глаза. Каждая из нас отрывает руку от обледеневшей ступеньки. Фели не умрет одна, как и я. Мы одновременно срываемся с лестницы, и я держу ее за руку. На мгновение мы замираем в воздухе, и я смотрю в лицо Люцифера. Я не вижу удивления на нем, и это шокирует меня еще больше. Он знал, что случится подобное, и в этот момент я абсолютно уверена в том, что этого он от меня и ждал. Если бы это все меня так не пугало, я бы рассмеялась. И тогда мы падаем. Я не буду кричать, как сперва хочется. Этого ангелы от меня не дождутся. Я падаю быстрее и быстрее. Мои волосы наконец расплетаются и бьют меня по лицу, блузка и брюки соскальзывают с меня, и я закрываю глаза, когда страх перед ударом становится слишком сильным.

Чьи-то руки обхватывают и ловят меня. Я слышу рычание над своим ухом. Мне все равно, что происходит вокруг, потому что в тот самый момент меня охватывает потрясающее тепло. Я инстинктивно прижимаюсь к его источнику.

– Теперь ты можешь отпустить Фелицию, – слышу я веселый голос Семьясы. – Я ее поймал и спущу на землю. Как только можно быть такой неразумной и упрямой?

Я открываю глаза. Люцифер прижимает меня к своей груди. Выражение его лица такое же отрешенное, как и всегда, когда он пытается сделать вид, что ничего не чувствует. Сэм держит на руках Фели, которая так замерзла, что не может сопротивляться его хватке.

– Ты правда спустишь ее на землю?

– Если ты думаешь, что я позволю ей упасть, то я оскорблен, – отвечает Семьяса. – Я буду с ней бережен, как с сырым яйцом.

Фели фыркает и корчит гримасы.

– Боже, как у меня все болит.

– Бог тут ни при чем, – Люцифер наконец тоже решил вставить свой комментарий. – Алессио сейчас о тебе позаботится.

– Спасибо, что ты не послушала меня, – говорит Фели. – Но ты бы так и так этого не сделала, – она пожимает плечами, а затем Семьяса с ней на руках устремляется вниз. Он кружится в воздухе, и я слышу, как Фели сначала вскрикивает, а затем смеется.

– Не может удержаться от того, чтобы похвастаться своими способностями, – бормочет Люцифер, держащий меня самым порядочным образом и скорее парящий, чем летящий.

– Ты думал, что я ее отпущу? – со злостью спрашиваю я.

– Конечно, нет, – отвечает Люцифер. – Это, Мун, и было твоим испытанием.

Я хлопаю глазами, потому что не сразу понимаю, что он имеет в виду.

– Вы хотели проверить мою преданность другу?

– Испытания ключей не всегда связаны с силой или выносливостью. Я думал, ты и так это уже поняла. Мы также проверяли чистоту твоих помыслов.

Вот урод. Он отлично знал, что я понятия не имею о том, что собой представляют испытания.

– Почему тогда Сэм гонял меня по лестнице туда-сюда, а Гамалиэль мучил нас своими тренировками?

– Потому что ты действительно была не в форме. Твои мышцы напоминали пудинг.

Как он вообще смеет смеяться надо мной?

– И поэтому Эрин должна была умереть? – выдыхаю я вне себя от гнева. – Вы пронзили ее стрелой за то, что она не смогла приступить к заданию! Она боялась! Я просто поверить не могу. Вы проверяете чистоту помыслов, при этом люди, на ваш взгляд, не стоят и талара! Разве вы убили бы человека, если бы вам была важна эта чистота?

– Я никогда и не говорил, что вы что-то значите для нас, – отвечает Люцифер.

Я поднимаю свою больную руку и ударяю его в грудную клетку как сумасшедшая. Его грудь словно сделана из железа, и на мои глаза наворачиваются слезы. Я ненавижу себя за то, что плачу прямо перед Люцифером. Мне холодно, и я дрожу. Определенно больше никогда в жизни не перестану мерзнуть. Когда я раскрываю ладони, мне становится плохо. Я отморозила себе руку. Шок и ожидание смерти на какое-то время притупили боль, а теперь она волнами возвращается ко мне. Я чувствую, как у меня перед глазами темнеет. Крылья Люцифера обнимают мое тело, и мне становится тепло. Но холод во мне не исчезает.

– Не засыпай, Мун. И не показывай никому своих чувств. – Он прикасается губами к моей щеке, и приятное покалывание, вызываемое этим жестом, распространяется по всему моему телу. Люцифер закрыл меня своими крыльями. То, как он держит нас в воздухе, остается для меня загадкой. Темнота окружает меня, и тем не менее я смотрю в его серебристо-серые глаза.

– Тебе нужно на мгновение предстать перед ними. После этого я отнесу тебя к Алессио, и он займется твоими ранами.

Я хочу остаться с Люцифером в воздухе, окруженная его теплотой и запахом.

Словно прочитав мои мысли, он улыбается. Эта улыбка могла означать все, что угодно, если бы Люцифер был человеком.

– Это недолго, обещаю. Ты была очень смелой сегодня. Я тобой горжусь. – Он замедляет свой полет, а затем целует меня в лоб. Его теплые и мягкие губы касаются моей кожи слишком долго для успокаивающего жеста. Я чувствую себя бесконечно хорошо, но в то же время неправильно. Я ощущаю себя в безопасности и под защитой, но одновременно с этим мне кажется, что я предательница. Напрягаюсь, и в ту же секунду Люцифер ослабляет объятия, а почти нежное выражение его лица исчезает. Прежде чем я успеваю опечалиться этим фактом, мы приземляемся перед трибунами, на которых сидят ангелы.

Сэм смотрит на нас с поднятыми бровями. Он стоит прямо рядом с Фели, которая хоть и качается от усталости, но все же отказывается от его помощи. Рядом с Сэмом я замечаю Кассиэля. Он с облегчением улыбается, увидев меня. Четыре другие девочки тоже стоят здесь. Майя лежит на полу с закрытыми глазами, но ее грудная клетка поднимается и опускается. Изабель из двора Уриэля безудержно плачет. Я хочу подойти к ней и утешить, но Люцифер сдерживает меня. Донна торжествующе смотрит на ангелов, а Алисия с каменным выражением лица уставилась в пространство перед собой.

К счастью, на Эрин кто-то накинул ткань.

Рафаэль поднимается с места.

– Шесть из семи прошли испытание, – сообщает он ледяным тоном. Ему что, одной смерти мало? Если бы не Фелиция, я бы, возможно, тоже лежала внизу под тканью. Я снова оказалась в шаге от смерти, в этот раз особенно близко. Когда я начинаю качаться, то чувствую руку Люцифера на своей спине.

– Вы можете идти. Увидимся на следующем испытании. Оно не будет таким легким.

Звучит как угроза. Изабель всхлипывает, и я изо всех сил стараюсь не кричать от ярости. Мне нужно время, чтобы раны затянулись. Но это никого не интересует.

Пока ангелы встают с трибун, Кассиэль подходит ко мне.

– Как твои дела? – Он без спроса берет мои ладони в свои руки и поворачивает их. Когда он видит открытые кровавые раны, ангел шипит и поджимает губы.

Прежде чем я успеваю ответить на его вопрос, руки Люцифера обвивают мою талию. Я вижу во взгляде Кассиэля нежелание меня отпускать, но Люцифер уже поднимается со мной в воздух. Надо отучить его от этого, раньше же я как-то справлялась, шагая ногами по земле всю свою жизнь. Правда, из-за своей слабости я все-таки сдаюсь в этот раз. Обвиваю своими руками его шею и кладу голову на его плечо. Люцифер перелетает через балюстраду и

несет меня по коридорам. Каждый его шаг звучит энергичнее, чем предыдущий. Я слишком устала для того, чтобы требовать от него отпустить меня и позволить мне идти самой. Я бы сейчас даже ногами двигать не смогла. Правда, это не столько усталость, сколько воспоминания о панике и боли.

– Ты уже знаешь, каким будет следующее испытание? – тихо спрашиваю я, хотя не хочу этого знать.

– У меня есть одно предположение. – Он не смотрит на меня, но идет медленнее.

– Но ты мне о нем не расскажешь, верно?

– Какая же ты все-таки умная девочка.

– Какой же ты все-таки отвратительный ангел, – вру я.

– Кого же ты будешь мучить, если я умру на следующем испытании? – Мой нос скользит по его гладкому подбородку, когда я пытаюсь посмотреть Люциферу в лицо. Его тело напрягается, и теперь он держит меня крепче.

– Ты не умрешь. У тебя, судя по всему, семь жизней. Как у кошки.

– Я бы не отпустила Фелицию и без твоего совета, но тем не менее большое спасибо.

Люцифер ничего не отвечает, но мне кажется, что его лицо двигается, потому что его теплая кожа касается моего холодного носа.

На лице Алессио, ждущего меня в комнате, появляется облегчение, когда он видит нас. Я демонстрирую ему свои ладони, и юноша задыхается от неожиданности. Тем временем боль становится совсем невыносимой. Пот стекает по моему лбу, потому что я изо всех сил пытаюсь не упасть в обморок. В то же время беспощадный холод все еще распространяется по моим конечностям. Люцифер аккуратно опускает меня на кровать и укрывает. Правда, тонкий плед не может соперничать с теплом, исходящим от него самого. Наверное, это тепло адского пламени. К моему удивлению, архангел не уходит, а садится на край кровати и кладет руку на мое бедро, пока Алессио рассматривает мои руки.

– Может, ей стоит принять ванну? – спрашивает он. – Она холодная как лед. Девушки должны были карабкаться вверх по небесной лестнице. Габриэль заморозил ступеньки, а Рафаэль спустил на них шторм. Они очень замерзли.

– Я хочу сначала перевязать ее руки, – отвечает Алессио. – Ты можешь идти. Это ведь не первый раз, когда я собираю ее по частям после встречи с вами. – Должно быть, Алессио очень зол, иначе юноша никогда бы не посмел так говорить с Люцифером.

– Я лучше останусь здесь, – отвечает Люцифер тихо. – Может быть, тебе нужен кто-то, кто может помочь.

– Тогда я предпочту помощь Наамы, – сердито отвечает Алессио.

Люцифер не впечатлен этим ответом. Он снимает с меня обувь, и я чувствую его руки на своих ступнях. Я вздрагиваю и хочу убрать ноги, но он стягивает с меня еще и жесткие, примерзшие к моей коже гольфы. Я больше не могу лежать с открытыми глазами.

– Я хочу, чтобы он остался, – шепчу я.

Алессио больше не протестует, а просто встает, чтобы вытащить из своей сумки вещи, необходимые для осмотра. Звук стука моих зубов эхом отражается от стен комнаты, в которой воцарилась тишина. Они так сильно стучат, что у меня сводит челюсть. Люцифер измученно вздыхает и кладет мои ноги себе на колени. Я не сопротивляюсь, потому что у меня больше нет сил. Его большой палец касается моей ступни, и он рисует им маленькие круги. Архангел уже делал что-то подобное, когда принес меня сюда из темницы. В его пальцах точно есть какая-то магия, потому что от моих ног к телу поднимается волна тепла и я медленно расслабляюсь. Пальцы Люцифера скользят по моим икрам, и зубы перестают стучать. Хотя между его рукой и моей ногой одеяло и брюки, я отчетливо чувствую его прикосновения, а тепло в моем теле разносится по самым невозможным местам. Я ни в коем случае не буду на него смотреть. Но пусть он не останавливается.

Алессио возвращается и сначала берет в свою руку мою правую ладонь.

– Рана выглядит очень плохо, но она заживет. И, возможно, даже шрамов не останется. Тебе еще холодно? Может, принести одеяло?

Я качаю головой с закрытыми глазами, и Люцифер тихо смеется, потому что знает, почему мне уже не так холодно, как раньше.

– Что в этом смешного? – огрызается на него Алессио. – Ей нельзя мерзнуть!

– Мне послать за чаем или чем-нибудь еще? – спрашивает Люцифер безобидным тоном.

– Чай из ивовой коры ей бы не помешал, – бормочет Алессио. – Он притупляет боль и снижает температуру, если все-таки начнется воспаление.

Я не хочу, чтобы Люцифер уходил, но горло пересохло.

– Я сейчас вернусь, – бормочет архангел, вставая с кровати. Я тут же снова начинаю мерзнуть.

Алессио обрабатывает мои раны как можно быстрее. Левая рука явно меньше поражена, чем правая. Он удаляет отмершие кусочки кожи, и я шиплю от боли.

– Извини, но рана должна быть очищена. – Алессио выдавливает мазь мне на ладонь и накладывает повязку.

Я слышу стук в дверь, в комнату заходит Лилит.

– Я наполнила ванну для Мун.

– Очень мило с твоей стороны, – отвечает Алессио, – но ей нужно сначала поспать. Ты поможешь снять с нее мокрую одежду?

– Конечно.

С перевязанными руками я ей не помощник, но каким-то образом нам удается надеть на меня толстый свитер и теплые брюки. Сэм приносит целую кучу одеял.

Когда Люцифер возвращается, мы уже со всем закончили и я снова лежу в кровати. Вместо того чтобы передать поднос с чаем Алессио или Лилит, он подходит к изголовью кровати и садится на край. Затем просовывает руку мне под спину, помогая подняться, и прислоняет меня к своей груди.

– Чай еще горячий, – предупреждает архангел, – но все должно быть нормально. – Он мягко подносит стакан к моим губам. Я чувствую вкус ивовой коры, лимона и меда. Очень много меда. Я аккуратно втягиваю жидкость своими потрескавшимися губами, пока Люцифер шепчет мне на ухо подбадривающие слова, уговаривая меня выпить больше, хотя усталость уже заставляет меня сдаться.

– Почти все, – бормочет он, когда я делаю последний глоток.

– Я бы осмотрел других девушек, – говорит Алессио Люциферу. – Как думаешь, они меня впустят?

– Возьми с собой Нааму, – отвечает тот. – Ни один ангел не станет ей возражать.

– Кто-то должен остаться с Мун ночью, – говорит Алессио. – Если у нее будут проблемы с кровообращением, вам надо будет позвать меня.

– Я займусь этим, – отвечает Люцифер. – С нами она в хороших руках.

Этот ответ пробивает меня на смех, но я слишком устала. Я бы с радостью открыла глаза, чтобы Алессио больше не волновался.

– В этом я сомневаюсь, – говорит мой друг. – Не разрешай ей подниматься с кровати, она должна много пить и есть пока только легкую пищу.

– Мы о ней позаботимся, – бесстрастно повторяет Люцифер, и Алессио решает воздержаться от раздачи дальнейших инструкций.

Не успела дверь за ним закрыться, как объятия Люцифера становятся еще мягче. Он укладывает меня обратно на подушку, подоткнув одеяло вокруг меня. Пока я медленно засыпаю, то слышу, как он зашторивает окна, а затем снова садится на край кровати. Люцифер собирается остаться здесь? Может, он еще раз прогонит боль и холод из моего тела с помощью своих волшебных рук? Не буду его об этом просить.

Глава IX

Когда я просыпаюсь, то дрожу словно осиновый лист. Мне так холодно, как будто я все еще в катакомбах. Пытаюсь сдвинуться с места, но тело отзывается болью. Дверь открывается и снова закрывается, и, хотя вокруг очень темно, я знаю, что в комнату зашел Люцифер.

– Пить, – шепчу я сухими губами.

– Я знаю, – тихо говорит он. – Как раз ходил за свежезаваренным чаем. – Он аккуратно помогает мне сесть. Я прислоняюсь к нему, и Люцифер снова подносит стакан к моим губам. После этого мне становится лучше, хотя все еще холодно.

– Спасибо, – говорю я, пытаясь выскользнуть из его объятий. Если бы мне год назад кто-нибудь сказал, что Люцифер будет ухаживать за мной, когда я получу травму, я бы сочла этого человека сумасшедшим. Но архангел сидит рядом со мной и держит меня так крепко, что нет ни единого шанса вырваться из его хватки.

Люцифер ставит стакан на пол, а затем вытирает мое лицо теплым полотенцем.

– Я накрыл тебя всеми одеялами, которые только смог найти, – говорит он. – Но ты все равно мерзнешь, хотя по твоему лбу течет пот. Я этого не понимаю.

– Я сейчас не в лучшей форме.

– По крайней мере, ты проснулась. Мне кажется, это прогресс. До недавних пор я с большим трудом мог влить в тебя воду, половина которой проливалась мимо.

– Ты можешь уложить меня обратно? – спрашиваю я. – У меня все болит.

– Это не удивляет. Ты так дрожала, словно каждая мышца твоего тела думает, что все ее ресурсы истощены.

Я пытаюсь лечь набок и подтягиваю к себе ноги. Огромное количество одеял действительно не возымело никакого эффекта.

– Ты что делаешь?

– Когда я сжимаюсь калачиком, то теряю меньше тепла, – объясняю я ему.

– И это работает?

Тем временем мои глаза уже привыкли в темноте, и, когда смотрю на Люцифера, я замечаю его скептическое выражение лица.

– Не знаю. Я мерзну не только снаружи, но и изнутри. Грелка была бы не лишней.

– Что это такое?

– Что-то вроде мешка, который заполняют горячей водой.

Руки Люцифера были бы лучше, чем десять грелок, в этом я уверена.

– Мне очень жаль, что я прилетел так поздно, – говорит он. – И я еще обещал, что буду за тобой присматривать.

– Ты сказал, что будешь рядом, – поправляю я его, замечая, как силы снова оставляют мое тело. Мне даже говорить сложно. – Это не то же самое. – Зубы начинают стучать, когда я говорю последние слова.

– Все, с меня хватит. – Люцифер встает с кровати.

Я игнорирую разочарование, зародившееся во мне.

– Со мной может побыть и кто-то другой…

– Я знаю, – говорит он, и мой матрас пружинит. Прежде чем я успеваю отойти от шока, Люцифер поднимает одеяла и ложится позади меня. Одной рукой он обхватывает меня за талию, и я чувствую его руку на своем животе.

– В этой кровати жарче, чем в пустыне Дудаэль, – бормочет он, притягивая меня ближе.

Я слишком озадачена и обессилена, чтобы защищаться или отталкивать его: кроме того, мне сразу же становится теплее. То, что Люцифер делает, – неправильно, но я чувствую себя невероятно хорошо. О последствиях я буду думать утром. Сейчас я просто возьму то, что он мне дает. Я поворачиваюсь к архангелу и утыкаюсь лицом в его грудь. Он ненадолго поднимает руки, давая мне лечь удобно, а затем снова обнимает меня. Его ладони гладят меня по спине. Я невольно прижимаюсь к Люциферу сильнее, и мне даже кажется, что он тихо стонет.

– Я не хочу, чтобы кто-то увидел тебя в моей кровати, – бормочу я. – Ты для меня – просто одеяло с электроподогревом.

Его грудь вздрагивает, и его смех отзывается в моем теле.

– Ну конечно, как же иначе, – шепчет он, целуя меня в лоб. В этот раз я ему это позволю. – А теперь спи.

Хотя мне бы очень хотелось не спать, я в течение нескольких секунд проваливаюсь в сон. Его губы все еще касаются моей кожи.

Занавески шумно отодвигаются в сторону, и в комнату проникает солнечный свет.

– Доброе утро, – слышу я голос Лилит.

Люцифер рычит, притягивает меня к себе, и я позволяю этому случиться. Я целую вечность не спала так хорошо – хотя сейчас мне кажется, что я сижу в духовке. Верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, и мой нос упирается в теплую обнаженную кожу, пахнущую шоколадом. Люцифер на секунду вздрагивает, а затем его рука скользит по моей спине. Я прекращаю дышать.

– Алессио пьет кофе на улице и хочет осмотреть свою пациентку. Я сказала ему, что помогу тебе одеться, если ты нуждаешься в моей помощи.

– Я одета, – отвечаю я, чтобы Лилит не подумала ничего неправильного.

– Конечно, – она смеется.

– Я тоже, ты, любопытная демонесса, – рычит Люцифер. – Ты не стучалась.

– У нас с Мун нет друг от друга секретов.

– Люц просто служил мне одеялом с электроподогревом, – смущенно объясняю я. – Мне было очень холодно. – Не успеваю я это сказать, как пальцы Люцифера находят полоску моей оголенной кожи между брюками и свитером. Моя перевязанная рука летит на него.

– Люц, – говорит Лилит. – Мне пора начинать переживать за тебя? Одеяло с электроподогревом? Серьезно? Раньше женщины в ноги тебе падали… – Она идет в направлении двери.

Люцифер так быстро вскакивает с кровати и удерживает ее, я не знаю, что делать. Мне сразу же становится ясно, что я по нему скучаю. Ну, вернее, по его теплу. И ни по чему больше.

– Ты никому не скажешь о том, что видела, – просит он Лилит. – Это касается только меня и Мун, и я на самом деле ее согревал. Алессио сказал, что ей нельзя замерзать. Это была рекомендация врача.

Лилит наклоняет голову.

– А ты, конечно, следуешь рекомендациям врача, – она похлопывает его по руке. – Я никому не расскажу вашу тайну. – Мне не нравится ее поддразнивающий тон.

– Нет никаких тайн.

– Конечно, нет. Мне помочь ей переодеться или ты сам справишься? – Лилит наигранно хлопает ресницами, смотря на меня, и я поднимаю свои руки, похожие на огромные белые варежки, вверх.

– Было бы очень мило с твоей стороны.

Люцифер больше не смотрит на меня и в спешке покидает комнату. Не успевает дверь закрыться, как Лилит уже громко смеется.

– Нет ничего смешного, – говорю я, потому что боль возвращается. Она уже не такая сильная, как вчера, но я не знаю, как смогу участвовать в следующем испытании с такими ранами на руках.

Через три дня снова начинаются тренировки. Так как мы с Фели не можем держать скакалки, Гамалиэль заставляет нас бегать. Донна и Майя действительно добрались до двора Михаэля, поэтому Донна постоянно подшучивает надо мной и Фели. Алисия и Изабель сдались незадолго до того, как добраться до него, но их тоже спасли. Я просто игнорирую замечания Донны. Мы все еще живы. Это первое испытание показало мне, как быстро я достигаю своих пределов. Я боюсь, Пьетро разочаруется во мне, но не могу ничего изменить. Может быть, победить способен действительно только настоящий ключ. Как мы могли предположить, что сможем обмануть ангелов? Какая польза от легендарных предков, если в моих жилах не течет ни капли ангельской крови? Они славились не умением сражаться, а своей верой и благочестием. Эти два качества никак не могут мне послужить, они бесполезны.

Гамалиэль заставляет нас бегать вверх и вниз по лестницам Дворца дожей. Нам нужно сделать множество приседаний и выпадов. Иногда мы тренируемся на улице. Я очень рада покинуть Дворец дожей, хотя мы и находимся под строгим наблюдением. Мы бежим вдоль стен, за которыми находится причал, пересекаем площадь Сан-Марко и добегаем до Санта-Кроче. Большинство знакомых, которых мы встречаем на пути, выкрикивают нам вслед пожелания удачи. Лишь некоторые отворачиваются, и я могу это понять. Они, наверное, думают, что я заключила союз с врагом. Я бы с радостью сказала им, что пытаюсь спасти мир, но, конечно же, не могу этого сделать. Поэтому я просто пытаюсь игнорировать их презрительные взгляды. Если план Пьетро удастся, люди сразу же об этом узнают. Когда я увижу Люцифера в следующий раз, я спрошу его, ищут ли они восемнадцатую и девятнадцатую девушек прямо сейчас. Что он имел в виду, когда сказал, что не ожидал найти ключ в Венеции? Я уже почти забыла этот разговор. Он сказал, что ему нужно больше времени. К сожалению, я не видела его с той самой ночи, когда архангел меня грел. Сэм сказал, что у него есть важные дела, но не пояснил, о чем именно идет речь.

Иногда Семьяса или Кассиэль сопровождают нас во время пробежек. С тех пор как я узнала, что Кассиэль не раскрывал никому моего плана побега, мне стало сложнее ненавидеть его так, как раньше. Он часто просит охранников притормозить, когда наши силы на исходе, и всегда покупает что-нибудь попить или поесть по дороге, а затем устраивает нам перерыв. Как я понимаю, сопровождают они с Сэмом нас не для этого. Они должны защищать нас от Братства. Поэтому каждый день мы меняем маршрут.

Сейчас мы пробегаем мимо бара Остерия Аль Скуэро, который находится напротив последней венецианской судоверфи. Кассиэль кричит «стоп!». Это место существует уже целую вечность, бар даже пережил Вторжение. Я, задыхаясь, останавливаюсь, опираясь на низкие стены, окружающие канал. У меня колет в правом боку, и я не могу отдышаться, потому что последние двести метров нам пришлось бежать очень быстро.

– Я принесу что-нибудь попить, – говорит Кассиэль, исчезая за дверями бара.

Наши охранники и по совместительству подгоняющие смотрят ему вслед, качая головой и закрывая нас от прохожих. Фелиция все-таки замечает кого-то из знакомых и машет ему.

– Кто это был? – любопытно спрашиваю я. Мы немного знаем друг о друге, и нам никто не запрещает общаться.

– Марио. Он был в нашей школе. Ты что, не помнишь его? Сейчас он работает на моего отца.

– Это твой отец захотел, чтобы ты вызвалась добровольно?

– Он подал мне эту идею. Я сначала не хотела, а потом встретила Альберту на рынке.

Я понижаю голос.

– Она рассказала тебе о плане Пьетро? – Я аккуратно осматриваюсь, но оба ангела, сопровождающие нас, стоят достаточно далеко и не спускают глаз с прохожих.

– Да, рассказала, и я надеюсь, что это сработает, – говорит подруга, перебирая в руках шнурок своих брюк. – Мы можем выиграть время. Как ты думаешь, нам это удастся?

Видеть Фелицию такой неуверенной – это что-то новенькое.

Я решаю сказать ей правду.

– Не знаю. Мой опыт в битвах не помогает мне во время испытаний.

Фелиция кивает:

– Может быть, нам еще нужен план Б.

– Это уже план Б, – отвечаю я, наблюдая за окружающими нас людьми. Для Братства мы здесь, должно быть, вполне различимая мишень.

– Люцифер сказал мне кое-что странное, – я решаю довериться Фелиции. – Он заявил, что ему нужно больше времени и что он не думал, будто встретит ключ в Венеции.

– Ты предполагаешь, он что-то подозревает? – спрашивает Фелиция. – Они ведь еще не знают, кто из девушек ключ, а кто нет. Пока ты выживаешь на испытаниях, ты можешь быть одной из них.

– А что, если они только устраивают шоу? Что, если это какая-то уловка, чтобы отвлечь нас на какое-то время?

– Ты не знаешь, как можно отличить ключ от обычной девушки? Ты ведь много лет изучала все эти книжки со своим отцом. Там наверняка должна быть какая-то подсказка.

– У моего отца, судя по всему, было много тайн от меня, – отвечаю я с горечью в голосе. – Он либо спрятал от меня самые важные писания, либо у него их просто не было. Но, возможно, мы и не должны были искать то, что писали люди.

– А что тогда? – спрашивает Фели, качая головой, когда она понимает, к чему я веду. – Это сумасшествие. Где ты собираешься найти писания ангелов?

– В кабинете Люцифера.

– Что, прости?

Я пожимаю плечами так, словно врываться в кабинет Люцифера – самая обычная вещь на планете.

– Он сейчас не в городе. Я могу попробовать сегодня ночью. Может быть, там я найду что-нибудь полезное.

Прежде чем Фели успевает мне ответить, Кассиэль с тремя стаканами возвращается из бара. Я быстро выпиваю холодную воду.

– Мне надо с вами поговорить, – голос Кассиэля звучит на удивление серьезно.

Во время пробежек он никогда не обращается ко мне лично, и мне иногда даже кажется, что то, что было между нами, никогда не происходило.

– Архангелы определились со вторым испытанием.

Он что, хочет рассказать нам, что нас ожидает? Разве это не несправедливо по отношению к другим девочкам?

– Вы разбираетесь в гематрии? – быстро спрашивает он.

– Немного, – осторожно отвечаю я. – Мой отец учил меня.

– Я так и думал. В вашей библиотеке я видел книги по гематрии, но был не до конца уверен. Тем не менее тебе стоит освежить знания. Вам они понадобятся, – Кассиэль вытаскивает из-под своей рубашки тоненький томик и передает его мне.

Я перелистываю страницы. На иврите эти буквы имеют особое значение. Это не просто буквы, а магические символы, в которых таятся какие-то творческие силы. В теории, по крайней мере. Чтобы усложнить все еще больше, каждая буква соотносится с определенным числом. Первая буква алеф имеет значение единицы, а двадцать вторая буква тав равна четыремстам. Я знаю все это, но для Фелиции все это должно быть в новинку. Она ведь никогда не занималась подобными вещами. Я передаю ей эту книгу.

– Она нуждается в ней больше, чем я. Самые важные вещи я и так помню.

– Ты должна знать все, – настойчиво говорит Кассиэль. – Испытание будет очень сложным. Оно проверит не только твои знания о мире духов, но и способность заглянуть в этот мир. Раскрыть правду, которая таится в нем.

Наши охранники приближаются к нам, и Кассиэль встает перед Фели так, чтобы она смогла спрятать книгу. Затем мы возвращаемся во Дворец дожей.

– Спасибо, – говорю я позже, прощаясь с ним. – Я не знаю, почему ты нам помогаешь, и не особенно рада быть у тебя в долгу, но спасибо.

Кассиэль улыбается мне:

– Ты спасла мне жизнь, и я просто пытаюсь отблагодарить тебя за это, – серьезно говорит ангел.

Мне сложно в это поверить.

Глава X

В этот раз нас снова ведут к трибуне, расположенной на пиацетте Сан-Марко между двумя колоннами с покровителями Венеции. Архангелы сидят там, окруженные своими друзьями и женщинами. Сегодня Люцифер отказался сопровождать меня лично, и, когда Сэм попрощался со мной, я узнала почему. Он сидит рядом с Сариэль, которая разговаривает с ним, ее рука покоится на бедре архангела. Она тихо смеется и другой рукой поглаживает его по щеке. Уголки губ Люцифера приподнимаются в улыбке. Последние пару дней я дважды встречала его в салоне, но каждый раз, когда я туда заходила, он сразу же покидал комнату. Люцифер просто игнорирует меня, и я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то объяснял мне причины такого поведения. Он держится от меня подальше, и это к лучшему, даже если подобное поведение меня ранит. Наши отношения, если это можно так назвать, стали слишком близкими. Когда они с Сариэль перешептываются друг с другом, мои ладони сжимаются в кулаки так сильно, насколько это вообще возможно. Хоть раны на моих ладонях и затянулись, но кожа все еще очень тонкая. Алессио закрыл мои руки небольшими повязками, и я надеюсь, что сегодня им не придется так страдать.

Он что, даже посмотреть на меня не может? Я отвожу взгляд от Люцифера, и он сразу же падает на Кассиэля, который наблюдает за мной и подбадривающе кивает.

Я попросила Лилит принести мне карандаши и бумагу, чтобы попробовать вспомнить свои познания в гематрии. Надеюсь, сегодня это принесет хоть какую-то пользу и Кассиэль меня не обманул.

Раздается звук фанфар, возвещающий начало испытания, и разговоры ангелов затихают.

– Это испытание не будет таким простым, как предыдущее, – громко объявляет Габриэль. – Мы ужесточили условия, чтобы поскорее получить четкий результат.

Донна рядом со мной ухмыляется так, словно уже победила, а Изабель тихо хнычет. По ней видно, как сильно она боится. Мне так жаль девушку, но я ничего не могу для нее сделать.

– Вы войдете в лабиринт, – объясняет Габриэль, – и сможете покинуть его лишь тогда, когда справитесь с заданиями, которые вас там ожидают. Та, кто не справится с ними в отведенное время, умрет в лабиринте, – архангел смотрит на меня, и от этого ледяного взгляда у меня по спине бегут мурашки.

Плач Изабель становится громче, а вода лагуны тут же начинает пениться. Белые брызги взмывают в небо. Я делаю шаг вперед, чтобы посмотреть, что происходит. Затем вода начинает отступать, словно кто-то вытащил пробку из ванны. Через несколько минут на ее месте оказываются руины. Я вижу разрушенные стены домов, целые улицы, разбитые статуи. Как ангелы это сделали? Это иллюзия, специально созданная для испытания, или же там действительно когда-то жили люди? Вдали я вижу воду, бьющуюся о невидимые стены и желающую вернуться на свое место. Она отошла к самому истоку лагуны и ждет, пока ангелы выпустят ее на волю.

Прежде чем я успеваю подумать о том, что происходит, ангел хватает меня за бедра. Изабель кричит, и я судорожно пытаюсь отыскать Фелицию. Ее тоже подняли на руки. Ангелы несут нас в разных направлениях. Наверное, таким образом они хотят воспрепятствовать тому, чтобы мы друг другу помогали. Я пытаюсь запомнить, куда несут Фели, и ангел сразу же бросает меня на землю. Посадка совсем не мягкая. Я приземляюсь на живот в липкую грязь. Тонкие повязки, которыми Алессио перевязал мои руки, сразу же промокают и пропитываются грязью. Острые камни режут ткань моей блузы и брюк. Я быстро встаю, прижимаясь спиной к тому, что осталось от стены, и оглядываюсь. Что, кроме разбитых камней, ожидает меня здесь? Монстры? Чудовища? Знали ли наши предки об этом подводном городе? Ангелы убрали воду из лагуны, и мы должны найти способ выбраться отсюда, пока она не вернулась в свои берега. Моисей должен был провести свой народ через Красное море и успел сделать это до того, как пришли египтяне.

Как я должна с этим справиться? Сколько времени у нас есть? К сожалению, ни в каких писаниях об этом не говорилось. Прежде чем отправиться в путь, я смотрю наверх. Между серыми тучами замечаю стражей Габриэля, взмахивающих своими сильными крыльями. Они помешают Люциферу помочь мне в этот раз. Правда, им и не пришлось бы этого делать, ведь он занят другим. Если я не найду выход в отведенное время, то утону здесь.

Я несусь по улицам древнего города, спотыкаюсь и падаю. Я знаю о том, что ангелы следят за нашей борьбой за выживание, даже если не вижу их. Мне нельзя отвлекаться. Вода бурлит все сильнее. Неужели она подбирается ближе? Где все остальные девушки? Почему я не встречаю никого из них?

Какие задания спрятаны в лабиринте? Здесь должно быть что-то страшное. Я оказываюсь в тупике и слышу крик. Он исходит откуда-то справа, поэтому я возвращаюсь к прежнему маршруту. Возможно, где-то в центре всех этих стен и проходов я найду ответ. Время истекает, и это самое коварное и нервирующее в этом задании: если я хотя бы знала, что должна сделать, я бы могла пройти испытание. Я останавливаюсь и делаю вдох. Мне нужно подумать. Эти перебежки туда-сюда только тратят время. Мне нужен новый взгляд на ситуацию. Следующие несколько минут я оглядываюсь в поисках стены, на которую смогу залезть. Хотя везде и лежат руины, это не так просто.

Из-за водорослей камни скользкие и все в ракушках. Мои плохо зажившие руки все еще болят, потому что я опираюсь на них каждый раз, когда падаю. Повязки уже все пропитались кровью. Когда я слышу очередной крик, то отбрасываю все мысли прочь. Я стискиваю зубы, потому что из-за боли на мои глаза наворачиваются слезы, и лезу вверх на одну из стен. Я ищу опору ногами, поднимаюсь и стараюсь удержать равновесие. Лабиринт утонувшего города простирается до самого горизонта, и я в ужасе замечаю, что вода возвращается на его улицы. Она двигается взад-вперед, и мне кажется это странным. Думаю, это дело рук Габриэля. Если одна из девушек была брошена где-то сзади, у нее не было шансов выжить. Я поворачиваюсь влево и замечаю Фелицию, которая тоже стоит на стене и что-то кричит. Я складываю руки в форме воронки и выкрикиваю ее имя. Подруга поворачивается, машет обеими руками и указывает куда-то влево. Там, между руинами, оставшимися от стен, что-то светится. Я спрыгиваю на землю, и мои ноги погружаются в грязь. И тогда начинаю бежать. С каждой секундой рев возвращающейся воды становится все громче. Я снова и снова проверяю, в правильном ли направлении я бегу. На одном из перекрестков Алисия бежит мне навстречу, и мы сталкиваемся друг с другом. Ее глаза широко раскрыты от страха.

– Я не умею плавать, – выдавливает она.

Я хватаю ее за руку.

– Пойдем, – командую я, хотя и сама не знаю, значит ли что-то это странное свечение. Без сопротивления она следует за мной, и мы бежим дальше. Через два поворота мы добираемся до небольшой площади, в центре которой горит терновый куст. Я поворачиваюсь вокруг своей оси. Стена, окружившая эту площадь, полукруглая, и в ней расположилось шесть дверей. По двери для каждой из нас. Интересно, есть ли между ними какая-то разница? Я замедляю шаг и подхожу ближе. Алисия не отстает от меня ни на секунду. Одна из дверей открыта, и когда я к ней приближаюсь, то ударяюсь о невидимую стену. Очевидно, одна из нас уже справилась со своим заданием. Перед другой дверью стоит Фелиция. Она побледнела, и у нее, как и у нас с Алисией, на руках порезы, а брюки порваны в нескольких местах. Когда она поворачивается к нам, на ее лице ненадолго отражается облегчение. Затем девушка поднимает руку и указывает на последнюю дверь.

– Майя умерла.

Сначала я вижу только ноги, лежащие на пороге шестой двери. Когда я подхожу поближе, я узнаю Майю или, скорее, то, что от нее осталось. Ей удалось открыть дверь, но за ней ее ожидало что-то, что оторвало ей руку

и порезало тело. Алисию, стоящую позади меня, тошнит. Я отворачиваюсь и пытаюсь проглотить кислую слюну, скопившуюся у меня во рту.

Четыре двери еще закрыты, и только сейчас я вижу нарисованные на дереве буквы алфавита иврита.

– Что это значит? – спрашивает Алисия паникующим голосом. – Мы можем просто зайти туда?

– Не думаю. – Я дергаю ручку одной из дверей.

– На том столе лежат ключи, – сообщает Фелиция. – Вот почему Кассиэль дал нам ту книгу. Это должны быть имена гениев, священные имена. Но какие именно? Я запомнила значения букв, но так быстро выучить иврит не смогла, поэтому сейчас твой выход.

Я иду от одной двери к другой.

– Пахалия, – читаю я громко. – Бог искупления. Мелахель – Бог, отводящий от нас зло. Кавекия – Бог радости. Хариэль – Бог всех добродетелей. – Я повторяю эти имена вслух еще раз, но ничего не происходит.

– Вода, – вдруг кричит Алисия, уставившись себе под ноги. – Она возвращается.

Я и в самом деле уже по лодыжки увязла в грязи. Охваченная паникой, я смотрю на Фелицию.

– Где ключи?

– Там. – Мы одновременно бежим к каменному столу, похожему на алтарь. Я хватаю ключ бронзового цвета и рассматриваю его. Его контуры в моей ладони растворяются, и он превращается в число. Это жутко и длится всего мгновение, но я узнаю пятерку на конце числа, прежде чем оно снова становится ключом.

– Вы видели это?

Фелиция кивает.

– С моим ничего не произошло. – Она хватает другой ключ. Только когда она берет в руки третий, она вскрикивает: – Двести пятнадцать!

– Попробуй ты, – командую я Алисии, которая трясется в панике.

– И что теперь? – спрашивает Фелиция.

– Каждому из гениев предназначено определенное гематрическое число, – резко объясняю я. – Мы должны выяснить, какое число кому соответствует.

Глаза Фелиции сияют.

– Я могу это сосчитать. – Она бежит обратно к дверям. Математика всегда была ее страстью, да и это задание на самом деле по-детски легкое, если знаешь, как это делать и какие числа каким буквам соответствуют.

– Ты знаешь, что такое гематрия? – обращаюсь я к Алисии, и та качает головой.

– Я тебе помогу. Какое число показал тебе ключ?

– Семьдесят пять.

– Хорошо, пойдем. Возьми его с собой, – командую я. – Мы со всем справимся. У нас четыре двери и три ключа. Я отмахиваю прочь мысли об Изабель. Если она не добралась сюда, ей уже никто не поможет. Я поворачиваюсь и вижу, как вода застыла в воздухе около площади. Волны поднимаются, все еще подконтрольные ангелам, но уже достаточно злые, чтобы поглотить нас. Белые брызги летят мне в лицо, и я чувствую соль на своих губах. У нас всего несколько минут.

– Мем, Ламед, Хе, Алеф, Ламед, – произношу я имена на иврите по буквам. Это имя написано на первой двери, к которой мы подбираемся.

– Сорок, тридцать, пять, один, тридцать – вместе будет сто шесть, – моментально все подсчитав, говорит Фелиция.

– Сто шесть ни у кого из нас не было, – хнычет Алисия. – Что нам теперь делать?

– Следующая дверь, – прерывает ее Фелиция. – Это может быть число четвертого гения.

– Пе, Хе, Ламед, Йод, Хе, – говорю я по буквам.

– Восемьдесят, пять, тридцать, десять, пять, – вместе будет сто тридцать, – быстро говорит Фелиция. – Это снова не наши числа.

Теперь ее голос звучит так же нервно, как я чувствую себя. То, что она умеет считать так быстро, – это просто чудо. Вода тем временем уже по колено. Она ледяная. Что-то касается моей обнаженной кожи, и я задыхаюсь от страха.

Думай, думай, думай, говорю я себе. Отец учил меня ивриту. Мы где-то делаем ошибку. Иврит читается справа налево, об этом я думала. Семьдесят два гения названы святыми именами, и у каждого из этих имен есть специальная божественная приставка, слышу я объяснения отца в своей голове. Эта приставка – либо Эл, либо Джа. Обе состоят из одного слога. Я возвращаюсь к первой двери.

– Попытайся еще раз, но без букв Алеф и Ламед.

Фелиции понадобилась лишь секунда.

– Семьдесят пять.

Алисия радуется, и надпись на двери загорается. Она вставляет ключ в замок и проворачивает его.

Я поворачиваюсь к следующей двери.

– Пахалия, – читаю я. – Пе, Хе, Ламед.

– Сто пятнадцать, – Фелиция ухмыляется, когда и эти буквы загораются. Это моя дверь.

– Хариэль, – читаю я следующее имя, читая буквы в обратном порядке. Хе, Реш, Йод.

– Пять, двести и десять, – считает Фелиция, не успела я и произнести это вслух. Ее буквы тоже загораются, и мы одновременно вставляем ключи в замки.

В момент, когда я поворачиваю его, я понимаю, что это еще не конец. Кассиэль сказал, что мы должны видеть правду за этими штуками. Возможно, этот совет был важнее, чем книга. За дверями нас ожидает что-то ужасное. Нечто, что убило бедную Майю. Я пытаюсь вытащить ключ, но мне это не удается. Дверь Алисии уже открыта, но она не двигается с места. Я делаю шаг назад, чтобы понять, почему она не заходит, ведь вода доходит уже до бедер. И вдруг я вижу, как рука, похожая на кости скелета, высовывается из-за двери и направляет на щеку Алисии свой костлявый палец. Я в ужасе смотрю, как ее лицо начинает покрываться волдырями и сыпью. У каждого гения есть своя темная сторона. Демон. Обратная сторона Мелахеля, Бога, отводящего от нас зло, это Аини. Этот демон виновен в болезнях и эпидемиях, и именно он притаился за дверью Алисии. Прежде чем подумать о том, насколько это разумно, я вытаскиваю кинжал, который мне дала Наама, из-за пояса и набрасываюсь на костлявую руку. Лезвие врезается в нее глубже, я ожидала всего лишь стука о скелет, который должен состоять лишь из костей и кожи. Раздается визг, и зеленая кровь вытекает из руки, прилипая к моей коже. Она горит словно огнем. Нож падает у меня из рук и исчезает в воде. От злости я хочу кричать, но зловонный запах сковывает горло. Зато рука исчезает, и за дверью сияет свет. Алисия плачет, прижав руки к лицу. Сыпь распространилась по ее рукам и шее. Я сглатываю и подталкиваю ее вперед.

– Беги, – командую я ей, и девушка врывается в дверь. Надеюсь, я не ошиблась. Вода отстраняется от моего тела, словно пытаясь разогнаться. Но мне понятно, что это только короткая передышка.

Фелиция еще не открыла свою дверь.

– Я боюсь, – говорит она с расширившимися от страха глазами.

Я тоже.

– Но у нас нет выбора. Вода набирает силу.

Мои руки скользкие от крови демона. Я подхожу к своей двери, открываю ее и делаю шаг назад. В коридоре я вижу молодого мужчину. Он очень красив со своими светлыми локонами, сияющими голубыми глазами и улыбкой, перед

которой невозможно устоять. Но я узнаю его. Это Пурсон, фанатичный соблазнитель. Темная сторона Пахалии. Он подходит ко мне и протягивает свою руку так, словно хочет коснуться моей щеки. Я отхожу назад, потому что знаю, что он затеял. Он хочет поцеловать меня, и я не должна этого допустить.

– Мун, – говорит он самым нежным голосом, который я когда-либо слышала, и, когда юноша направляет взгляд на мои губы, по моей спине пробегают мурашки. Он подходит все ближе. У меня нет ничего, чтобы отпугнуть его, ничего, чтобы защититься. Мой нож лежит в грязи перед дверью Алисии, и я проклинаю себя за то, что была такой глупой. Когда Пурсон оказывается прямо передо мной и опускает голову, я на мгновение замираю как парализованная. Я хочу, чтобы он поцеловал меня. Хочу, чтобы он помог мне забыть обо всем, что меня окружает. Его губы находятся в миллиметре от моих, когда радостный крик Фелиции заставляет меня вернуться в реальность. Я поворачиваю голову в ее сторону и смотрю на ее дверь. Там, в проходе, стоит маленькая девочка, тянущая к ней руки. Они с Фелицией очень похожи. Словно маленькая версия моей подруги. Это Лия, младшая сестра Фелиции. Но это не может быть Лия, потому что она умерла от инфекции в тот самый год, когда ангелы вернулись. Это ловушка, но Фелиция падает на колени, чтобы позволить сестре обнять себя.

Я поднимаю ногу и ударяю Пурсона между ног. Он стонет, и его красивое лицо превращается в гримасу. Я ударяю его кулаком в шею, и он с хрипом падает на землю. Я наклоняюсь к своему ножу, скользя по грязи, остаткам ракушек и камням, которые врезаются в мою кожу. Двести пятнадцать. Мне нужно подумать, но мой мозг словно отключился. Кто темная сторона Хариэля? Секундой позже я все-таки вспоминаю. Это Элигор. Этот демон вводит людей в заблуждение и ослепляет их. Я встаю на ноги, хватаю нож и иду, спотыкаясь, в сторону Фели. Она улыбается и протягивает руки к своей сестре. В моих ушах все гудит. Я оборачиваюсь и замечаю воду, несущуюся в нашу сторону. Время вышло.

Я подхожу к Фели и ее сестре. Элигор стоит прямо перед моей подругой, обвив руки вокруг ее шеи и обнажив зубы. Она что, не видит, кто это в действительности? Я собираюсь с последними силами и отталкиваю Фели в сторону, вонзая нож в сердце ее младшей сестры. Фелиция вскрикивает. Я еще никогда не слышала такого наполненного болью крика. Она хватает меня сзади, кладет руки мне на шею и начинает душить. У меня в глазах темнеет, воздух вокруг мерцает, а затем демон возвращается в свою истинную ипостась. Маленький монстр с острыми зубами лежит передо мной. Фели задыхается от страха, убирает руки с моей шеи, отталкивает меня от демона, плачет и трясет меня. Я глотаю воздух, пытаясь вернуть кислород в свои легкие. И тут вода накрывает нас с головой.

Мы утонем. Мы не успели вовремя добраться до дверей. Вода кружит меня, словно я какая-то кукла. Ударяюсь головой о стену, и голову пронзает острая боль. Фели обнимает мою талию рукой и притягивает к себе. Я ошеломлена, а моя подруга начинает барахтаться в воде. Я пытаюсь сориентироваться, что-то увидеть через пену и смотрю наверх. Она тянет меня наверх, к свету, но мне кажется, что до него еще много километров. Я не смогу больше задерживать дыхание, ведь после нападения Фели воздуха в моих легких почти не осталось. Если бы она была умнее, то спаслась бы сама, а меня оставила. Фелиция не справится, если будет держать меня. Я

пытаюсь высвободиться из ее объятий, но руки подруги крепко вцепились в ткань моей блузы.

Воздух в моих легких заканчивается в тот момент, когда мы выплываем на поверхность. Кислород и соленая вода попадают в легкие. Фелиция подталкивает меня к стене пирса и скользким камням. Я задыхаюсь, глотаю воздух и плююсь, но не могу избавиться от вкуса соли у себя во рту. Повязки слетели с моих рук, и я, кашляя, опираюсь на предплечья. Ангелы покинули трибуны и окружили нас. Алисия дрожит, сидя на краю камня, а Донна стоит рядом с ней с каменным лицом. Когда мой рвотный рефлекс проходит, я убираю волосы с лица и смотрю на ангелов. На их лицах написано отвращение. Наверняка мы выглядим жутко: в крови, слизи, грязи и воняем гнилью. Рафаэль и Михаэль смотрят на нас с усмешкой. Кошелек переходит из одних рук в другие, потому что эти мерзавцы на нас спорили. Лилит прикрывает рот рукой, у нее на глазах блестят слезы. Кассиэль побледнел. Сариэль прижимается к Люциферу и с отвращением смотрит на меня. Архангел не обращает на меня внимания, а общается с Фануэлем, стоящим позади него. Мои нервы настолько напряжены, что отсутствие его интереса ранит меня больше всего. Почему Люцифер не унесет меня прочь отсюда? Хотя я с радостью осталась бы здесь лежать, я карабкаюсь наверх и встаю на колени. В этот раз мне все равно, что плитка раздирает кожу на моих ладонях. Эта боль не такая серьезная, как та, что затаилась у меня внутри. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы встать на ноги хоть с каким-то достоинством, и даже не замечаю, что разговоры ангелов затихли. Только когда я делаю два шага в сторону Фели на своих дрожащих ногах, я обращаю внимание на то, что стало тихо.

Мы обнимаемся и поворачиваемся к Габриэлю, который сделал шаг вперед и прочищает горло. Я уставилась в точку над плечом Габриэля и запрещаю себе смотреть на Люцифера. Неужели так сложно посмотреть на меня приободряющим взглядом? Подать хоть какой-то жест, дающий мне понять, что он рад, что я выжила? Я шатаюсь. Я не смогу долго стоять на ногах. Фели обнимает меня.

– Спасибо, – шепчет она. – Спасибо, что ты спасла меня.

– Это ты меня спасла, – поправляю я ее.

– Я тебя чуть не задушила. – Она еще сильнее обнимает меня, и я опускаю голову на ее плечо.

– Вы четверо справились с заданием, – громко объявляет Габриэль. – А теперь уберите их с моих глаз. Этот запах просто отвратителен.

Его последнее замечание заставляет меня покраснеть. Я отпускаю Фелицию из объятий и делаю шаг в его сторону. Если бы я не потеряла нож, то бы сейчас вонзила его в него.

Через пару секунд Кассиэль оказывается рядом, хватает меня за руку и поворачивает к себе.

– Не надо этого делать, – требует он, приводя меня в чувство. Что вообще на меня нашло? Я что, хотела наброситься на повелителя первого небесного двора?

Наама, Лилит и Балам окружают нас и враждебно смотрят на Кассиэля.

– Все в порядке? – спрашивает Лилит у Фелиции.

– Все нормально. Спасибо, – ни один ангел со двора Михаэля не интересуется ее состоянием. Наверное, она шокирована.

Я обнимаю себя руками.

– Вы отлично справились, – тихо говорит Кассиэль, и в его глазах я вижу беспокойство и в то же время облегчение. Мы стоим так близко друг с другом, что его знакомый запах щекочет мне нос. Ангел ненадолго поднимает свою руку так, словно хочет коснуться меня, но сжимает кулак, когда я вздрагиваю.

Люцифер отталкивает Лилит и Балама в сторону. Его холодный взгляд устремляется на Кассиэля, останавливается на мне всего на миллисекунду и наконец переходит на Нааму.

– Что здесь происходит? – спрашивает он. – Габриэль приказал увести испытуемых отсюда.

Испытуемых? Он что, забыл мое имя?

Сариэль, висящая у него на руке, морщит нос.

– Забери меня на небеса, – нетерпеливо требует она. – Давай примем ванну. Это зловоние просто невыносимо. Я не понимаю, как ты только терпишь этот мусор в своих покоях?

Лилит и Наама резко втягивают воздух носом, услышав это замечание. Кассиэль опускает руку мне на предплечье, а Сэм подходит так близко ко мне, что его грудь касается моей спины. Хотя я промокла насквозь, а холодный осенний воздух пробирает до костей, в этот раз я дрожу не от холода, а от злости. Люцифер все еще не обращает на меня внимания, а вместо этого смотрит на руку Кассиэля на моем предплечье.

– Некоторые вещи просто приходится терпеть, – говорит он, переплетая пальцы с Сариэль так же, как перед первым испытанием делал со мной. Ее худые светлые и его длинные и более темные пальцы идеально подходят друг другу, словно части одного пазла. Я не могу отвести от них взгляда. В течение пары последних дней я совсем забыла о том, насколько мы разные. Сколько всего нас разделяет. Теперь мне все стало очевидно. Не говоря ни слова, Люцифер отталкивается ногами от земли, и Сариэль смеется. Когда и другие ангелы поднимаются в небо, отовсюду доносятся звуки хлопающих крыльев. Я опускаю взгляд.

– Я отведу тебя домой, – говорит Сэм, и, не услышав никаких возражений, он аккуратно поднимает меня в небо. Я избегаю любого зрительного контакта, но, когда мы уже летим, я обнимаю его за шею и начинаю плакать. При этом я даже не знаю, почему я это делаю.

– Скоро мы будем дома, малышка, – успокаивающе бормочет Сэм. – Я так тобой горжусь. Мы все тобой гордимся. Тебе нужно принять ванну и съесть

что-нибудь, а затем ты можешь лечь спать. Завтра мир покажется тебе более хорошим местом. Осталось пройти только одно испытание. И тогда ты им всем покажешь.

Я одновременно хныкаю и всхлипываю, но, кажется, Сэм этого не замечает. Возможно, я такая мокрая, что уже не важно, что его испачкает: слезы, грязь или соленая вода. Тем не менее мне перед ним стыдно. Нельзя показывать ангелам свои слабости и нельзя позволять им ослепить меня своей учтивостью. Они мои враги. Но считать Сэма своим врагом кажется мне почти невозможным.

Глава XI

Я отказываюсь от помощи Лилит и Наамы и одна ухожу в ванную комнату. Мне не так плохо, чтобы я не могла о себе позаботиться. В этот раз травм меньше. Хотя мои руки горят огнем, я беру в руки щетку и натираю свою кожу, пока она не становится красной, как у рака. Я должна быть уверена в том, что я смыла с себя всю слизь демона, песок и водоросли. Раз пять я мою свои волосы, которые с радостью остригла бы. Я так зла и в то же время несчастна, что хочу что-нибудь разбить. Лилит и Наама несколько раз стучат в дверь. С каждым разом их голоса кажутся все более обеспокоенными. Я игнорирую их и открываю кран, чтобы их не слышать. Только когда Балам вмешивается и своим низким голосом приказывает мне уже наконец выходить, я вылезаю из ванны и вытираюсь. С ним шутки плохи, и он вполне может выбить дверь. Я забыла приготовить для себя новые вещи, поэтому я заворачиваюсь в полотенце и направлюсь к двери. Я отпираю замок и открываю ее. В коридоре собралась целая куча ангелов, которые замолкают, когда я выхожу, и беспокойно смотрят на меня. Босая, полуголая, с мокрыми волосами и поднятым подбородком, я прохожу мимо них. Некоторые подбадривающе мне улыбаются. Сэм положил руку на плечо Лилит, которая, очевидно, плакала. Ангел неодобрительно качает головой, когда я вызывающе смотрю на него. Наама следует за мной в комнату и воздерживается от комментариев.

Когда мы туда заходим, Алессио стоит у окна.

– Ты нас всех очень сильно напугала. – Я подхожу к нему, и друг обнимает меня. – Я сказал им, что тебе нужно время, чтобы побыть наедине с собой, но иногда эти ангелы ведут себя хуже, чем рой пчел.

Я смеюсь, услышав это сравнение, и ужасное чувство отчаяния ненадолго покидает меня.

– Мы заботимся о тех, за кого мы несем ответственность, – объясняет Наама. – Со стороны Люца было неправильно так с ней обращаться. Раньше он никогда так не поступал.

– Мун переживала вещи и хуже, чем оскорбления ангела, – отвечает Алессио так, словно я не могу сама себя защитить.

Значит, Наама ему все рассказала. Какой позор.

– Он не должен был позволять Сариэль так говорить, – твердо продолжает Наама. – Мы совсем так не думаем, ты же это знаешь, Мун? – Ее голос звучит необычайно мягко.

– Вот почему я не переживаю на этот счет, – говорю я в грудь Алессио.

Не могу смотреть на Нааму, она сразу поймет, что я вру.

– Мне все равно, что обо мне думают Люцифер или Сариэль. – Я сжимаю пальцы на рубашке Алессио, который крепче обнимает меня.

– Испытание было тяжелым, а потом эта вода… – выдавливаю я. – Я думала, мы не справимся.

– Ты устала, а твои нервы на пределе, – поддерживает меня юноша. – И это понятно. От вас требуют слишком многого.

– Поэтому лучше надень что-нибудь и ложись спать, – Наама подходит к моему шкафу.

– Но сначала я должен осмотреть твои раны, – говорит Алессио.

Мы молчим, пока он обрабатывает мои ссадины на голове и рану на предплечье. Слизь демона немного обожгла кожу, и мои руки снова пострадали. Алессио заново перевязывает мои ладони.

– Я принесу тебе чай и сразу же вернусь.

Когда он покидает комнату, заходит Лилит. Ее глаза все еще красные. Она сначала молча помогает Нааме одеть меня, а затем расчесывает мои спутанные волосы. Я сопротивляюсь, потому что могу сделать это и сама, но этих двоих просто так не прогнать.

Затем я забираюсь в свою кровать и, когда я уже засыпаю, я слышу шум за дверью.

– Нет, я тебя к ней не пущу, – раздается голос Сэма. – Ей нужно отдохнуть.

– Ты не смеешь запрещать мне навещать ее, – кажется, это Люцифер, но этого не может быть, потому что сейчас он должен плескаться в ароматной ванне с Сариэль.

– Еще как смею, – говорит Сэм. – Мы с тобой можем даже подраться, я как раз не против, потому что очень зол на тебя.

Что-то стукает по двери.

– Дай Мун отдохнуть, – слышу я голос Алессио. – После этого ты можешь с ней поговорить. Она все равно не сможет от тебя убежать.

За этой фразой следует опасное рычание.

– Вы кто вообще такие? Ее личные охранники?

– Я ее врач, – говорит не особенно впечатленный таким выпадом Алессио, – и я запрещаю тебе ее беспокоить.

Наама, сидящая на краю кровать, вскакивает на ноги и подходит к двери.

– Только посмей хотя бы пальцем его тронуть! – слышу я ее шипение.

– Вы что, все с ума сошли? – рычит злой близнец Люцифера.

– Тихо, – одновременно шипят Алессио и Наама.

– Она устала, и, если ты хочешь, чтобы она справилась с последним испытанием, лучше оставь ее в покое, – требует Алессио.

– Что ты тут вообще делаешь? – вызывающе спрашивает Наама. – Ванна с Сариэль оказалась недостаточно теплой?

– Идите вы в пекло! – кричит Люцифер. – Почему я вообще всем этим занимаюсь?

– Вот и я задаюсь этим вопросом, – отвечает Сэм, и тогда дверь в комнату закрывается, а голоса отдаляются.

– Вот твой чай, – говорит Алессио, ставя чашку рядом с моей кроватью. После того, как выпьешь его, засыпай.

– Он рассказал мне обо всем, – шепчет Сариэль. – Он сказал мне, что сделает меня своей королевой, когда сядет на трон отца.

– Он не посмеет. – Рафаэль опускается на колени перед ее креслом. Ее ступня лежит на его коленях, и он гладит ее по ноге.

– Ты думаешь, я бы стала тебе лгать, Раф? – Она взъерошивает его волосы. – Я подумала, что ты хотел бы об этом знать. Как ты думаешь, что Люцифер сделает со своими братьями, если его план сработает? Ты думаешь, он оставит вам ваши небесные дворы? Он вас уничтожит, – ее лицо кривится от ненависти. – Ты говорил, что любишь меня, а теперь обвиняешь во лжи?

Рафаэль кивает. Взгляд, которым он смотрит на Сариэль, полон желания.

– Я сделаю для тебя все, что угодно.

– Значит, ты должен наказать его за то, что он со мной сделал! – По ее щеке стекает слеза. – Ты должен защитить меня от него. Он плохой.

Рафаэль кивает.

– Я сделаю все, что необходимо. Люцифер больше никогда с тобой так не поступит.

Сариэль улыбается. Она целует Рафаэля в губы, но когда он хочет притянуть ее к себе, Сариэль отстраняется.

– Иди к своим братьям и расскажи, что он задумал. Люцифер должен быть наказан за свое высокомерие.

Рафаэль поднимается.

– Он больше и близко к тебе не подойдет.

Когда он уходит, губы Сариэль растягиваются в злой улыбке.

– А если и подойдет, ему придется стоять передо мной на коленях в песке.

Должно быть, в чае было снотворное. Иначе не знаю, как объяснить то, что я проспала целую ночь и почти весь следующий день. Когда я просыпаюсь, то чувствую себя хорошо. Боль исчезла, хотя мои руки неприятно покалывает под бинтами. Воспоминания снова и снова возвращаются ко мне. Я не понимаю, почему поведение Люцифера так сбило меня с толку. Возможно из-за того, что мои нервы были на пределе, а сам он иногда давал мне понять, что я для него не просто средство достижения цели. Но я именно им и являюсь. Я вспоминаю видение, которое приснилось мне прошлой ночью. Сариэль натравила Рафаэля на него. Эта змеюка рассказывала о Люцифере лживые истории. Интересно, он знает об этом? Возможно, нет, иначе бы он не держался за ее юбку. Меня шокирует то, какими методами ангелы борются за свою власть и влияние. Правда, меня это не касается. Я участвую в испытаниях, чтобы спасти людей, все остальное мне нужно попытаться игнорировать в будущем.

Я решительно отбрасываю одеяло в сторону и встаю с кровати. Люцифер не должен заметить, как сильно он меня ранил. А ведь он действительно это сделал. Я еще недостаточно черствая, чтобы его слова оставляли меня равнодушной.

Я бы так хотела спросить у Сэма разрешения посетить своего брата, потому что мне срочно нужен кто-то родной, кто-то, кто меня любит. Мне нужно, чтобы вокруг меня были люди. У меня впереди еще одно испытание, и после этих двух мои шансы остаться в живых ничтожно малы. Прежде чем я умру, я хочу в последний раз обнять Стар и Тициана. Но пока я думаю об этом, я знаю, что не буду этого делать, ведь так я подвергну свою сестру опасности.

Я снимаю повязки с рук и ополаскиваюсь холодной водой. После надеваю свежие вещи и заплетаю волосы в косу. Мой живот урчит, но кроме оставшегося чая в моей комнате нет ничего, что я могла бы ему предложить. Поэтому я отправляюсь в салон. Разговоры умолкают. Я киваю Сэму и Баламу.

Сэм улыбается мне, а Балам серьезно кивает. Эти двое снова увлечены планами строительства.

Я направляюсь прямо к большому столу, на котором стоят разные блюда. Я слишком поздно замечаю Люцифера, который тоже находится там и наливает себе кофе. Я на миллисекунду останавливаюсь, но потом продолжаю свой путь. Он что, не может пить свой кофе на небесах? Или там его просто нет?

– Хочешь чашечку кофе? – спрашивает он таким мягким голосом, словно собирается меня соблазнить. – Или что-то другое? Может быть, чай?

Я не смотрю на него, а только качаю головой и кладу еду на свою тарелку.

– Тебе стало лучше? Ты хорошо спала? Мун, мне…

Мои руки дрожат, когда я тянусь за яблоком и хлебом. На моей груди лежит невидимый груз. Как бы я хотела быть более жесткой и посмотреть ему в лицо, но я не могу этого сделать. Может быть, завтра. Сыр лежит на другой стороне стола, и мне нужно либо сдвинуть его с места, либо попросить его пропустить меня. Это так по-детски с моей стороны, но я не хочу ни говорить с ним, ни касаться его. Поэтому я просто разворачиваюсь и ухожу в комнату со своей скромной добычей. Возможно, сейчас это похоже на побег. Мой взгляд устремлен в пол, и я делаю вдох лишь тогда, когда закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней. Я не должна говорить с Люцифером, не должна смотреть на него. Сегодня мне тяжело это далось, но день ото дня будет легче. Я же знала, что нет причин доверять ангелам, и тем не менее я дважды попала в эту ловушку.

Я ем, читаю книгу Разиэля, размышляю над тем, что Стар хотела мне этим сказать, брожу по комнате, жутко скучаю, но все же запрещаю себе покидать помещение. Другие девушки тоже заперты в своих комнатах. Архангелы выпускают их на волю только во время тренировок. Почему Люцифер оставляет мне больше свободы? Это натолкивает меня на глупые мысли. Начинаю думать, будто я для него не просто средство на пути достижения его цели. Но я только инструмент. Мое сердце сжимается.

Я ложусь в кровать и спустя какое-то время засыпаю. Единственный, кого я впускаю в свою комнату следующие несколько дней, это Алессио. А так я выхожу из комнаты лишь в крайнем случае и на тренировки. Алессио принес мне пирог, который Феникс испек вместе со Стар и Тицианом, а также мазь от моей сестры для моих ран. Подарки заставляют меня тосковать по ним еще больше. Лилит стучится в мою дверь и пытается уговорить меня немного прогуляться с ней по Дворцу дожей, но я всегда отказываюсь. Я должна держать ангелов на дистанции и вспомнить о том, что они мои враги. Какая польза от того, что она мне нравится? Три дня я держусь, но потом чувствую, что вот-вот сойду с ума от одиночества. Я решаю позавтракать в салоне. В конце концов, никто не может заставить меня с ними разговаривать.

Когда я захожу в комнату, Лилит с облегчением улыбается. Наама скрещивает руки на груди, а Сэм подходит ко мне, чтобы обняться. Он поднимает меня в воздух и кружит.

– Опусти меня, – требую я, с трудом сдерживая смех. Ангелы очень мешают мне в моем решении их не любить.

– Уже известна дата третьего испытания? – спрашиваю я, когда мы садимся за стол.

– Люц потребовал, чтобы оно состоялось лишь тогда, когда все четверо испытуемых будут в состоянии участвовать. Он имеет в виду тогда, когда все ваши раны заживут, – объясняет Сэм.

– Я бы хотела поскорее с ними закончить, – говорю я, хотя с моими руками все еще нужно обращаться осторожно.

– Ты можешь сказать ему об этом сама, – резко говорит Наама. – Он из-за этого всего поругался со своими братьями.

Ну и что? Как будто меня это интересует.

– А можно мне сходить домой, если у меня теперь есть время? – взрываюсь я. Я больше этого не выдержу. Мне нужно вырваться из этого проклятого Дворца дожей.

Сэм колеблется с ответом.

– Библиотека находится на другом конце площади, и ты мог бы меня сопроводить. Я скучаю по своему брату, – умоляю я Семьясу.

– Ты должна спросить об этом у Люца. Он не откажет тебе в этом.

Скорее ад замерзнет, чем я пойду просить дьявола о чем-то. Судя по всему, эта мысль отражается на моем лице, ведь Сэм сразу же начинает защищать своего господина.

– Не стоит принимать каждое слово, сказанное им, близко к сердцу. Он имел в виду не то, что сказал, и сожалеет об этом.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – холодно отвечаю я. – Пусть делает со мной все, что хочет, и называет меня так, как хочет, – было неразумно с моей стороны хотя бы на мгновение поверить в то, что между нами есть какая-то особенная связь. Потому что ее не существует, и, возможно, именно поэтому его поведение так сильно меня беспокоит.

– Я лучше пойду обратно в свою комнату. Было глупой идеей прийти сюда, да и вообще это не важно.

– Мун, – говорит Лилит, когда я встаю из-за стола. – Останься. Давай поговорим об этом.

– Здесь не о чем говорить. – Я слишком резко оборачиваюсь и спотыкаюсь.

Люцифер, который, судя по всему, появился в комнате мгновением назад, ловит меня и крепко держит.

Я делаю вдох, и его аромат охватывает меня, пока тепло его пальцев прорывается к моему телу через ткань тонкой блузы.

– Отпусти меня, – требую я, и архангел тут же отходит в сторону.

Вечером кто-то стучит в дверь, и, хотя я никого не хочу видеть, Сэм заходит без спроса.

– Люц разрешил тебе сходить к брату.

– Как щедро с его стороны! – ядовито отвечаю я. – И что тебе пришлось для этого делать? Снова бросить его в пустыне Дудаэль?

Сэм ухмыляется:

– Все не так плохо. Я просто заставил его почувствовать себя виноватым из-за того, что он сам до этого не додумался. Когда Алессио придет сюда, ты сможешь пойти с ним домой. Правда, есть одно условие.

– И какое же? – недоверчиво спрашиваю я.

– Кто-то из нас всегда должен сопровождать тебя и за тобой присматривать. Официальная версия – это для того, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Неофициальная – чтобы я не сбежала, – отвечаю я. – Он что, думает, что мусор испаряется сам по себе? У нас нет магических способностей, если он этого не заметил.

Сэм не обращает внимания на мою провокацию, а только пожимает плечами и не возмущается тем, что я сказала. Мне, в общем-то, все равно. Пусть Люцифер думает что хочет. У меня есть другие заботы. Как мне сделать так, чтобы ангел, сопровождающий меня, не увидел Стар?

– Сегодня я все еще чувствую себя слишком слабой, – с тяжелым сердцем говорю я. – Но завтра я с радостью приму это предложение.

Тогда я смогу сказать Алессио, что Стар должна остаться в своей комнате при любых обстоятельствах.

Если Сэм и удивлен, по нему не скажешь.

– Как хочешь, – говорит он. – Это твое решение. Может, даже лучше, если твой брат будет заранее знать, что ты придешь. Он уже не видел тебя много недель. Сколько ему лет?

– Двенадцать, – тихо отвечаю я.

– А что с твоими родителями?

– У меня больше нет родителей. Габриэль убил нашего отца, а мать несколько лет назад… она тоже умерла.

– Значит, он там совсем один? – Голос Сэма кажется действительно шокированным. А он что думал?

– С ним Алессио и еще один его друг, Феникс. – О нем они вполне могут узнать, ведь он явно не будет прятаться, если я появлюсь на пороге квартиры с ангелом.

– Почему ты раньше об этом не говорила? Я бы что-нибудь придумал.

– Люцифер знает, что у меня есть брат.

Сэм изучает мое лицо, но я не показываю ему своих чувств.

– Моя жена Леа и я… У нас был сын, – тихо говорит он. – И хотя он умер много веков назад, я все еще скучаю по нему и жалею о каждом дне и каждом часе, которые я не смог с ним провести.

– Что произошло? – тихо спрашиваю я. Хотя я и так давно это знаю.

– Михаэль выстрелил в него. Ему тогда еще даже восьми не исполнилось. Он приказал ангелам убить всех наших детей, а моего сына убил сам.

– Это просто ужасно. Мне очень жаль. – Этих слов мало, потому что боль очень явно вырисовывается на его лице. Сэм делает глубокий вдох, а затем кивает.

– Все-таки иди сегодня, – говорит он. – Наама проводит вас до библиотеки и оставит там. Если ты хочешь, можешь остаться дома на ночь. Я понимаю, что тебе не хочется, чтобы ангелы были там с вами. Но мы не все такие, как Габриэль и Михаэль. Мне бы хотелось, чтобы Люцифер больше тебе доверял.

Что он хочет сказать этой фразой? Я так растерянна, что и не знаю, что сказать. У меня наверняка будет много неприятностей после этого. Сэм выглядит так мрачно, что я просто бросаюсь ему на шею. Он гладит меня по спине, и, что еще хуже, у меня из глаз текут слезы. Теперь, когда я разрешила ему быть моим другом, у меня появилось еще больше проблем. Как я буду сражаться против него? У нас все еще диаметрально противоположные цели.

Алессио приходит через два часа. Должно быть, его задержали в больнице. Между делом я успела переодеться три раза и позволила Лилит сделать мне прическу. Она радуется как минимум не меньше моего, и я рассказала ей все о Тициане. Теперь я взволнованна и нервничаю, пока Алессио спокойно пьет кофе с Наамой и рассказывает о Фели, ее раны тоже почти зажили. Скоро она сможет снова участвовать в тренировках. Он больше переживает за ранения Алисии.

– Сегодня утром я был у нее. От слизи демона останутся шрамы, – тихо говорит юноша. – Но она спокойно к этому отнеслась.

– А что с Донной? – спрашиваю я.

– Она не захотела показывать мне свои раны.

– Возможно, их просто нет, – говорит Наама. – Она очень быстро прошла это испытание. Это подозрительно.

– Ты думаешь, кто-то помог ей победить? – удивленно спрашиваю я. – Почему вообще ангелы бы стали это делать?

Наама поднимает брови.

– А почему Кассиэль дал вам книгу по гематрии? – отвечает она вопросом на вопрос.

– Ты знала об этом?

Наама закатывает глаза:

– Разумеется. Она из кабинета Люцифера. От меня непросто что-либо скрыть. Потому что знать все – моя работа.

– Но в чем смысл помогать кандидатам? Разве это не мешает получить честный результат?

– У каждого ангела есть своя фаворитка, а Габриэль действительно не умеет проигрывать. Поэтому он, конечно, хочет, чтобы Донна оставалась в игре так долго, как это возможно.

– Правда, в конце решает все равно не поддержка архангела, а наследие крови кандидата, – объясняет Лилит.

Наама тихо шипит на Лилит, и та умолкает. Очевидно, она проболталась о том, чего нельзя говорить вслух, и они не знают, что я давно в курсе всего этого.

– Что такое наследие крови? – спрашиваю я, чтобы себя не выдать.

– Я расскажу тебе об этом в другой раз, – обещает Лилит. – А теперь вам пора идти.

– Могу я взять немного фруктов? – спрашиваю я, размышляя над полученной информацией. Почему они пытаются сделать из этого тайну? Наама берет со стола корзину и укладывает туда нарезанные фрукты. Алессио улыбается ей и подает ангелу руку, когда мы уходим. Она берет юношу под руку и, качая головой, смеется над этим старомодным жестом.

Сэм ожидает нас у двери, чтобы попрощаться.

– Утром к завтраку вы должны быть здесь. – Он обнимает одной рукой Лилит, которая прислонилась к нему.

Я киваю и не знаю, действительно ли Люцифер мне это позволил. Я не удивлюсь, если Сэм просто так это сказал.

Мы покидаем Дворец дожей через главный выход, и никто из стражников Габриэля нас не останавливает. Возможно, мне надо было раньше попросить

ангелов пустить меня к брату. На площади Марка перед ареной и на пиацетте суетятся люди. Мы шагаем мимо них, и то, как обычно они себя ведут, меня удивляет. Последние несколько недель я дважды боролась за свою жизнь, и обе эти битвы были сложнее, чем все мои бои на арене, вместе взятые. Я ускоряю шаг, когда некоторые из них останавливаются и указывают на меня пальцем.

– Хотя людям и запрещено присутствовать на испытаниях, информация о том, что происходило во время них, и о том, кто выиграл, а кто проиграл, распространяется удивительно быстро, – объясняет Алессио. – Люди тобой восхищаются.

– Лучше бы они этого не делали, – выдавливаю я.

Я одна из тех, кто копает им могилу. Сильнее натягиваю капюшон своей тонкой накидки на голову, надеясь, что никто не станет со мной разговаривать. Наама останавливается у одной из лавок, и Алессио покупает ей жареные каштаны. Для осеннего дня на улице еще достаточно тепло, и я поворачиваю лицо к солнцу. Я слышу крики чаек, прерываемые лязгом мечей с арены. Этот звук возвращает меня в жестокую реальность. Каждый день на арене умирают люди.

– Мун!

Я поворачиваюсь, услышав этот голос. Мария стоит на углу у Дворца дожей и машет мне. Мы подходим к ней, и она дает мне и Алессио по куску хлеба с сыром. Нааму она просто игнорирует.

– У тебя новое торговое место, – замечаю я. – Как идут дела?

– Не так хорошо, как у Риальто, но я не жалуюсь. Павел теперь возит людей на гондоле отсюда. Мы со всем справляемся. А у тебя все в порядке?

Я киваю:

– Мы собираемся навестить Тициана.

– Я вижу его по утрам, когда он идет в школу. Он так вырос. Передай ему привет от меня.

– Будет сделано. Спасибо за сыр.

– Да не за что. Удачи.

Разговор заканчивается несколько принудительно, ведь Наама находится рядом. Мария, должно быть, считает ее моей охранницей, и я не знаю, как объяснить то, что Наама уже почти стала мне подругой. Женщина подумает, что я предаю саму себя.

Когда мы подходим к двери библиотеки, я выдыхаю. Алессио открывает двери, и я врываюсь в здание, не обращая внимания ни на него, ни на Нааму. Меня окутывает знакомый запах книг и старого мрамора. Мне так хочется прикоснуться к каждой полке. Я бегу по лестнице вверх и не останавливаюсь, чтобы постучаться в дверь квартиры. Тициан лежит на

диване и читает книгу. Стар сидит на кухне и рисует, пока Феникс помешивает что-то в кастрюле. Пахнет просто божественно. Я снова дома. От облегчения я готова упасть на колени, но опираюсь о дверной косяк.

– Мун! – Тициан вскакивает с места и бежит ко мне. Я так сильно прижимаю его к себе, как это только возможно, чтобы ненароком его не задушить. Затем я покрываю его лицо поцелуями, и он терпит это, не жалуясь.

Когда я наконец отпускаю брата, Стар уже стоит позади него. Мы сразу же обнимаемся. Плачем и в то же время смеемся. Как же хорошо снова быть с ними! Хотя во дворце и покоях Люцифера не так ужасно, как я думала, только здесь я чувствую себя дома, только рядом с ними я чувствую себя полноценной. Я бы с радостью никуда не отпускала Стар.

Теперь мой взгляд падает на Феникса, который внимательно рассматривает нас, стоя у плиты. Он выглядит немного смущенным, хотя это вряд ли возможно. Стар высвобождается из моих объятий и кладет руку мне на щеку.

«Ты останешься?» – жестикулирует она.

– Люцифер разрешил мне переночевать с вами сегодня, – отвечаю я.

Я понимаю, что это значит, только тогда, когда произношу это вслух. Я снова смогу поспать в своей кровати. Я вольна хоть всю ночь просидеть в нашей кухне за разговорами со своими братом и сестрой и игрой в карты с ними.

«Тогда давай поедим, а после этого ты расскажешь нам обо всем, что с тобой происходило».

Стар выглядит куда более уверенной, чем пару недель назад. Тициан вырос и достает мне до носа. Я слишком много времени была в разлуке с ними и слишком многое пропустила.

– А что у нас есть из еды? – спрашиваю я у Феникса, подходя к нему.

– Макароны с лососем, – отвечает он. – Хорошо, что ты вернулась.

Я неловко стою перед ним и не знаю, благодарить его сначала или извиняться перед ним. Но он принимает решение за меня и обнимает меня.

– Она ужасно скучала по тебе, – шепчет парень мне на ухо.

– Мне так жаль, что я была к тебе несправедлива, – смущенно отвечаю я.

– Все в порядке. Ты просто хотела ее защитить. Я понимаю это. Потому что я сам тоже этого хочу, – Феникс снова поворачивается к кастрюлям, и я радуюсь, что он не ставит мне в укор мое поведение.

– Я принесла фрукты.

– Поставь их на стол. Мы можем сделать десерт.

Я поворачиваюсь и замечаю Алессио, остановившегося в дверях.

Наама стоит рядом с ним и любопытно рассматривает окружающую обстановку. Ее взгляд скользит по нашей мебели, изношенным подушкам и занавескам к Фениксу, Тициану и, наконец, к Стар. Я чувствую, как Феникс позади меня замирает. Он убьет Нааму голыми руками, если это потребуется. О чем только думал Алессио? Стар все еще в опасности.

– Я просто хотела познакомиться с семьей Мун, – говорит Наама, когда замечает, что непринужденная атмосфера исчезла. Я не должна подавать виду, что что-то не так. Кто не знает об этом, никогда не поймет, что Стар – моя сестра-близнец. Она выглядит младше и может показаться, что ей семнадцать. Я буду делать вид, что она родственница Феникса, ведь Люцифер думает, что моя сестра мертва.

– Это Наама, – представляет он ее. – Вы можете ей доверять, – объясняет Алессио, в основном обращаясь к Стар, от которой он, судя по всему, ожидает наибольшей поддержки.

Стар кивает Нааме.

«Ты хочешь есть?»

Алессио переводит ее жесты. Он выглядит немного виноватым из-за того, что привел ее сюда.

– Я с радостью, – к счастью, Наама не производит впечатления ангела, только что узнавшего в Стар потенциальный ключ и кровную наследницу. Возможно, меня просто немного занесло. Алессио приносит два дополнительных стула из своей комнаты, я зажигаю пару свеч, а Феникс открывает бутылку вина. Тициан садится рядом со мной.

– Мы с Кьярой теперь вместе, – тихо рассказывает он. – Но отец Касара рассадил нас с ней в школе. А я всего лишь держал ее за руку, потому что она грустила.

– Почему она грустила? – отсутствующим тоном спрашиваю я, краем глаза наблюдая за тем, как Стар прячется за Фениксом. Интересно, они знают о том, что отец Кьяры выдал наш план побега Нерону?

Я пытаюсь вспомнить о том, что Феникс сказал мне утром в день побега. По легенде, он просто держал ухо востро, чтобы удостовериться в том, что мой план удастся. Благодаря своим потрясающим связям он знает обо всем, что происходит в Венеции. Стоит ли мне позже расспросить его? Хочу ли я, чтобы Стефано Росси был наказан? Мужчина пытается защитить своих жену и детей и готов ради них на все. Как далеко бы я сама зашла ради того, чтобы защитить тех, кого люблю? Я не хочу, чтобы Тициан чувствовал себя виноватым из-за того, что дружит с Кьярой, и не хочу, чтобы Кьяра стыдилась поступка своего отца. Оба ребенка не виноваты в произошедшем.

– Ты вообще меня слушаешь? – прерывает Тициан поток моих мыслей.

– Конечно, – я треплю его по макушке. – Так хорошо снова быть рядом с вами.

– Феникс заботится о нас, но я скучаю по тебе.

– Я тоже по тебе скучаю, – я бы так хотела снова обнять его, но боюсь, что опять начну плакать. Точно не сейчас, когда взгляды всех, кто сидит за столом, обращены на меня. При пятом небесном дворе я чувствую себя неплохо: не голодаю и не мерзну. Эти условия лучше, чем те, в которых я жила последние несколько лет.

– Давайте начинать есть, иначе еда остынет, – говорит Феникс. Он занял мое место в этой семье, и я благодарна ему за это. Возможно, наша жизнь бы стала проще, если бы я раньше согласилась принять его помощь. Но эту роль мне навязала моя мать, и, хотя я была на нее зла, я хотела доказать ей, что была в состоянии выполнять ее. Так моя жизнь обретала какой-то смысл. А теперь я сижу во Дворце дожей, и меня готовят к тому, чтобы уничтожить человечество. Даже если план Пьетро сработает, это даст нам только отсрочку. Я пытаюсь не обращать внимания на эти мрачные мысли, потому что они не к месту за этим столом. Я хочу насладиться моментом и представить, что все как раньше.

Стар раскладывает макароны на тарелке, и Феникс поливает их соусом. Для нее он приготовил специальную тарелку, на которой лежит упорядоченная горка макарон, сбоку от нее – три кусочка лосося, рядом с которыми он наливает порцию соуса. Некоторое время я чувствую себя гостем. Только тогда, когда мы начинаем есть, атмосфера снова становится более непринужденной. Наама пытается втянуть в себя макароны и заляпывает соусом половину лица. Это выглядит так смешно, что Тициан смеется в полный голос. Я сдерживаю смех, а Алессио тщательно вытирает ее лицо. Этот жест кажется мне таким доверительным. Я ловлю взгляд Феникса и пожимаю плечами. И тут наконец лед трогается. Тициан показывает Нааме, как правильно накручивать спагетти на вилку. После этого они вместе с Алессио моют посуду, а Стар показывает мне свои новые рисунки.

Когда все убрано, мы играем в карты, пока Тициан не ложится спать. Сразу после этого Наама уходит.

– Я заберу тебя завтра рано утром, чтобы ты вовремя успела во дворец к тренировке.

– Я спущусь с тобой, – предлагает Алессио после того, как она попрощалась с Фениксом и Стар. – А потом пойду спать.

Они покидают нашу квартиру. Чуть позже я слышу, как дверь в комнату Алессио закрывается.

– Ну, круто, – говорит Феникс, засунув руки в карманы и прислонившись к кухонному шкафу. – Красивого же ангела себе нашел наш книжный червь.

Я улыбаюсь ему.

– Кто бы мог подумать.

– Думаешь, она серьезно к нему относится?

– Не знаю, можно ли с уверенностью говорить об этом, когда речь идет об ангелах, но мне кажется, что да, – в мгновение, когда я говорю об этом вслух, я понимаю, что это правда. Наама беспощадно честная.

– Я надеюсь, ангелы ее не потеряли, и поисковый отряд пятого небесного двора не заявится в нашу квартиру.

– Не думаю. Сэм знает, где мы находимся, и он не идиот.

– А Люцифер знает, где ты?

– Меня это не интересует. Важно лишь то, чтобы я вернулась во дворец к моменту тренировки.

Я снова сажусь за стол к Стар, и она берет меня за руку.

«Все так плохо?» – жестикулирует она.

Я не знаю, сколько Алессио рассказал им о времени, которое я провела в темнице, моих правилах и испытаниях, поэтому я пожимаю плечами.

– Все в порядке. Мне стало легче, когда Фелиция начала помогать мне. Испытания сложные, но до этих пор я как-то выживала.

– Я хотел отговорить Фелицию, но она настояла на том, чтобы попытаться помочь тебе, – рассказывает Феникс. – Мы знаем о плане Пьетро. Я не знаю, сумасшедший он или блестящий.

– Думаю, что это наш шанс, а мы с Фели хорошая команда.

Я улыбаюсь, надеясь, что они не заметят моего страха, завладевшего мной после последнего испытания.

– Спасибо, что ты заботишься о Тициане и Стар.

Мне и не нужно больше ничего говорить. Феникс и так бы это делал. Если я не справлюсь с испытанием и умру, он их не бросит.

Парень отмахивается.

– Это меня не обременяет. Я люблю Стар и сделаю все для нее. И для Тициана, конечно, тоже, – он криво улыбается. – Даже для Алессио.

Сесира смотрит на Феникса так, будто он центр вселенной, и для нее, наверное, так оно и есть. Парень отвечает ей таким же взглядом. Найду ли я когда-нибудь мужчину, для которого буду так много значить? Это всего лишь праздные размышления, потому что ничего подобного не произойдет. Уже слишком поздно.

– Пойду спать, – говорю я, вставая из-за стола. – Солнце скоро встанет.

Стар обнимает меня.

«Так прекрасно, что ты здесь. Было мило со стороны Люцифера отпустить тебя к нам. Алессио рассказывал, что он совсем не такой жестокий, как говорится в Священных Писаниях».

– Люцифер, и в самом деле совсем другой, – признаю я.

Жестокий он только со мной. Но ей необязательно об этом знать, я не хочу лишний раз ее беспокоить.

Так странно снова лежать в своей кровати. Хотя я провела почти все свое детство в этой комнате, она кажется мне какой-то чужой. Я сажусь на диван под окном и смотрю на пиацетту. Здесь я спала в ночь, когда притащила Кассиэля домой. Это было, кажется, миллион лет назад.

– Нам нужно возвращаться во Дворец дожей, – говорит Наама после завтрака. Они с Алессио вместе пришли на кухню, а на ней та же одежда, что и вчера. Я поднимаю бровь и смотрю на друга, который одной рукой обнимает Нааму. Выражение ее лица какое-то застенчивое, и оно совсем ей не подходит.

– Мне нужно в больницу, – говорит Алессио. – Тициан уже ушел в школу?

– Полчаса назад. С тех пор я ждала вас, – я не могу воздержаться от комментариев.

– Ты, наверное, не можешь дождаться встречи с Люцем, – отражает Наама мою атаку. Она кладет палец на губу так, словно задумалась о чем-то. – Ах нет, ты же игнорируешь его уже много дней, потому что обиделась.

– Я вовсе не игнорирую его. Он архангел, а я просто веду себя покорно.

Наама громко смеется:

– То, что ты вообще знаешь это слово, просто невероятно. Только ему не говори, а то он веру потеряет.

Алессио качает головой.

– Береги ее, – говорит он Нааме и целует ее в губы. – Увидимся позже.

Он машет мне на прощание, а затем дверь за ним закрывается.

Наама подходит к столу и рассматривает скромный завтрак. Овсяная каша, хлеб, немного сыра и пара помидоров. Он в подметки не годится тому, что накрывают во Дворце дожей.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я.

– Нет, спасибо, я позже поем.

Она все же берет в руку маленький кусок хлеба, садится рядом со мной и начинает отрывать от него мелкие кусочки.

– Почему ты никому не рассказывала о своей сестре? Почему ты сказала, что она мертва?

Отрицать что-то, вероятно, бессмысленно. Я медленно жую, чтобы выиграть время.

– Это разве не очевидно?

– Для меня нет.

– Я не хочу, чтобы с ней что-то произошло. На улице она находилась бы в опасности и не выжила бы. Она слишком красивая и слишком особенная. Я пообещала матери, что присмотрю за ней. А лучший способ защитить Стар, на мой взгляд, – спрятать ее. Никто не знает, что она жива.

– Она никогда не умела говорить, или с ней что-то произошло?

Если Наама считает, что немота Стар как-то связана с возвращением ангелов, я могу ее успокоить.

– Нет, никогда, хотя я надеялась, что однажды она заговорит.

– Должно быть, она очень скучает по тебе.

Я пожимаю плечами:

– Мы никогда не разлучались. Ни на один день с момента нашего рождения, но теперь у нее есть Феникс. Думаю, она в порядке.

– А ты в порядке? – спрашивает Наама непривычно мягко.

– Он хорошо за ней присматривает, и я ему доверяю, – при этом я не отвечаю на ее вопрос. Ответа на него я и сама не знаю. Я рада нести ответственность за Стар, но иногда чувствую себя подавленной.

– Нам надо идти.

Как и обычно, в это время Стар еще спит, и я не хочу будить ее. Кроме того, я не знаю, где спит Феникс. Явно не на диване в гостиной. Я оставлю записку с обещанием скоро вернуться.

– Будет здорово, если ты никому не скажешь про Стар, – прошу я Нааму, когда мы идем к Дворцу дожей. – Мне будет бы спокойнее, если о ней никто не узнает.

– Не волнуйся об этом. Я никому не раскрою твою тайну. Тем не менее, подумай о том, чтобы рассказать о ней Люциферу. Он защитит ее лучше Феникса. У него не лучшая репутация в городе.

Значит, Наама и об этом знает.

– Лучше не буду, – отвечаю я. Мне предстоит участвовать в последнем испытании, и у меня, возможно, все же есть шанс справиться с ним. После этого ангелы начнут искать оставшиеся ключи в другом городе. Тогда Стар

будет вне опасности, а Люцифер не узнает о ней, ведь он улетит отсюда. Наама хочет сказать что-то еще, но мы подходим к воротам Дворца дожей. У меня уже нет времени переодеваться на тренировку. Наама прощается со мной и направляется в наши покои. В проходе, ведущем во двор, я сталкиваюсь с Кассиэлем. Если бы я его не знала, я бы подумала, что он ждал меня там.

– Мун, – приветствует он меня. – Ты была дома?

Сопротивление бесполезно, ведь он наверняка видел, как я выходила из библиотеки.

– Хотела увидеться с Тицианом, – признаюсь я. – Люцифер разрешил мне сходить к нему.

– С твоим братом все хорошо? – Кассиэль берет меня за руку и тащит меня в тень.

– Феникс и Алессио присматривают за ним, – нейтральным голосом отвечаю я. – Так и не поблагодарила тебя за то, что ты нам помог, – добавляю я. – Очень это ценю.

– Я не смог помочь тебе больше, – ангел выглядит сокрушенным. – Мне так жаль, – тихо говорит он. – Я должен был сказать тебе тогда, что являюсь охотником за ключами. Ты спасла мне жизнь, а я солгал тебе, – Кассиэль тяжело сглатывает. – Я не знал, что Люцифер бросит тебя в темницу.

– Но случилось то, что случилось, – отвечаю я. – И мы не можем это изменить.

Ангел кладет руку мне на щеку.

– Нет, не можем.

Еще мгновение мы просто стоим и смотрим друг другу в глаза. Я вижу сожаление в его взгляде и верю ему, что бы ни говорили о нем Наама и Семьяса. Каждый из нас носит маску, чтобы другие не узнали о том, какие мы на самом деле. Мы играем свои роли и делаем то, что от нас ожидают. Он утратил те мальчишеские черты, которые я находила такими привлекательными. Возможно, он тоже изображал себя так, чтобы я не боялась его. Чтобы я подала ему свое сердце на блюдечке с голубой каемочкой.

– Я просто выполнял свои обязанности. Но я возвращался к тебе не только потому, что считал тебя ключом, но и потому, что не хотел с тобой расставаться.

Кажется, по панцирю вокруг моего сердца пошли трещины, хотя это признание уже не имеет никакого значения.

– Но когда я задумался об этом, я должен был рассказать Михаэлю.

Чего он от меня ждет? Все уже произошло, и пути назад нет. Ни для Кассиэля, ни для меня.

– Как ты думаешь, ты сможешь простить меня? – Он подходит еще ближе. Меня окутывает его знакомый аромат.

– Я впервые понимаю, почему мужи Люцифера встали на сторону Семьясы, – тихо говорит он. – Почему они предпочли смертных женщин жизни на небесах.

В моем животе что-то переворачивается. Я думаю, что ответить ему на это, как вдруг голос позади меня разрезает тишину, окружившую нас с Кассиэлем.

– Ты что, не учишься на своих ошибках, Мун? Я думал, что ты уже поняла, кому можно верить, а кому нет.

Я отхожу в сторону и замечаю Люцифера. Сариэль держит его под руку и презрительно смотрит на меня. Интересно, она что, проверяет, достаточно ли я сегодня чистая для того, чтобы дышать одним с ней воздухом?

– Мусор ничему не учится. Я думала, что ты как архангел давно это знаешь, – говорю я и, прежде чем он может что-то ответить, прохожу мимо них и шагаю во внутренний двор. Кассиэль следует за мной, и в этот раз я благодарна ему за это. Позади нас гневно топает Люцифер, но я не останавливаюсь и не ускоряю шаг. Я просто направляюсь к другим трем девушкам, покорно опустившим головы.

– Она все еще слишком непокорная, – раздается голос Рафаэля, который, должно быть, услышал обмен колкостями между мной и Люцифером.

– Нам надо было сразу ее отбросить. Она не может быть ключом. Она разве не должна отбывать свое наказание в темнице? – Архангел щелкает пальцами, и я вижу, как в мою сторону идет Рикардо. Его рот искривился в ухмылке. Подумав о перспективе снова вернуться в темницу, я стараюсь казаться как можно более спокойной. Рядом со мной Кассиэль громко втягивает воздух, когда стражник оказывается перед нами и хватает меня за руку. С Рикардо-то я справлюсь, но на балконах и лестнице стоит достаточно ангелов, которые сразу же усмирят меня, если я куда-то побегу. Неужели моя тупость и неподчинение разрушили наш план? Почему я не подумала об этом? Я бы дала себе пощечину, но Рикардо и сам с этим справится.

– Она самая умная и смелая из нас, – громко и ясно говорит Фелиция. Ее голос не дрожит. – Если кто-то из нас ключ, то это Мун. Она должна выступать на последнем испытании.

– Все в порядке, Фели, – говорю я. – Не вмешивайся в это. Это между мной и Рафаэлем, и если от этого ему будет лучше…

Архангел расправляет свои крылья. Его черные волосы удивительно контрастируют с золотой пылью на его жемчужно-белых перьях. Он, бесспорно, красив, но тем не менее он кажется каким-то петухом, который, нахохлившись, расхаживает по своему амбару.

Услышав мое замечание, ангелы рядом с нами напряженно вдыхают. Но сейчас мне уже все равно. Я не буду ползать перед ним и умолять его не запирать меня в темнице.

Люцифер, разумеется, не говорит ни слова, а лишь смотрит на Сариэль, которая липнет к его телу так, словно они одни в этом дворе. Конечно же, ей нужно его безраздельное внимание. Почему никто из ангелов не говорит ничего по этому поводу? Это нормально, что жена ангела обжимается с другим у всех на виду? Или Люцифер просто хочет спровоцировать Рафаэля этим действием? Он смотрит на них, и его глаза от гнева застилает туман. Рафаэль все еще ревнует ее к нему. Прямо как много веков назад, и Люцифер знает об этом. Разница лишь в том, что в этот раз Рафаэль будет вымещать свою злость на мне. Он специально его провоцирует.

Фелиция берет меня за руку.

– Я не допущу того, чтобы они снова заперли тебя в этой дыре.

Если подруга будет продолжать в том же духе, Рафаэль запрет нас обеих. Но я что-нибудь придумаю. В этот раз я не болею. Я знаю, что меня ждет, и не стану легкой добычей для Рикардо и других мужчин.

Стражник бросается на меня и тащит меня за собой. Его пальцы впиваются в мою кожу.

– Я отведу тебя туда, где твое место. – Жуткая вонь, исходящая от него, бьет меня в нос, но я от него не отбиваюсь.

– Отпусти ее! – отдает приказ Люцифер в это мгновение. – Она останется там, где есть, и примет участие в последнем испытании.

Рука Рикардо отрывается от моей так, словно он обжегся.

Я смотрю на Люцифера, его злая тень стелется по серой плитке площади. Его рука все еще лежит на шее Сариэль.

– И не смей прикасаться к ней своими грязными пальцами.

Почему Люцифер устроил это восстание? Его лицо выглядит сердитым, когда он опускает руку.

– Это моя кандидатка! – кричит он на Рафаэля. – Ты не имеешь права решать исход ее судьбы лишь потому, что сделал неправильный выбор, а твоя девчонка не пережила последнее испытание.

Брови архангела поднимаются, а на его лице появляется улыбка. В это мгновение я понимаю, что Люцифер специально затеял этот спектакль.

– Он что, включил тебя в свою коллекцию? – спрашивает меня Рафаэль. – Люц такой ненасытный. У него целая куча невест. – Он смотрит на Сариэль, которая все еще стоит рядом с ним, хотя явно злится. – А я был бы только с тобой, – обращаясь ко мне, продолжает он. – Хоть и ненадолго.

Рафаэль просто хочет спровоцировать меня, но я не сделаю ему одолжения, поддавшись на его провокации.

– Я очень избирательна, – отвечаю я громким, сладким голосом. – Я не к каждому проявляю благосклонность. Ты не в моем вкусе.

С балконов доносится смех, и Рафаэль хмурится.

– Ты даже Кассиэля пустила в свою постель. Судя по всему, не так уж ты и избирательна.

Кассиэль никогда не был со мной в постели, но это не меняет сути дела.

– Это было ошибкой, – говорю я, пожимая плечами. – Я человек и совершаю ошибки.

Грудь архангела раздувается так, словно мое признание ошибки он воспринял как комплимент.

– Если ты станешь ключом, после испытаний я заберу тебя себе. Тогда ты будешь сидеть в покоях до самого Судного дня, а я буду учить тебя смирению.

Такими речами он собирается сохранить свое лицо, но от мысли о том, что меня передадут Рафаэлю, мне становится плохо. Есть ли у него власть потребовать отдать меня ему? Люцифер ничего не говорит в ответ, а только согласно кивает. Затем он поворачивается и под руку с Сариэль уходит прочь. Я не смотрю ему вслед. Вместо этого я уставилась в холодные глаза Рафаэля. Он торжествующе улыбается и наверняка уже раздумывает о методиках, с помощью которых сможет меня унизить. В этой дискуссии речь шла в меньшей степени обо мне, чем о Рафаэле, Люцифере и Сариэль. Я попала между двух огней, потому что Рафаэль никак не может осознать того, что Сариэль выбрала Люцифера. Судя по всему, тот простил ей предательство, а меня он отдаст своим братьям, если я выживу.

Следующие три часа я тренируюсь, пока мое тело не покрывается потом. Впервые Гамалиэль позволяет нам упражняться с оружием, хотя ни Фелиция, ни Алисия ничего не умеют с ним делать. Я получаю в качестве напарника Кассиэля, а Фелиция – Семьясу. Не успеваем мы встать друг напротив друга, как я нападаю на Кассиэля и злюсь, что он защищается вполсилы. Мои удары все сильнее находят на его меч. Тем не менее он все же не начинает биться в полную силу.

– Можешь не делать мне поблажек, – выдавливаю я, вспоминая о наших тренировках в библиотеке.

– Если ты продолжишь так усердно сражаться, то поранишься, – спокойно говорит Кассиэль, отражая мой удар. – И я этого себе никогда не прощу.

Эта фраза злит меня еще больше.

– Ты и так меня уже поранил, – говорю я, стиснув зубы, и парой ударов заставляю его перемещаться по двору. Мы единственные, кто сражается по-настоящему. Сэм показывает Фелиции пару приемов, Алисия в слезах, сидит на лестнице, а соперник Донны ранил ее в предплечье. Алессио, который приходит, оставшись сначала не замеченным мной, перебинтовывает ее руку.

– Я знаю, – отвечает Кассиэль, опуская меч, когда я бросаюсь в атаку. Он в последнюю секунду успевает уклониться, и я отступаю.

– Ты совсем с ума сошел? – кричу я на него. – Я тебя чуть не зарезала!

– Нам пора закончить битву, – говорит он, направляясь к столу с напитками. Я следую за ним, и ангел подает мне стакан с водой. Я должна была все еще быть злой на него, но у меня не осталось на это сил. Я делаю пару глубоких вдохов. Откуда мне знать, каким ограничениям он подвержен? Быть ангелом при дворе Михаэля явно не так-то и просто. Кроме того, я зла совсем не на него, а на Люцифера.

– До последнего испытания тебе действительно нужно находиться в пятом небесном дворе. – Кассиэль не смотрит на меня, а лишь наблюдает за происходящим на площади. – После этого ты не обязана там оставаться. Если хочешь, ты можешь выразить желание перейти в небесный двор Михаэля, – он улыбается мне. – Я бы с радостью показал тебе четвертый небесный двор.

– Но ты же слышал, что сказал Рафаэль. Он хочет научить меня смирению.

– И мы с тобой оба знаем, что у него это не получится. Возможно, ты просто сводишь его с ума, и он был бы рад избавиться от тебя.

Услышав эти слова, я невольно улыбаюсь, потому что очень мило со стороны Кассиэля пытаться меня приободрить.

– А остальные ключи живут на небесах? – спрашиваю я. Мне было бы проще, если бы он не был ко мне так добр.

Кассиэль качает головой, но не отвечает на мой вопрос.

– Ты подумаешь об этом? Михаэль согласится с твоим желанием.

– Ты имеешь в виду, если я не смогу больше выдерживать Люцифера? Он обычно не такой неприятный, как в вашем присутствии. Мне нравится в его небесном дворе.

– Значит, Рафаэль прав? Ты что, ему отдалась?

Мое лицо искривляется, когда я слышу эту старомодную фразочку.

– Даже если бы это было так, тебя это точно не касается.

Я никогда не видела Кассиэля злым, но теперь замечаю гнев в его глазах.

– Ты слишком хороша для него. Он сделает тебе больнее, чем я когда-либо смог бы. Для него все это лишь игра, а мы марионетки в его постановке. Единственное, чего он хочет, – месть. О другом он и не думает. Ни о чем и ни о ком. Ты должна быть осторожной.

– Подумаю об этом, – отвечаю я, потому что во мне просыпается плохое предчувствие. Что, если Кассиэль действительно прав? Вдруг от Люцифера действительно исходит гораздо большая опасность? Может, я слишком наивная? Вероятность того, что он сказал, действительно велика. Но Люцифер снова спас меня сегодня. Если бы он не вмешался, я бы снова оказалась в темнице.

– Я могу идти? – я ставлю стакан с водой обратно на стол.

– Я очень волнуюсь, – говорит Кассиэль, когда я поворачиваюсь. – Не забывай того, что я тебе сказал. Я всегда буду рядом, если понадоблюсь тебе.

Еще совсем недавно мне было вроде как ясно, кто мой друг, а кто враг. С тех пор как я спасла Кассиэля после взрыва, эта уверенность куда-то улетучилась. Есть слишком много ангелов, которые мне нравятся: я даже Кассиэля не могу ненавидеть, когда он говорит мне такие вещи.

Глава XII

Я бы с радостью снова провела вечер с моими братом и сестрой в библиотеке. Но я не хочу снова просить Семьясу о том, чтобы он отвел меня туда, потому что не знаю, действительно ли в прошлый раз он спрашивал разрешения у Люцифера. А вот его я сегодня достаточно провоцировала. Вечером отправлюсь в салон, чтобы поужинать, потому что я устала постоянно оставаться в своей комнате в одиночестве. Форфакс, Семьяса и Люцифер сидят там втроем. Они настолько увлечены разговором, что даже не замечают меня.

Как это часто бывает в последнее время, они и сегодня обсуждают ремонтные работы, которые должны быть проведены в небесном дворце пятого небесного двора.

– В последние недели нам многое удалось сделать, но нужно еще немного времени, – говорит Форфакс. – К открытию врат рая все будет готово. Это я тебе обещаю.

– Нам нужно убедиться в том, что мы вне опасности. Никто из моих братьев не должен усомниться в том, что мы с ними придерживаемся одной и той же цели, – отвечает Люцифер. – Способны ли наши мужи, в случае чего, постоять за себя, если дело дойдет до битвы?

Они действительно меня не заметили, иначе бы прервали свой разговор. Эта беседа не похожа на обсуждение строительства, скорее на какой-то заговор.

– Они настолько натренированы, как это только возможно после всего случившегося, – говорит Форфакс, и я начинаю присматриваться. – Ты все еще уверен в том, что хочешь провернуть все это?

– Конечно, – отвечает Люцифер. – Но я готов пойти на это, лишь если вы будете на моей стороне. Этот план мы сможем осуществить только вместе. После этого все не должно быть так, как в тот раз.

– Это и хорошо, – рычит Семьяса. – Наступит время, когда в мире снова воцарится порядок. Мы не позволим, чтобы их поступки снова сошли им с рук. Я хочу, чтобы они были все в крови. Чего бы это ни стоило.

Остальные ангелы кивают в знак согласия.

Они действительно хотят мести, как и говорил Кассиэль. Они наверняка вообще не беспокоятся о нас, людях. С моей стороны было бы разумнее остаться в своей комнате. Но я не хотела этого. Теперь мне приходится слушать их обсуждения о конце человечества. Я громко ставлю тарелку на стол, и Люцифер поворачивает голову в мою сторону. Он сердито прищуривается, рассматривая меня. Теперь у меня пропал аппетит. Я поворачиваюсь и ухожу. Какому плану он следует? Интересно, Кассиэль сказал сегодня о мести просто так или другие ангелы действительно знают, что они задумали? Люцифер явно не расскажет мне о своем плане, он в любом случае больше со мной не разговаривает. Но есть кое-кто, кого я могу спросить.

Я хоть и знаю, в какой комнате живет Лилит, я еще никогда не была у нее. Я тихо стучусь в дверь и слышу, как она говорит «входи». Она стоит у окна и не поворачивается ко мне. Когда я подхожу к ней, я вижу, что по ее щекам текут слезы.

– Что случилось? – испуганно спрашиваю я. – Кто-то сделал тебе больно?

Она отчаянно смеется:

– Разве не все мы этим занимаемся? Делаем кому-то больно.

– Сэм был зол с тобой? – Я задаюсь вопросом, есть ли в других небесных дворах такие же любовные драмы. Сэм не признает Лилит, Наама влюбляется в человека, а Балама я как-то застала за тем, что он тоскливо смотрит на одну из служанок. Люцифер флиртует с Сариэль, хотя то, что происходит между ними, явно гораздо больше, чем просто флирт. Может, все так потому, что они долго пребывали в заключении? Меня не должно это волновать, но все же волнует. Происходящее делает ангелов похожими на людей, и они не такие, как я думала.

Лилит качает головой:

– Нет, нельзя сказать, что он был зол. Все в порядке. Я знала, на что иду. Просто сегодня я особенно чувствительна. Вся эта ситуация здесь на земле… Меня уже тошнит от всего этого. Я так хочу, чтобы это все поскорее закончилось.

– Уже скоро закончится, – почти беззвучно говорю я. – Тогда ты навсегда забудешь о том, что когда-то была человеком. – Мне не стоит переживать насчет сказанного, ведь ей тоже не стыдно за то, что она сказала.

Лилит прикрывает рот рукой:

– Мне очень жаль, Мун. Я не это имела в виду. Я… – Она поднимает руки, словно сдаваясь, а затем снова опускает их. – Я не знаю, почему вообще говорю такие вещи.

– Вы были в заключении десять тысяч лет, а теперь хотите вернуться к прежней жизни, – помогаю я ей выдумать обоснование.

– Это все равно бессердечно с моей стороны, но ты права. Я хочу жить в мире. Я хочу жить при дворе Люцифера, подальше от всех остальных архангелов и их происков.

– Ты не хочешь вернуться в рай? – удивленно спрашиваю я. – Мы ведь целый театр ради этого устраиваем.

– Слишком много воспоминаний, – отвечает она мне. – И они не особо хорошие. Я, наверное, одна из немногих, кто вообще не заинтересован в открытии врат рая.

– Я тоже, – улыбаюсь я ей.

Лилит ухмыляется мне в ответ:

– Ты уже поела?

– Нет. Но я не хочу идти в салон. Там сидит Люцифер и распространяет плохое настроение.

– Может, мне пойти взять чего-нибудь? А потом я приду к тебе в комнату.

– Было бы отлично. Люцифер будет рад, что я не появлюсь у него на глазах.

Лилит гладит меня по руке:

– Значит, в порядке исключения мы сделаем ему одолжение.

Мы съели все эти вредные штуки, которые принесла Лилит. Хлебные чипсы, шоколад и соленый миндаль. Теперь мне немного нехорошо, но я продолжаю пить сладкий ликер, с каждым глотком которого моя голова все сильнее кружится. К сожалению, я еще не придумала, как расспросить Лилит о планах Люцифера. Чем дольше я думаю о его разговоре с Форфаксом и Сэмом, тем более странным он мне кажется.

– А что вообще происходит между вами с Сэмом? Почему ты плачешь из-за него? – спрашиваю я, подавляя в себе чувство вины. Лилит всегда уважительно ко мне относилась, а я ее допрашиваю. К сожалению, я сейчас не в том положении, чтобы тонуть в угрызениях совести. – И не отрицай этого. Ты просто боготворишь его, и несколько раз вы с ним оба куда-то исчезали вечером.

Она сидит на кровати напротив меня, грустно улыбаясь, и ее крылья цвета радуги опускаются вниз.

– У меня нет причин жаловаться. Он отлично справляется с тем, что делает.

Я гримасничаю потому что это звучит не очень восторженно.

– Но вы не вместе или как? Он тебя не любит?

Лилит смотрит в окно.

– Не так, как люблю его я. Я не она, понимаешь, – Лилит говорит это так тихо, что я с трудом понимаю, что она мне рассказывает.

– Она – это кто?

– Его жена Леа. Он ее очень любил. Больше, чем свою собственную жизнь. Я уже тогда очень ей завидовала, – Лилит закрывает свое лицо ладонями. – Я такая жалкая…

Я глажу ее по руке.

– Это неправда.

Лилит задумчиво прикусывает нижнюю губу.

– Ее убили, как и его сына. Сэм так и не оправился от того, что не смог спасти ее. Со мной он только забывается.

Грусть в ее голосе просто убивает меня.

– Она была моей подругой и умерла у меня на руках. – В глазах Лилит блестят слезы. – Мне пришлось пообещать ей, что я позабочусь о Сэме, и я делаю это. Он не всегда позволяет мне это, но я стараюсь изо всех сил. После того как Адам изгнал меня, было нелегко, но мне показалось, что Сэм совсем другой. А я тогда даже не была настоящим ангелом. Только чем-то средним.

– Я видела сон о вас, – тихо говорю я, чувствуя, что тоже должна поделиться с ней чем-то. – О тебе и Адаме. Вы ссорились, а потом ты вдруг оказалась во рве, заполненном огнем. – Даже воспоминание об этом сне пугает меня, и Лилит вдруг бледнеет.

– Это тебе приснилось? – Глаза Лилит округляются, и она смотрит на меня.

– Последние несколько дней я часто вижу эти мечты или видения. Я не знаю, что это такое. Это ощущается так, будто я вижу все через глаза другого человека, который переживает это. Я даже не понимаю, как еще это описать.

Лилит кивает. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но потом снова закрывает его. Вздыхая, девушка откидывается назад.

– Я так и думала. Это твое наследие крови, и ты не можешь никак повлиять на это. Ни на видения, ни на то, как часто ты их видишь. Это что-то вроде коллективного воспоминания. Ты видишь и чувствуешь то, что когда-то пережили нефилимы. Тебе нужно рассказать об этом Люциферу. И тебе больше не стоит переживать о третьем испытании. С ним ты точно справишься.

В этом я не очень уверена. У Пьетро моим видениям наверняка нашлось бы другое объяснение.

– Но что они значат? Почему мне представляются эти видения, с которыми я ничего не могу поделать? – Эта тема волнует меня больше, чем я раньше предполагала. Какой смысл в том, чтобы узнавать что-то о прошлом?

– Тебе и не нужно ничего с ними делать. Это просто твое наследие.

Наверное, этого мне на первое время должно быть достаточно.

– Хочешь рассказать мне об Адаме?

Лилит некоторое время размышляет, прежде чем начать.

– Мы никогда не подходили друг другу, хотя я его и любила. Ну, правильнее будет сказать, мы подходили друг другу, пока ангелы не шепнули ему на ухо, что я должна быть более послушной женой. Не перечить ему и подчиняться. Он так легко поддавался чужому влиянию…

– Как ты думаешь, зачем они это сделали?

– Они хотели спровоцировать Люцифера. Он слишком много времени проводил с нами, людьми. Мы постоянно с ним болтали. Рафаэль всегда завидовал ему. Сначала из-за того, что наш отец создал его первым. Потом тогда, когда Сариэль проявила к нему благосклонность и, наконец, когда Адам слушал только Люцифера. Рафаэль просто хотел хоть раз одолеть Люцифера, поэтому он просто шепнул Адаму на ухо этот бред. Я думаю, он не знал, что сделал. Мы мирно жили в раю и были счастливы, пока Адам не начал требовать от меня беспрекословного послушания. Он не отличался силой духа и никогда не подвергал сомнению то, что говорили ему архангелы. Я попыталась усомниться в этом. Но тогда он потребовал, чтобы я держалась подальше от Люцифера, Сэма и жен падших ангелов. Но эти женщины были моими подругами. Я умоляла его не позволять другим ангелам себя обманывать, просила его не верить им, но он просто запер меня. Это было ужасно. День ото дня Адам становился все более безжалостным, и я ничего не могла поделать с этим. Я не знала, когда он перестал любить меня, но когда я окончательно отказалась слушаться его, Адам выгнал меня и взял Еву в жены.

– Должно быть, он был полным идиотом, – фыркаю я, и Лилит смеется.

Ликер окрасил ее щеки в красный цвет.

– Адам – прародитель всех людей, – напоминает мне она. – И, к сожалению, он не особенно много думал и постоянно нуждался в одобрении ангелов.

– Прародитель мужчин, – поправляю ее я. – И это уже о многом говорит.

В душе я прошу прощения у мужчин, которые не похожи на Нерона и его прихвостней. Если бы в мире было больше таких мужчин, как Алессио, Пьетро или мой отец, мир бы стал лучше.

– Возможно, он действительно был идиотом, а я просто этого не замечала.

– Ты любила его, а когда любишь, можно наделать ошибок.

– Да, любила, наверное, именно поэтому его предательство так сильно ранило меня. Люц спас мою жизнь. Я в долгу перед ним за это.

– Почему ты присоединилась к ним?

– Мне некуда было идти. У меня не было дома, и Люц предложил мне остаться в его небесном дворе. Я ни разу не пожалела об этом. Даже когда мне пришлось провести в заключении десять тысяч лет.

– Должно быть, это было ужасно.

Лилит пожимает плечами:

– Ну, мы все были друг у друга.

Только Люцифер оставался один. Я не хочу жалеть его и толкаю Лилит локтем.

– И чем же занимаются ангелы в темноте такое количество времени?

Она широко улыбается:

– Это большая ангельская тайна.

Я закатываю глаза, потому что понимаю, что не могу спросить у нее о том, что они задумали, и при этом не попасть под подозрение.

– А у Сэма и Леи была дочь, не так ли?

Лилит кивает, и ее взгляд становится стеклянным, словно она пытается вспомнить прошлое.

– Расскажи мне о ней.

– Да тут и рассказывать нечего, – говорит Лилит, но я по лицу вижу, что она врет.

– Дочерей ангелов и их жен поместили в безопасное место перед Второй Небесной войной, – шепчу я. – Я это тоже во сне видела. Ведь их дети – это те, кого вы ищете?

Лилит кивает.

– Ты на самом деле не должна была узнать об этом. Мы всегда бережно хранили эту тайну. Девочкам было дано задание сберечь знания ангелов. Все знания, но прежде всего магический ангельский язык. Тогда мы не имеем понятия, как долго будем находиться в заключении, но все же надеялись, что девочки выполнили свое задание. Десять тысяч лет – это много, но кровь нефилимов сильна, как бы ее запасы в венах девушек ни истощились за все эти годы. Всего было семьдесят две девочки. Мы хотели удостовериться в том, что Рафаэль не станет их искать. Поэтому спрятали не всех из них.

Было жутко просить родителей выбирать, кто из их дочерей должен быть спасен, а кто нет. Сэм решил, что это будет Джулия, его первенец. Она была смелой, умной и очень талантливой. Если бы судьба оказалась к ней благосклонна, она могла бы стать великой целительницей. Но мы не знаем, что произошло. Время замело все следы.

– А у тебя тоже была дочь? – осторожно спрашиваю я.

– Была. Но она не была нефилимом. Когда она родилась, я еще была человеком. А после своего превращения я больше никогда ее не видела.

Я глажу Лилит по руке, потому что по ней видно, как ей хотелось бы знать, остались ли в мире ее кровные родственники, даже если их разделяют тысячи лет.

– А у Люцифера был ребенок? Жена? Он отправил свою дочь в мир или пожертвовал ею?

Лилит качает головой и смахивает слезу с глаза.

– Он никогда не женился. Ну, на человеке.

Мне интересно почему.

– Он не нашел ту, которая была бы для него достаточно хороша?

Это в его стиле. Правда, разве сможет хоть какая-то человеческая женщина сравниться с Сариэль?

– Возможно, это из-за того, что все небесные женщины вешались ему на шею, – сообщает мне Лилит. – Он не знал, куда от них деться. Мы всегда смеялись над ним из-за этого и даже предлагали ему раздавать им порядковые номера или завести что-то вроде списка, в который он мог бы вносить всех своих невест.

Я недоверчиво смотрю на Лилит, и та громко смеется.

– Люц ни разу не воспользовался нашими идеями, – добавляет она. Ее грусть куда-то пропала.

– Видимо, он и сам был в состоянии запомнить их порядок, – сердито говорю я, допивая содержимое своего бокала. В моей голове уже все перевернулось вверх дном, так сильно она кружится.

Мы продолжаем смеяться, как вдруг я слышу стук в дверь, а следом Люцифер без разрешения заходит в комнату. Он уже давно не приходил ко мне, поэтому я пугаюсь. Архангел что, пришел, чтобы поругать меня за то, что я его подслушала? Или же он слышал, о чем мы говорили? Я поджимаю губы, и его взгляд скользит по пустым тарелкам и бокалам.

– Я вас потревожил?

– Вообще-то да, – отвечаю я. – Мы тут развлекаемся. У тебя что, нет более важных дел? Например, ты мог бы помассировать ступни Сариэль…

Лилит поперхнулась и кашляет, а после этого с ее стороны кровати раздается тихий смешок.

– На самом деле у меня сейчас нет более важной задачи, кроме как найти все ключи, чтобы мы могли вернуться в рай, – холодным голосом отвечает он. Крылья его носа дрожат, и только так я понимаю, что Люцифер злится. – Хотя женские ступни мне и нравятся, – самодовольно объясняет он, – я уже по горло сыт поведением человеческих девчонок, которые не знают своего места и которым стоило бы держать свой язык за зубами. – Его голос становится все тише, а у меня по спине ползут мурашки, как будто он на меня кричит.

– Ты о чем думала, когда начала провоцировать Рафа?

– Он первый начал, – отвечаю я, хоть и знаю, как по-детски это звучит. Но это все-таки правда.

– Если в следующий раз ты не справишься с терпеливым выслушиванием его провокаций, мне придется тебя наказать.

Я сильнее обхватываю свой бокал, чтобы случайно не вылить содержимое в лицо собеседника.

– Ты сидишь так высоко на своем троне, что, наверное, пройдет много дней, прежде чем ты окажешься на земле, когда упадешь с него, – кричу я и сразу же жалею о сказанном.

Люцифер прищуривается.

– Рафаэль хотел отомстить тебе, а не мне. Он просто ревнует, потому что Сариэль прилипла к тебе как банный лист.

– Лилит, а ну выйди из комнаты! – кричит Люцифер.

Она еще некоторое время колеблется, а затем хмурится и исчезает. Неужели ни у кого из его окружения не хватает смелости ему противостоять? Как Лилит могла оставить меня с ним наедине? Отличная подруга. Когда дверь закрывается, я встаю с кровати, чтобы он не смотрел на меня сверху вниз. Архангел все еще на голову выше меня, но так все равно лучше. Я не позволю ему загнать меня в угол. Они могут дразнить меня, доводить мое тело до изнеможения своими испытаниями, но я не позволю им украсть у меня самоуважение.

Он делает пару шагов в мою сторону, а затем тихо говорит:

– Единственная причина, по которой я общаюсь с Сариэль, заключается в том, что я хочу, чтобы Рафаэль не обращал внимания на тебя, – Люцифер делает глубокий вдох. – Если бы мой брат узнал… – Он на мгновение умолкает. – Если Рафаэль подумает, что ты для меня что-то значишь, он убьет тебя, не моргнув и глазом. – Голос Люцифера становится ледяным, когда он говорит это.

Я обнимаю себя руками, жалея о том, что выпила. Иначе я бы сразу нашла, что ему ответить.

– С чего ему так думать? – тихо спрашиваю я.

Сначала Люцифер вообще не хочет мне отвечать. Я вижу это по лицу.

– Рафаэль часто выдумывает всякое, – отвечает он так, словно возможность того, что я небезразлична Люциферу – это что-то безумное. – Он идиот и постоянно вымещает свою злость на других. Возможно, ты ему понравилась.

– Вряд ли, – бормочу я.

– Ты права. Это правда сумасшедшая мысль. Тем не менее защищать тебя – моя обязанность. Ты слишком важна для нас, и мы не можем позволить его перепадам настроения решать твою судьбу. Но я пришел не для того, чтобы говорить об этом, – меняет он тему. – Разве я не запрещал тебе бродить по дворцу? Как часто ты тайно встречаешься с Кассиэлем?

– Я не брожу по дворцу, – отвечаю я. – И точно не встречаюсь с Кассиэлем. Но если быть точной, ты мне ничего не запрещал.

Он скрещивает руки на груди.

– Может быть, я не совсем точно выразился, но я имел в виду именно это. Разговоры с ангелами других небесных дворов – это табу.

– Тогда в следующий раз выражайся более ясно, я не понимаю твоих шарад, – отвечаю я так же упрямо, как и он. – Тебе-то какая разница, говорю я с Кассиэлем или нет? Он вообще-то помог нам с испытанием, пока ты был очень занят кое-чем другим…

Крылья его носа снова дрожат.

– Иногда я просто не знаю, смеяться мне над тобой или отшлепать.

– Это все, что ты можешь придумать, чтобы заставить женщину делать то, что ты хочешь? – шиплю я. – Побить ее?

– Я не это имею в виду, – отвечает Люцифер, разворачиваясь и пытаясь уйти.

– Снова твои шарады, верно? – говорю я ему вслед.

– Вовсе нет, – отвечает он. – Женщина, – Люцифер интонационно подчеркивает это слово, – поняла бы, о чем я говорю.

Дверь за ним захлопывается, и я все еще не понимаю, зачем он пришел в мою комнату. Он что, просто хотел обвинить меня в том, что я пререкалась с Рафаэлем и общаюсь с Кассиэлем?

Я падаю на кровать, и сразу же после этого Лилит снова забегает в мою комнату. Следом за ней появляется Сэм.

– Мы просто хотели посмотреть, осталось ли от тебя хоть что-то, – любезно объясняет он, – но, судя по всему, тебя сложно запугать.

Я сажусь на кровать, наливаю ликер в бокалы и подаю один из них Сэму.

– За независимость, – я чокаюсь с ними. – Не позволю ему меня отшлепать. Передай ему это.

Сэм взрывается смехом, как и Лилит.

– Этим он тебе угрожал? – спрашивает она, наконец успокоившись.

Я киваю.

– Сразу же после того, как он спросил, не запрещал ли он мне бродить по Дворцу дожей и тайно встречаться с Кассиэлем, – я изображаю его высокомерный тон.

– Тебе стоит быть более сдержанной, – ухмыляется Сэм. – Он обычно не выходит из себя так быстро, но Рафаэль может действительно быть опасен. И Кассиэлю бы я тоже не доверял.

– Да-да, – отвечаю я. – Плохая, непослушная Мун, – мне пора уже прекратить пить эту сладкую штуку. Она пытается заставить меня бежать за Люцифером и бросать в его головы разные предметы.

– Веришь ты или нет, он за тебя волнуется, – решительно говорит Лилит. – Люц не хочет, чтобы с тобой что-то случилось.

– Конечно, ведь я могу стать его очень ценным ключом в рай, – отвечаю я. – Поверь мне, если бы я стопроцентно знала, что я ключ, я бы в это самое мгновение побежала бросаться вниз с балкона лишь для того, чтобы эти проклятые врата никогда не открылись.

Сэм тут же бледнеет, а Лилит просто сидит с открытым ртом.

– Ты же несерьезно? – спрашивает она некоторое время спустя.

– Еще как серьезно, – тихо отвечаю я. – Именно это я и хотела сказать.

– Только ему этого не говори, – голос Сэма становится серьезным, как никогда раньше. – Тогда он тебя свяжет и приставит к тебе охрану. Не испытывай терпение Люцифера. Он тебе очень многое прощает.

Эти слова заставляют меня забыть о своем упрямстве куда быстрее, чем угрозы Люцифера. Я все время забываю, кто я такая и кто находится рядом со мной. То, что в этих шикарно обставленных комнатах уютно и безопасно и то, что я могу в любой момент получить то, что прошу, совсем не значит, что я не нахожусь на вражеской территории. Я должна быть благодарной Сэму за то, что он спустил меня на землю.

– Может, тебе стоит еще раз с ним пообщаться, – предлагает Сэм, взяв Лилит за руку. – Вам стоит выговориться.

Выговориться? Мы постоянно ссоримся. Им с Лилит куда полезнее было бы выговориться. Она просто должна сказать ему, что она чувствует к нему. Но я не эксперт в таких вопросах и не пойду к Люциферу сейчас.

Когда они оба уходят, я немного прибираюсь в комнате. Одурманивающее действие ликера улетучилось, о чем я сожалею. Тем не менее я отставляю бутылку в сторону, прежде чем меня атакуют глупые мысли и я выпью ее в одиночку. Я бы отдала все за то, чтобы сейчас проскользнуть в четвертый небесный двор к Фели и обсудить с ней наши дальнейшие действия. Интересно, ангелы четвертого небесного двора уже спят? Риск оказаться пойманной ими, вероятно, слишком высок. Но есть кое-что другое, что я могу сделать. Я должна попытаться попасть в кабинет Люцифера. Это давно пора сделать и после того, что произошло сегодня вечером, это стало важнее, чем когда-либо. Он планирует что-то, и в целом меня это не удивляет. Люцифер слишком спокойно ведет себя с другими архангелами, если вспомнить, что они с ним сделали. Я вдруг снова вспоминаю самую важную информацию, которую он раскрыл мне. Архангел сказал, что общается с Сариэль лишь для того, чтобы Рафаэль не обращал внимания на меня. Почему он не посвятил меня в этот заумный план раньше? Разумеется, после всего этого представления на аукционе Раф должен был понять ситуацию неправильно. Сариэль ничего не значит для Люцифера. Почему я вообще раньше не думала об этом? Она рассказала Рафаэлю, что Люцифер захотел сесть на трон Божий лишь потому, что он ее отшил. Она, должно быть, знала, что произойдет после этого. Теперь она такая же шахматная фигура в игре Люцифера, как и я. Но я не позволю ему управлять мной или убрать меня с поля. Он, может быть, и король, но я ферзь в этой игре.

Я еще несколько часов жду, пока на улице не стемнеет, а из салона до меня не перестанут доноситься звуки. Затем я осторожно открываю дверь и выскальзываю в коридор. Я внимательно осматриваюсь, чтобы Люцифер не подкараулил меня где-нибудь в очередной раз. Но он либо улетел на небеса, либо остался в своей комнате. У двери, ведущей из покоев, я останавливаюсь и прислоняюсь ухом к дереву. Что я скажу, если там окажутся стражники? Я должна пойти на этот риск и все еще могу сделать вид, что я просто лунатик. Я осторожно опускаю ручку вниз и открываю дверь. Я с облегчением выдыхаю, узнав, что никто не стоит у меня на пути. Почти все факелы в коридоре уже потухли. Это хорошо, потому что тогда никто из ангелов других небесных дворов не станет перебегать мне дорогу. Для них уже слишком темно. Я закрываю дверь и как можно быстрее бегу к коридору южного крыла, а затем заворачиваю в восточное. Когда я добираюсь до лестницы, ведущей в его кабинет, я выдыхаю. Первое препятствие я преодолела. В этом коридоре очень темно. Но мне понадобится свет, если я хочу что-то найти в его кабинете. Чуть дальше горит факел, и я вытаскиваю его из подставки. Затем я поднимаюсь по ступенькам. У двери я останавливаюсь, чтобы послушать, что происходит в кабинете: вдруг Люцифер все еще там. Если он застукает меня, я скажу, что хотела извиниться перед ним за свое неправильное поведение. Он может поверить в это или закрыть на это глаза. Я опускаю ручку вниз, но она не двигается. Пару лет назад Феникс учил меня тому, как вскрыть замок с помощью невидимки. Он говорил, что я должна быть в состоянии в любое время отвести Стар в безопасное место. До этих пор мне не приходилось пользоваться этим навыком, но я надеюсь, что и с этим допотопным замком все сработает. Я вытаскиваю заколку из кармана брюк и вставляю ее в отверстие. Мне потребовалось немного времени прежде всего потому, что мои ладони вспотели. Чем дольше

я здесь стою, тем выше вероятность того, что меня поймают. Даже если я нигде не видела стражников, наверняка где-то есть еще и патруль, который регулярно контролирует коридоры.

Наконец-то я слышу щелчок, и дверь с тихим скрипом открывается. Я беру факел и исчезаю в комнате, в которой была уже дважды. Так как у меня совсем немного времени, я сразу же направляюсь к письменному столу, заваленному бумагами. Я зажигаю керосиновую лампу и проверяю стопку листов. Многие из них – документы о строительстве, чуть позже я замечаю заказы продуктов и списки книг. Почерк чистый и четкий, но эта информация меня не интересует. Я ищу кое-что другое. Аккуратно кладу все на место. Люцифер ни за что не должен узнать, что я была здесь. Затем я поворачиваюсь к ящикам стола, но там тоже ничего не нахожу. Лишь один ящик закрыт. Здесь моя невидимка снова приходит мне на помощь. Возможно, верить в то, что Люцифер прячет в этой комнате какие-то тайные бумаги, наивно, но я должна хотя бы попробовать. Замочек сдается под моим натиском, и, когда я открываю ящик, я тут же обнаруживаю в нем еще одну стопку бумаг. Эти документы определенно старше, чем бумажки, которые я видела на столе. Начинаю перебирать их достаточно быстро и понимаю, о чем идет речь, хотя текст не совсем похож на то, что я знаю из Священных Писаний. Это вырезки из Откровения, книги, также называемой «Откровение Иоанна». В ней описывается, что должно произойти в день Апокалипсиса. Апостол Иоанн был одним из самых близких учеников Иисуса, он автор этого Откровения, которое, если принимать во внимание сегодняшние знания людей, звучит как предсказание конца света.

«Вокруг трона Господа стоят другие троны, на которых восседают серафимы и архангелы. Вокруг стоят семь херувимов с факелами в руках, а ключи стоят у их ног, благословенные. Каждый ключ говорит святые слова, и появляется первый из четырех всадников. Он сидит на белой лошади и держит в руках лук и стрелы. Второй сидит на огненно-красной лошади и держит меч в своих руках. Третий, восседающий на черной лошади, держит в руках весы. А четвертый всадник на бледной лошади – это смерть. Он получит власть над четвертью земли».

Когда я читаю это, по моей коже бегут мурашки, ведь я понимаю, что Люцифер имел в виду. Это то, к чему он стремится? Получить власть над четвертью земли? Я быстро листаю дальше, хотя с радостью прочла бы каждое слово, но времени у меня мало.

«Град и огонь, смешанные с кровью, падают на землю. Треть земли сгорит, горящая гора упадет в море. Треть живых существ будет уничтожена. Треть воды станет горькой, а многие люди умрут. А семь ангелов прольют семь золотых чаш гнева на этот мир».

Я листаю дальше, потому что не хочу читать об ужасах, которые потом обрушатся на людей. Я знаю эту часть повествования почти наизусть.

«Земля и небо исчезнут. Книга жизни откроется, и новое небо, и новая земля будут созданы».

Это место в книге подчеркнуто. Новая земля. Новая земля, которая будет на четверть принадлежать Люциферу. В этом состоит его план?

Звук, исходящий откуда-то неподалеку, пугает меня. Затем я слышу голоса и шаги. Убираю бумаги обратно в шкаф и трясущимися пальцами закрываю его. Мое сердце колотится о грудную клетку, и я прислушиваюсь. Но я либо ослышалась, либо тот, кто был здесь, ушел. Я должна буду рассказать об этом Алессио, Пьетро должен знать, что затеял Люцифер. Чтобы прочитать оставшиеся бумаги, я вернусь сюда в другой раз.

Чем больше времени я провожу с Лилит, Наамой, Сэмом и Баламом, тем сложнее мне становится считать их своими врагами. Хоть Балам из них и самый тихий, мне кажется, что он самый надежный. Лилит заботится обо мне, заходит за мной в комнату перед тем, как мы идем трапезничать, и сопровождает меня на последние тренировки. Мы с Люцифером просто игнорируем друг друга и стараемся не попадаться друг другу на глаза. Теперь, когда я знаю, что он задумал, я этому даже рада.

Я больше не прошу Сэма отпустить меня к брату и сестре, хотя мне сложно дается это решение. Наама, видимо, сдержала свое обещание и никому не рассказала про Стар, так она в большей безопасности. Я рассказала Алессио о том, что выведала. Он отругал меня за то, что я подвергла себя такой опасности, но пообещал передать информацию Пьетро. Я ломаю голову над тем, что произойдет, если план Люцифера осуществится. Как он собирается все это провернуть? Что случится с его братьями, и знают ли они это предсказание? Что он им рассказал насчет того, что случится после открытия врат рая? И сколько времени он уже вынашивает этот план? Земля и небо исчезнут. Книга жизни откроется, и новое небо и новая земля будут созданы. Если небеса исчезнут, что станет с тысячами ангелов? Не то чтобы мне было их жаль, ведь они нас не жалеют. Люцифер планирует остаться на земле со своими последователями и потомками нефилимов? Это все-таки их прапрапраправнуки. Чем больше я размышляю об этом, тем больше вопросов появляется в моей голове. Я должна вернуться в кабинет Люцифера и прочесть полный текст. Наверняка тогда я узнаю больше.

Снова наступает темная ночь, и я жду, пока не воцарится тишина. В это время я взвешиваю все «за» и «против» этого мероприятия еще тысячу раз. Если кто-то меня поймает, я буду наказана. В прошлый раз мне повезло, но не факт, что мне снова улыбнется удача. Я лишь надеюсь на то, что большинство ангелов остались в своих покоях или улетели на небеса. Туда, где всегда светло. Мне нужно раскрыть тайну Люцифера. Его поведение загадочное, как глубины океана. Он может быть мягким защитником, а затем отталкивающим и бесчувственным. Я вообразила себе, что я нравлюсь ему и между нами есть какая-то связь. Но у архангела получилось пресечь развитие этой мысли в самом ее зарождении. Даже если я ему больше не важна, он всегда остается верен мужчинам и женщинам своего небесного двора. Как далеко зайдет Люцифера, чтобы их защитить? Готов ли он пожертвовать всеми людьми нашей планеты ради этого? Это он превратил нас в тех, кем мы являемся. Думающие существа, способные самостоятельно принимать решения. Правильные и неправильные, хорошие и плохие. И теперь он хочет наказать нас за это?

Я закрываю за собой дверь, ведущую в покои Люцифера, и выхожу на открытую лоджию дворца, бросая взгляд на внутренний двор. Скала деи Гиганти выглядит покинутой, как и фонтан с другой стороны двора. Если кто-то и

прячется в арках, я отсюда его не увижу. Я вдыхаю ночной воздух. Босиком иду по монохромной холодной тераццо. Все время я держусь в тени. Если бы я была потомком легендарных нефилимов, взял бы меня Люцифер с собой в новый мир?

– Приятная ночь для прогулки. – Голос Люцифера такой теплый и мягкий, словно ветер, поглаживающий траву, которая растет в нашем садике весной. – Ты куда собралась?

Я смотрю наверх. Он стоит на самой верхней ступеньке лестницы и смотрит на меня. Над ним блестит богато украшенный потолок золотой лестницы. В тусклом свете можно разглядеть некоторые детали роскошного украшения.

Мое сердце поднимается к горлу, но я стараюсь сделать так, чтобы Люцифера не заметил моей нервозности, и выпрямляю спину. Просто представить себе не могу, что бы он со мной сделал, если бы он увидел, как я копаюсь в его документах.

– Я хотела встретиться с Фелицией, – говорю я первое, что приходит мне в голову. – Но она не пришла.

– Конечно, не пришла, другие архангелы запирают своих испытуемых на ночь. Я уверен, ты знаешь об этом. Тебя что, отшил Кассиэль? Он что, совсем идиот, просить тебя прокрасться сюда ночью?

– Я не договаривалась с Кассиэлем о встрече, – отрицаю я. По крайней мере, меня здесь поймал Люцифер, а не какой-нибудь другой архангел. – Я могу и тебя о том же спросить. Тебя что, продинамила Сариэль? – Очень стыдно бросаться подобными замечаниями, но пусть он лучше думает о том, что я все еще ревную, чем о том, что происходит на самом деле. Если раньше Люцифер посвящал в свои планы лишь Сэма и Форфакса, ему не понравится, если он поймет, что я тоже в курсе. Услышав мое замечание, он делает глубокий вдох и спускается по ступенькам.

– Сегодня я не встречался с Сариэль, – говорит он, проводя рукой по волосам. – Мое желание защитить тебя не настолько велико, чтобы я с ней еще и ночи проводил, – он криво улыбается. – Ты все еще злишься на меня, не так ли? Я не должен был слушать, как она тебя оскорбляет. Тебе все еще больно. – Люцифер делает шаг в мою сторону. – Мне очень жаль.

Почему он вообще говорит об этом? От удивления я прислоняюсь к стене. Люцифер открыто смотрит на меня, и я не могу ничего с собой поделать, кроме как поверить ему. Стена, возведенная вокруг моего сердца для того, чтобы я не влюблялась в ангела, начинает рушиться.

– Это не причинило мне боли, – на всякий случай я скрещиваю руки на груди, чтобы Люцифер не подошел еще ближе, но он упирается руками в стену по обе стороны от меня. Теперь моя очередь резко втягивать воздух.

– Что же с тобой тогда случилось?

– Это больше не имеет значения. Если я не умру на последнем испытании, я покину твой двор. И будь что будет.

Пусть отведет меня обратно в свои покои и перестанет задавать вопросы. Мы не должны оставаться наедине.

Что-то в его глазах загорается.

– Ты пойдешь в четвертый небесный двор?

Я пытаюсь оттолкнуть архангела и упираюсь руками в его грудь. Она как стена. Очень крепкая и теплая стена.

– Да, может быть, я пойду в четвертый небесный двор. Это неплохая альтернатива. Я в любом случае не позволю Рафаэлю себя избить.

– Я не отдам тебя никому из них, – рычит Люцифер.

– Не отдашь? Ты вообще себя слышишь? Я и сама могу решить, в какой небесный двор пойду, и почему я вообще должна оставаться в твоем? У Фелиции все хорошо во дворе Михаэля. – Я ударяю его в грудь кулаком. Возможно, было бы разумнее спросить его о планах вместо того, чтобы играть ревнивую стерву. Эта роль мне не подходит.

– Дай мне пройти.

Он хватает мою руку и крепко ее держит.

– Только тогда, когда мы все выясним.

– Ну хорошо, – говорю я, потому что не смогу иначе от него избавиться.

– Хорошо? – в замешательстве повторяет Люцифер.

– Я принимаю твое извинение и прощаю тебе, что ты назвал меня мусором, – говорю я так собранно, как это только возможно. – Если от этого тебе будет спокойнее.

Люцифер поджимает губы и выглядит так, будто вот-вот взорвется. Чего он еще от меня хочет? Я что, должна броситься ему на шею или упасть перед ним на колени?

– Мун, – тихо произносит Люцифер мое имя, хотя куда охотнее бы он, видимо, на меня накричал. – Я совершил ошибку и пытаюсь извиниться перед тобой за это. Почему ты всегда пытаешься все усложнить? Мы что, не можем снова стать друзьями?

– Мне куда проще тебя ненавидеть, – говорю я единственное, что могу придумать. Я не буду беспокоиться о его чувствах. – Потому что я скоро умру, а ты живешь вечно.

– И что, получается? – Он наконец делает шаг назад. – Ты меня ненавидишь?

Я не могу смотреть на него и качаю головой.

– К сожалению, нет. – Возможно, я просто не способна кого-то по-настоящему ненавидеть. Я хочу обойти Люцифера, потому что не хочу оставаться с ним наедине, но он меня удерживает.

– То, что я тебе сейчас скажу, не очень разумно. И тем не менее я хочу, чтобы ты это знала, – тихо говорит он. Нас окружает темнота, а его рука касается моей шеи, пока другая гладит меня по спине. Люцифер притягивает меня к себе. Его движения такие медленные, что я могу остановить его, если захочу. Его дыхание касается моей щеки, а мое сердцебиение ускоряется. Я чувствую его теплые пальцы.

– Я собираюсь сорвать планы своих братьев, – шепчет он. – Они не смогут претендовать на рай. По крайней мере, если мне удастся предотвратить открытие врат. Они не заслужили его.

– Значит, ты собираешься нас спасти? – беззвучно спрашиваю я. – Мы не все умрем?

– Господь знает, как я хотел бы пообещать тебе это, но я не могу. При этом ты заслужила и жизнь, и любовь. Ты можешь просто довериться мне? Что бы я ни сделал и ни сказал? – Его губы касаются моего уха, а затем наши лбы соприкасаются. Его туман окружает нас, скрывая нас от лунного света.

– Только если ты будешь со мной честен, – нерешительно отвечаю я. – Если у тебя не будет от меня тайн.

Мне бы так хотелось погрузить руки в его волосы и притянуть его к себе еще ближе. Но я этого не делаю. Вместо этого я немного отстраняюсь от Люцифера и смотрю в его сияющие глаза цвета дождя.

– Я не могу рассказать тебе о своих тайнах. Пока что не могу. – В его голосе звучит сожаление. – Это слишком опасно. Для тебя, для меня, для всех нас.

И тем не менее он ожидает, что я буду ему доверять. Вся моя жизнь – одна сплошная опасность. Люцифер не понимает этого? С тех пор как я себя помню, я боролась за каждый спокойный час. Его пальцы все еще гладят мою шею. Это так приятно. Мне бы хотелось, чтобы я могла просто сказать «да» и сделать то, что он от меня требует. Чтобы я могла просто прислониться к нему и забыть о своих страхах. Чтобы я была способна просто положиться на него и не волноваться больше о своих проблемах. Но так не будет.

– Я не могу доверять тебе, пока ты не до конца со мной честен, – с тяжелым сердцем говорю я. – И не надо так меня трогать. – Чего он вообще этим добивается? – Кто-нибудь может увидеть нас и рассказать об этом Рафаэлю – это маловероятно, потому что для остальных ангелов сейчас уже слишком темно. Но ничего другого я не придумываю.

Люцифер неуверенно отстраняется от меня, и я вижу в его глазах разочарование.

– Ты хотя бы сохранишь это в тайне? Если Сэм узнает, что я рассказал тебе хоть что-то, он перестанет со мной разговаривать.

– Ты мне ничего и не говорил.

Он кивает:

– Этого будет более чем достаточно.

Мы молча идем обратно в его покои. Люцифер расстроен, и я почти физически чувствую его разочарование. Он доверился мне, открыл свою тайну, а я его отвергла. Я должна хоть что-нибудь сказать, но не нахожу подходящих слов. Неужели он не понимает, что для меня все это тоже нелегко? Я никогда не сравнивала его с Кассиэлем, Люцифер он все еще был и остается ангелом. Когда наши руки соприкасаются во время ходьбы, я хочу взять его ладонь в свою руку. Воспоминание о том, как мы переплетали пальцы рук, когда шли на испытание, такое яркое, что я чувствую покалывание в своей руке. Тем не менее я запрещаю себе делать то, что хочу. Когда мы подходим к моей двери, я поворачиваюсь к нему и смотрю ему в лицо. Люцифер спокойно стоит передо мной. Большой, опасный и мрачный. Со сложенными крыльями. Но его глаза искрятся теплом. Я аккуратно кладу руки на его пояс. Он молчит, когда я опускаю лоб на его грудь. Вдыхаю его аромат, чувствуя тепло его кожи и слыша стук его сердца. Но я не позволю себе больше, чем это прикосновение. Я не могу требовать от Люцифера большего. Это так не работает.

– Я подумаю над тем, чтобы начать тебе доверять, – тихо обещаю я, а затем отстраняюсь от него и исчезаю в своей комнате раньше, чем совершу еще какую-нибудь глупость.

Только когда я лежу в кровати и думаю о том, что он мне сказал, я понимаю, насколько велика пропасть, через которую он перепрыгнул ради меня. Однажды женщина уже предала его, рассказав о его планах братьям, но различие состоит в том, что она на самом деле лгала о нем другим. Но мне в руки Люцифер вложил оружие, с помощью которого я могу окончательно его уничтожить. Потому что я запросто могла бы пойти к Габриэлю и рассказать о том, что знаю. Я могла бы попросить архангела первого двора пощадить мою семью и взять нас с собой в рай в качестве платы за мое предательство. В тот раз Люцифер уже проиграл своим шести братьям, почему он должен победить в этот раз? Но все-таки я знаю, что не стану доносить на него. Я сохраню его тайну. Но, может быть, мне надо было рассказать ему о плане Пьетро взамен? Он был со мной честен. Разве я не должна ответить ему взаимностью?

Мы с Лилит и Наамой остаемся в салоне. Большинство ангелов уже давно разошлись по своим комнатам. Люцифер тоже некоторое время назад удалился, даже не поговорив со мной. Весь день он наблюдал за мной так, будто ожидал от меня какого-то действия. Но я его разочаровала. От осознания того, что меня от него отделяют всего несколько стен, у меня по коже пробегают мурашки. Я бы с радостью с ним поговорила, но я не знаю, что сказать. Завтра вечером состоится последнее испытание, и я не могу спать, потому что мне беспокойно. Из-за испытания и из-за вчерашней ночи. Хотя его прикосновения были безобидными, я все еще чувствую покалывание на своей шее.

Сэм подходит к нам, встает позади Лилит и кладет свои руки на ее узкие плечи.

– Ты полетишь со мной на небо? – спрашивает он. – Наши… – ангел на мгновение останавливается. – Мои комнаты уже готовы. Мы можем вместе их осмотреть.

Наама внезапно фокусирует все свое внимание на кусочке яблока, а я делаю глоток чая из чашки.

– Я лучше останусь с Мун, – говорит Лилит удивительно уверенным голосом. – Лучше сам осмотри свои комнаты. Ты в любой момент сможешь мне их показать. Она больше во мне нуждается сейчас.

– Конечно. – Лилит никогда ему ни в чем не отказывает, и этот ответ явно его удивляет. – Ты уверена? – Сэм наклоняется к ней, чтобы посмотреть ей в глаза. – Все в порядке? Я тебя чем-то обидел?

Она некоторое время размышляет, а затем качает головой.

– Ладно. Тогда увидимся завтра. – Он целует ее волосы, и я впервые вижу что-то подобное с его стороны. С тех пор как я знаю их, Сэм никогда не делал ничего, что можно было бы трактовать как знак того, что она для него – что-то большее, чем какой-нибудь другой дружественный ангел.

Сэм качает головой, и по его лицу видно, что он размышляет о произошедшем. Может быть, в будущем он перестанет воспринимать Лилит как само собой разумеющееся.

– Давно пора было отказать ему, – говорит Наама. – Если Адам не мог жить с самодостаточной женщиной, это не значит, что и остальные не смогут. От одного «нет» он явно не умрет. Тебе не нужно перед ним притворяться.

Лилит делает глубокий вдох:

– Я это знаю.

– Он уже давно не нуждается в твоем сочувствии и жалости, – хладнокровно поучает Наама. – Почему ты не признаешься ему в своих чувствах? Это из-за того, что тебе все еще стыдно перед Леей? Нельзя предать мертвого.

– Я в курсе, мисс всезнайка. А что происходит между тобой и Алессио? Вы тоже явно не демонстрируете свои отношения.

– А еще мы не знаем друг друга десять тысяч лет, – наносит ответный удар Наама, – и кроме того, нашу ситуацию нельзя сравнивать с вашей.

– Это что, запрещено? – спрашиваю я. – Люцифер что, запрещает вам любить людей?

Наама громко смеется:

– Люцифер? Да ни за что. Как раз напротив. Он поздравит меня, если я влюблюсь не в ангела.

– А что, Серафиэля вообще не беспокоит то, что Сариэль так открыто обжимается с Люцифером на публике? – спрашиваю я. Даже если это просто представление, это странно. Интересно, ангелы хранят друг другу верность? Мне давно нужно было этим поинтересоваться.

– У Серафиэля есть свои любовницы, – говорит Лилит. – Большинство ангелов не способны состоять в моногамных отношениях. Сариэль давно уже положила глаз на Люцифера, – объясняет Лилит. – Еще когда он был намного младше. До всех этих войн.

– Не надо было ему с ней связываться, – говорит Наама. – Именно тогда и начались все проблемы. Хотя Сариэль и причинила ему столько вреда, она не может просто так его оставить.

– Она ведь очень красивая, – говорю я, делая глоток чая из чашки.

Брови Наамы резко поднимаются.

– Возможно, но на этом ее положительные качества заканчиваются.

Лилит громко хихикает, а я ухмыляюсь.

– Люцифер был очень польщен, когда она обратила на него внимание, – продолжает свой рассказ Наама. – Она все-таки серафим. Он не мог ей противостоять, да и никто не ждал этого от него. Ошибка Люцифера состояла в том, что он отвернулся от нее, когда понял, кто она такая. Ни один мужчина не может безнаказанно уйти от Сариэль. Она была вне себя от ярости и начала настраивать своего мужа и других архангелов против него. Особенно Рафаэля, который жаждал ее с момента своего создания. У Люцифера не было ни единого шанса против ее ядовитой натуры.

– А у нее было что-то против него?

– Конечно, нет, – Наама пожимает плечами. – Но ничего и не было нужно. Люцифер являлся любимым сыном нашего отца, а потом еще и получил самую красивую женщину на небесах. Когда Сариэль соблазнила Габриэля и Рафаэля, они были готовы есть с ее рук. То, что Люцифер ее отверг, было непростительно. Сариэль не могла оставить этого просто так, иначе бы все на небесах над ней насмехались. Поэтому она шепнула Габриэлю и Рафаэлю, что Люцифер планирует захватить трон своего отца. Он якобы рассказал ей это в постели, и оба архангела охотно в это поверили.

– Но ведь это было правдой, – растерянно говорю я. – Он был зол, что Бог наградил нас, людей, слишком большой силой. Адам знал тайные имена ангелов.

Лилит смотрит на меня с жалостью.

– Это история, которую рассказывают сегодня. Но она неправдива, и Адам вообще ничего не знал. Точно не тайные имена ангелов. Это просто чепуха.

– Значит, эти писания – неправда?

– Истории всегда пишутся победителями, – говорит Лилит, протянув руку за клубникой. – А победителями в той ситуации были Рафаэль, Габриэль, Михаэль и другие архангелы. После того как людей изгнали из рая, архангелы рассказывали всем свою собственную правду.

Я хмурюсь.

– И, несмотря на всю ту боль, что они причинили ему и вам, архангелы верят, что он их простил? – они так наивны? Что, если у них тоже есть свой тайный план? Я не могу запретить себе переживать за Люцифера, хотя он последний, за кого стоит волноваться. Может быть, они просто используют его. Но разве я не делаю того же?

Лилит и Наама обмениваются взглядами.

– Десять тысяч лет – очень долгое время даже для ангелов, – осторожно говорит Лилит. – Некоторые вещи представляются тебе в ином свете, о некоторых ситуациях начинаешь думать иначе. Я не стану сомневаться в мотивах Люцифера. Он спас мою жизнь, и я последую за ним куда угодно.

Вряд ли она последует за ним к уничтожению человечества. Возможно, Семьяса рассказал ей больше.

– У Люцифера с Сариэль все несерьезно, – говорит Наама, подбираясь ближе к правде, чем ей кажется. Или она знает о том, что Люцифер пытается защитить меня с помощью этой уловки?

– Я думаю, он просто хочет позлить Габриэля и Рафаэля. После того как Люцифера наказали, она больше никогда не проявляла интереса ни к одному из них. А как только он вернулся, Сариэль больше от него не отлипала. Мне почти жаль ее, она, наверное, любит его какой-то своей странной любовью. Но он никогда не ответит ей взаимностью. Она просто не в его вкусе.

Я не хочу слышать, кто в его вкусе, но Наама все равно решает выкрикнуть эту информацию:

– Люцифер больше любит всяких упрямиц, которым он совсем не нравится.

Я закатываю глаза. Ангелы вообще могут придерживаться одной темы разговора?

– Наши разговоры всегда должны этим заканчиваться?

– «Этим» – это чем? – наигранно спрашивает Наама, рассматривая свои покрытые черным лаком ногти.

– Ну, ты сама понимаешь. Вот это все, кто с кем связан и кто кому нравится. Кто к кому ревнует. Это все, чем вы интересуетесь?

Наама становится очень серьезной.

– Если бы тебя когда-нибудь на десять тысяч лет заперли в темноте, ты бы тоже узнала, в чем истинный смысл жизни.

После этих слов я чувствую себя виноватой.

– Мы потеряли свои семьи, наших мужей, жен и детей. Все, чего мы хотим, – мирного сосуществования и чтобы рядом были люди, которых мы будем любить и которые будут любить нас в ответ. Нет ничего важнее этого, и ты сама это знаешь, – она явно намекает на Стар, но ничего не говорит.

– Конечно. Извини.

Наама улыбается:

– А еще мы ценим красивую одежду, украшения, хорошее вино и еду. Ты бы видела наш дворец до уничтожения! Он был самым красивым из всех.

Лилит зевает.

– Ты просто невозможна! Нам нужно идти спать. Как ты на это смотришь? – Она поворачивается ко мне: – Как ты думаешь, ты сможешь заснуть сегодня? Сэм еще потренируется с тобой завтра утром.

– Я могу попытаться. – Я встаю, хотя и не верю в то, что смогу сомкнуть глаза этой ночью.

– Ты пройдешь это испытание, – говорит Наама. – Мы все в тебя верим. – Она обнимает меня. – Я рада, что мы стали чем-то вроде подруг, даже если поначалу я была к тебе не очень добра.

– Все в порядке. Если я не выживу, – нерешительно говорю я, потому что ее слова звучали как что-то вроде прощания, – позаботься об Алессио.

Она кивает, и мне очень хотелось бы попросить ее взять еще и Стар и Тициана с собой в рай. Ну, или куда там нацелились Люцифер и его последователи. Даже если я умру, он, наверное, все равно сможет осуществить свой план.

– Не рискуй слишком сильно. На моей памяти были испытания, во время которых не выиграла ни одна девочка. Ты не обязана проходить испытание до конца. Последнее задание будет решающим. Подумай об этом.

Я стою у окна и смотрю на луну и звезды. Небесные дворы ангелов ярко светятся. Интересно, Люцифер сейчас там или в своей комнате? Думал ли он сегодня о вчерашней ночи так же часто, как я? Может, мне стоит осмелиться отправиться на его поиски? Возможно, я должна сказать ему о том, что я ему доверяю, даже если это неправильно? Но я делала ошибки хуже этой, а он заслужил мое доверие. Было слишком по-детски прятаться от него и не давать ему шанса выговориться. Люцифер заслужил большего.

Я покидаю комнату, иду по темному коридору и не могу дождаться, когда наконец дойду до его двери. Я тихо стучусь в нее.

– Входите, – слышу я его голос. Уже слишком поздно, чтобы отступать, и я открываю дверь. Эта спальня намного больше и красивее моей, но я смотрю

только на Люцифера. Архангел стоит у окна. Если он и удивлен, увидев меня здесь, то не подает виду.

– Снова не можешь уснуть? – мягко спрашивает он.

Я качаю головой.

– Иди сюда.

Я подхожу к нему и встаю рядом. Над нами расстилается ночное небо со своим бесчисленным множеством звезд.

– Иногда я мечтаю о том, чтобы мой отец сделал меня обычным ангелом. Я бы так хотел быть тайным ангелом и проводить свое время в библиотеке. Или управлять звездами, – он тихо смеется. – Моя жизнь бы была намного проще. Возможно, я никогда бы не оказался на земле и никогда не познакомился с людьми.

– Ты зол на него за то, что он предопределил твою судьбу таким образом?

– Раньше я злился. Сейчас уже нет.

Мое сердцебиение учащается, когда Люцифер поворачивается ко мне лицом.

– Ты боишься последнего испытания?

Я киваю.

– Будет ли какой-то толк, если я помолюсь? Мне это поможет?

– Если ты попросишь его о помощи, это явно не навредит.

– Как он вообще выглядит? Ну, Бог? Ваш отец? – Я извиваюсь от смущения, но мне правда это интересно.

– Он и ваш отец тоже, – медленно отвечает Люцифер.

– Мы скорее приемные дети, – отвечаю я, улыбаясь.

– Это не так. Отец дал Адаму право давать имена всем вещам на свете. Ни одно существо во вселенной, кроме людей, не имеет такого права.

– Нам это не очень помогло.

– Потому что вы неправильно пользуетесь этим правом, – говорит он. – Адам так и не понял, какой подарок вы, люди, получили от отца.

– Мы его разочаровали? Поэтому он больше с нами не общается?

– Еще как общается, – снова серьезно отвечает Люцифер. – Вы просто не слышите его. Вы перестали верить в него задолго до того, как мы вернулись.

– Только потому, что он позволял слишком многим ужасным вещам случаться.

Люцифер жалостливо смотрит на меня.

– Ужасные вещи вы совершаете сами по себе. Вы сами несете за них ответственность.

– Он мог предотвратить многие вещи, если бы хотел.

– И как он должен был это сделать? Он должен осуждать людей, которые, по-твоему, делают плохие вещи и причиняют зло другим? Он должен выбирать виновных в человеческих бедах и наказывать их за вас? Он дал вам разум, чтобы думать, и руки, чтобы действовать. Вы ответственны за свои судьбы, как и мы – за наши. Или ты думаешь, он борется за меня? Нет, мне приходится делать это самому. На защиту каждого ребенка, который умирает от голода, должны встать десять взрослых людей. Но вы не делаете этого. Вы не защищаете ни своих детей, ни свою воду, ни свои деревья или животных. Вы и пальцем не пошевелили, но хотите, чтобы он вас спас? И это было бы доказательством, которое тебе нужно для того, чтобы поверить в него? Знаешь что? Ему плевать, верите вы в него или нет. Он не нуждается в ваших молитвах. Он не должен ничего вам доказывать, потому что ваше и наше существование – уже достаточное доказательство его присутствия. – Взгляд Люцифера скользит по небу. Его грудь поднимается и опускается, пока он пытается успокоиться.

– Извини меня, – тихо говорю я, положив руку на его предплечье. Но касаться его – значит, допустить ошибку. Я ощущаю тепло его кожи и мышцы под тонкой тканью его рубашки.

– Все в порядке, – говорит Люцифер. – Мы, ангелы, тоже увидели своего создателя лишь в момент, когда он нас сотворил. После этого мы общались с ним лишь в мыслях. Если я что-то спрашиваю у него, я получаю ответ. Кроме того, я слышу, когда он отправляет мне какое-то сообщение.

– Ты хочешь сказать, что вы общаетесь телепатически? – меня это удивляет.

Люцифер пожимает плечами:

– Называй это как хочешь. Я слышу его мысли, чувствую то, что чувствует он. Это разговор без слов.

– И в этих мыслях он приказал вам уничтожить нас?

– Нет, этого он не говорил.

– Я не хочу умирать, – тихо говорю я. Когда Люцифер ничего мне не отвечает, я осторожно спрашиваю: – Мне придется разгадывать загадки, плавать или куда-то лезть? Еще раз я с этим не справлюсь. Для вас нормально жить высоко в небе, но для нас, к сожалению, дело обстоит иначе. Ты можешь дать мне хоть маленький намек на то, что ждет меня завтра?

Люцифер этого не делает. Вместо этого его губы растягиваются в улыбке.

– Думаю, у тебя были бы потрясающе красивые крылья.

– Почему ты в прошлом не взял человеческую жену с собой в рай? – спрашиваю я первое, что приходит мне в голову. Я не хочу, чтобы он отправлял меня в свою комнату. Пусть поговорит со мной, пусть крепко меня держит. Но я боюсь, что даже это не отгонит мой страх сегодня.

Люц снова опирается руками на парапет.

– Может быть, потому, что я никогда не встречал женщины, которую мог полюбить так же, как Сэм полюбил Лею. Нам, ангелам, знакома идея любви, но мы скорее любим страстно. Любовь человеческая требует чего-то большего, чем любовь к телу. Еще один подарок отца вам. Сэм любил Лею больше, чем кого-либо когда-нибудь. Видеть, как она умирала, было худшим, что могло с ним произойти. Он бы с радостью пошел на смерть вслед за ней. Я боялся того, что любовь может сделать и со мной. Но, возможно, это являлось не единственной причиной, может, я просто хотел доказать братьям, что меня это не волнует. Они упрекали нас в том, что с помощью человеческих женщин мы удовлетворяем наши низшие потребности.

Я тяжело сглатываю.

– А что же тебя тогда волновало?

– Я хотел доказать им, что ангелы – не венец творения, как они всегда думали. Я хотел дать им понять, что люди становятся нам равны, когда мы делимся с ними своими знаниями. Я хотел доказать им, что отец не различал нас в момент создания. Будь то ангел, человек, животное или растение – мы все для него были равнозначными созданиями. Я долго размышлял над этим, прежде чем понять, – он улыбается мне. – Представляешь реакцию Рафаэля, когда я сравнил его с коровой? Он не был в восторге.

Я ухмыляюсь.

– В свою защиту хочу сказать, – продолжает он, – я тогда был еще молод. Люди очаровали меня, они были любопытными и жадными до знаний, а на небесах было ужасно скучно. Вечность может быть утомительной.

– Да, – протягиваю я. – Мы, люди, вообще классные.

Люцифер так быстро хватает меня, что я и не знаю, что происходит. Он притягивает меня к себе и опирается на балюстраду так, что я оказываюсь в ловушке между его руками.

– Правда, есть люди, которые слишком любопытны.

Он что, намекает на мои расследования? Люцифер знает, что я была в его кабинете и копалась в его бумагах?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он гладит меня по волосам и целует мое плечо.

– И слишком сильно любят всякие авантюры.

Я чувствую приятное покалывание в своем животе.

– Это, к сожалению, мое самое выдающееся качество.

– Оно мне нравится. – Люцифер опускает руку на мою талию, проникает под тонкую ткань моей блузы и скользит наверх по моему телу. – Иначе ты бы не пришла в мою комнату.

Пульс ускоряется, когда он наклоняет мою голову назад и целует мой подбородок, а затем спускается вниз по шее. Я держусь за его плечи, чтобы не упасть. Это нереально. Это не может быть реальностью.

Люц тихо шепчет рядом с моей кожей:

– Как бы мне хотелось встретить тебя в другое время. – Чувства, которые пробуждают в моем теле его мягкие действия и слова, почти пугают меня.

– Мы не должны этого делать.

– Я знаю. Это глупо. Закрой глаза, – требует он.

– Зачем?

– Затем, что я со вчерашней ночи не могу думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы поцеловать твои веки. Я хочу поцеловать каждый сантиметр твоего тела. Хочу, чтобы ты перестала бояться, и хочу быть рядом с тобой.

Это он и делает. Люцифер целует мои веки и мои щеки, на секунду останавливаясь на моих губах, а затем он кладет руку на мой затылок. Я не могу отстраниться от него, да и не хочу. Я запускаю руки в его волосы и размыкаю губы. Поцелуй ощущается так, словно рай и ад столкнулись друг с другом. Это неправильно и в то же время так правильно! Я чувствую себя опьяненной и виноватой, но знаю, что не буду останавливать его. Больше не буду. Моя кожа горит.

– Я хотел тебя с того самого момента, когда впервые увидел тебя на арене, – шепчет он. – Но, я думаю, я всегда тебя искал.

Я провожу рукой по его крыльям и мышцам спины.

Всегда.

Эти слова снова и снова отзываются во мне, а все внутри смягчается и толкает меня к нему. Люцифер тихо вздыхает и вздрагивает. Кончики его пальцев гладят меня по голой коже на животе.

– Снимай это, – требую я, и секунду спустя он срывает с себя рубашку. Я впервые понимаю, какая сила скрывается в его потрясающем теле. У меня во рту все пересыхает, когда я вижу его перед собой.

Когда Люцифер снимает с меня блузку, мурашки пробегают по спине. В отличие от него у меня под блузой не голое тело, а тонкая сорочка. Он убирает лямку в сторону и скользит губами по моей шее. Он с наслаждением целует чувствительные места и всасывает воздух вместе с моей кожей. Мне

кажется, я готова умереть из-за того, как это прекрасно. Он аккуратно кусает меня, и я хватаю воздух ртом. Мне хочется большего, гораздо большего.

– У нас впереди вся ночь, если ты хочешь, – кажется, он чувствует мое нетерпение. – Я так долго ждал тебя и хочу наконец тобой насладиться.

– Главное, чтобы я не заснула в процессе.

Люцифер становится на колени передо мной и поднимает сорочку, смеясь мне в кожу. Его язык кружит вокруг моего пупка, и я постанываю от удовольствия. Прикосновение сражает меня, будто шоковая волна. На самом деле я должна бы сказать ему, что он должен прекратить, но вместо этого я лишь вздрагиваю, биение сердца сотрясает грудную клетку. Люцифер рычит, встает на ноги и поднимает меня. В этот раз я не сопротивляюсь, потому что он несет меня на свою кровать, кладет в середину и целует в шею, покусывая кожу и спускаясь к плечам. Мне так хочется большего.

– Пожалуйста, Люц, – шепчу я. Он сделал совсем немного, а я уже будто вся в огне.

– Тихо, – шепчет он. – Я не должен пропустить ни одного места.

Если бы я не была так возбуждена, я бы рассмеялась. Вместо этого я обхватываю его талию руками и притягиваю к себе. То, что я чувствую, лишает меня возможности дышать. Он через сорочку касается моей груди, и я задыхаюсь, когда его пальцы соскальзывают под резинку моих брюк.

– Я не собираюсь спать с тобой сегодня ночью, – шепчет он, к моему удивлению. – Потому что ты думаешь о завтрашнем дне. Но я заставлю тебя забыть о страхе. Хотя бы на некоторое время. – Легкими движениями он снимает с меня сорочку и брюки. Я лежу обнаженная на белой простыне, а его горящий взгляд изучает мое тело.

– Но я хочу этого, – шепчу я. – Пожалуйста, Люц.

Вместо того чтобы ответить, он раздвигает мои ноги, целует мои бедра и гладит меня по коленям. Он опускает руку на мой живот, заставляя меня лежать ровно, пока пытка продолжается. Но я хочу касаться его и чувствовать его. Я вцепляюсь руками в его плечи, пока Люцифер продолжает. Его длинные искусные пальцы подбираются ближе, и он касается моей груди. Мне кажется, что я умираю, когда эти пальцы гладят меня между ног, а язык чертит круги вокруг моей груди.

Мы растворяемся, и остаются только руки на мягкой коже, пальцы в волосах, губы и поцелуи. Я не знаю, как выдержать это, но Люц продолжает ласкать меня, пока я не теряю над собой контроль. Но и тогда он тоже не прекращает, а только шепчет мне на ухо слова о том, какая я красивая, как сильно он меня хочет и что он со мной сделает. У меня перед глазами сверкает темнота, тени и свет.

– Расслабься, – требует он, и во мне все взрывается. Я вижу огонь и звезды и словно распадаюсь на части. Люцифер прижимается ко мне губами и

целует меня, пока я кричу. В то же время его стон отзывается вибрацией в моем теле.

Когда мы перевели дух, он подтянул меня к своей груди. Я прижимаюсь к нему, в мыслях проклиная его брюки и самообладание. Он ничего не говорит, а только ласкает меня. Хоть я и не думала, что смогу заснуть этой ночью, я проваливаюсь в сон и вижу сны о нем. В этот раз это уже не чьи-то воспоминания, а видения о возможном будущем.

Глава XIII

Я просыпаюсь, когда солнце окрашивает небо в розовый цвет. На улице снаружи все еще тихо, а страх перед сегодняшним днем незамедлительно возвращается ко мне. Грудь Люца поднимается и опускается под моим телом. Я целую его теплую, гладкую кожу, но он не просыпается. Еще секунду я думаю над тем, чтобы продолжить его целовать и положить руки туда, куда он мне не позволил поместить их вчера, но Люцифер прав. Я не должна заниматься с ним любовью, пока страх не отступил. Я аккуратно поднимаюсь и пытаюсь отыскать свои вещи, а затем проскальзываю в свою комнату, ложусь в кровать и пытаюсь вспомнить каждую деталь вчерашней ночи. Если я выживу сегодня, я хочу большего. Я хочу получить больше Люцифера.

Лилит приносит мои вещи для тренировки в комнату.

– Я приготовила для тебя ванну, – говорит она, внимательно меня разглядывая. Интересно, по мне видно, чем я занималась прошлой ночью? Эта мысль просто смехотворна. Я следую за ней в ванную комнату. Коридоры выглядят покинутыми.

– А где все?

– Они заняты подготовкой к испытанию. Габриэль решил всех подключить к подготовке.

Я и знать не хочу, что за чертовщину они придумали в этот раз.

Можно точно сказать, что ангелы знают толк в роскоши. Я скольжу в теплую воду, закрываю глаза и расслабленно вздыхаю.

– Тебе удалось немного поспать? – спрашивает Лилит, уютно разместившись на подоконнике.

– Хм… – отвечаю я. Я хотела бы сказать ей, что провела ночь с Люцифером, и спросить ее о том, всегда ли все происходит так. Мой опыт отношений с

мужчинами достаточно небольшой. На самом деле у меня был только один – Алессио, и то, чем мы с ним занимались, происходило много световых лет назад. Но я не знаю, хотел ли бы Люцифер, чтобы кто-то знал о произошедшем между нами. Существует ли это «мы» вообще? Я хочу этого, очень хочу, но есть ли у меня на это право? После того, что случилось с девушками, после того, что каждый день происходит по вине ангелов в моем городе, и того, что будет сегодня вечером?

Когда я приняла ванну и собралась, мы с Сэмом проводим легкую тренировку. Я даже не вспотела, и думаю, Семьяса просто пытается отвлечь меня. Все это время я думаю о том, проведем ли мы с Люцем и следующую ночь вместе. Если я выживу.

– А Алессио придет? – спрашиваю я у Наамы, которая встречает меня вечером. Она качает головой. – Габриэль запретил.

– Почему?

– Никто не спрашивает первого архангела о его мотивах, – рассерженно отвечает она. На ней униформа. Наама обычно не надевает ее на испытания, в то время как другие наряжаются на них так, словно это какой-то бал. А еще Наама полностью вооружена. Они думают, что Братство может готовить какой-то теракт? С тех пор, как это произошло в последний раз, о них ничего не было слышно, что наталкивает на подозрения.

– Я надеялась, что смогу с ним попрощаться, – говорю я и чувствую тошноту после того, как весь день плавала в облаках. Кассиэль сказал, что это испытание будет еще сложнее предыдущего. Что ожидает меня и почему ангелы хотели, чтобы испытание прошло под покровом темноты? Это очень необычно, когда знаешь, что эти существа боятся ее.

Как и в прошлые разы перед испытаниями, Балам, Сэм, Лилит и Наама идут рядом со мной и провожают меня до пиацетты. В этот раз к нам присоединяются еще и Форфакс с Кальцасом. Люцифер не пришел проводить меня на испытание. Но он попросил меня довериться ему, и я постараюсь это сделать. Огромные факелы стоят в массивных подставках, и, хотя небо темное, пламя освещает всю площадь, создавая призрачную, но в то же время романтическую атмосферу.

Я пытаюсь расслабиться, нервно сжимая и разжимая кулаки, облизываю губы и стараюсь дышать спокойно. Наама опускает руку мне на плечо, и я только сейчас замечаю, что моя охрана остановилась на месте. Я шокированно смотрю на самый огромный костер из всех, что я когда-либо видела. Языки пламени почти достигают уровня крыши библиотеки. Когда ангелы успели развести этот погребальный костер и кто должен на нем гореть? На вершине огромной горы деревяшек я замечаю четыре длинных шеста. Они для нас? В чем заключается последнее испытание? Мы должны будем пытаться удрать от адского пламени? Какими нужно быть жестокими, чтобы выдумывать такие задания?

Алисия, Донна и Фели уже стоят рядом с горой. Каждую из них охраняют по два ангела, которые серьезно вооружены и не обмениваются с ними ни

словом. Моя паника отражается на лице Фели. Я бы так хотела подойти к ней, но Сэм кладет руку мне на плечо и удерживает меня от этого.

Никто из ангелов не смотрит мне в глаза. Значит, они знали об этом и не предупредили меня. Я осматриваюсь, но не замечаю трибун. Неужто в этот раз ангелы не захотели наблюдать за нами, пока мы боремся за свои жизни? В это сложно поверить.

– Они там, наверху, – тихо говорит Сэм, указывая в сторону крыши Дворца дожей. Я поднимаю голову и действительно вижу над головой бесчисленное множество ангелов, которых становится все больше. Небо полнится крылатыми существами, и кажется, будто кто-то из них специально спустился с небес, чтобы понаблюдать за тем, как мы умираем. Там тоже сияют сотни факелов, ослепляющие нас жутким светом. Я рассматриваю крышу в поисках Люцифера, хотя мне и страшно снова увидеть Сариэль рядом с ним сегодня. Только не после минувшей ночи. Пока я борюсь с желанием найти его в толпе, я слышу знакомый звук взмаха крыльев. Когда Люцифер приземляется рядом со мной, остальные отходят от нас.

– Мун, – здоровается он со мной. Что-то в его взгляде сегодня изменилось, хотя я и не знаю, что именно.

– Люц, – отвечаю я, и губы, которые целовали меня вчера, искривляются в измученной улыбке.

Я не могу оторвать от него взгляда и тяжело сглатываю.

– Ты не обязана этого делать, – говорит он, подходя еще ближе ко мне. – Ты можешь просто отказаться от участия в испытании. Просто оставайся на месте и ничего не делай. Я не буду наказывать тебя за это.

Кто-то позади нас шумно втягивает в себя воздух, но он только пожимает плечами.

– Тогда ты не станешь ключом. – Я знаю, как ему важно, чтобы все это наконец закончилось. Он хочет поскорее одержать победу над своими братьями и обезопасить своих последователей. И тем не менее Люцифер предлагает мне отказаться от участия в испытании. Потому что он не хочет терять меня и не хочет, чтобы я умирала. Я должна была рассказать ему о плане Пьетро вчера. Но теперь уже слишком поздно.

– А Габриэль не будет заставлять меня?

Люцифер качает головой:

– Нет. Только если ты не бросишься бежать прочь.

Теперь кто-то позади меня стонет, и я знаю, что это Лилит. Но никто из его друзей не вмешивается в наш разговор.

– Мы будем искать дальше. Мы найдем другую девушку, которая будет смелой и бесстрашной.

Даже если эти черты совсем не свойственны Стар, она снова окажется в опасности. Интересно, ангелы поверили бы в то, что она кровная наследница? Вероятно, нет, ведь если я не наследница, то и моя сестра-близнец не может ею быть. Если я провалюсь, то она будет в безопасности. От облегчения и осознания этого решения я качаюсь на месте. Рука Люцифера быстро хватает меня, чтобы я удержалась на месте. Я смотрю на архангела и вижу в его глазах беспокойство. Он нашел выход из ситуации для меня. Но что насчет других людей? Пьетро положился на меня, а я не хотела бы его разочаровывать. Ни отец, ни Альберта или кто-то из умерших на предыдущих испытаниях девочек не заслужили такого отношения к ним. Я не могу подвести их лишь потому, что хочу быть с ангелом. Это было бы неправильно.

Люцифер касается моей щеки.

– Будь разумной. – Позади нас все абсолютно тихо. – Если ты просто останешься на месте, после испытания ты сможешь отправиться куда угодно.

– Уехать из Венеции? Все равно куда?

Он кивает:

– Куда хочешь. Ты и твой брат.

Это не решение. Но если ему удастся победить остальных архангелов, Люцифер, возможно, возьмет меня с собой, как и четверть мира. Моя семья была бы в безопасности. Разве это не то, чего мне всегда хотелось? Теперь до этой возможности рукой подать. Но готова ли я пожертвовать ради этого остальными людьми?

Ведь остальные три четверти людей должны будут умереть.

Прежде чем я успеваю ему хоть что-то ответить, я слышу звук фанфар. Большой палец его руки мягко гладит меня по щеке, а затем Люцифер улетает. Я смотрю ему вслед, пока он не приземляется на крыше дворца. К нему тут же устремляется сердитая Сариэль. Я не хочу смотреть на то, как он успокаивает ее, поэтому просто поворачиваюсь к горе деревяшек.

Несколько секунд спустя я начинаю понимать, что за дьявольщину выдумали ангелы, на горизонте над лагуной появляются четыре огромных херувима – каждый с шестью крыльями. Каждый из них держит что-то в руках, и, когда они приближаются, я понимаю, что это люди. Первый херувим, подлетающий к горе, привязывает кричащего и извивающегося Нерона де Луку к одному из столбов. Другой прилетает с каким-то мужчиной в руках, при виде которого Алисия начинает кричать. Старую женщину, как две капли воды похожую на Донну, привязывают к третьему столбу. Она не сопротивляется, а только смотрит на свою дочь затуманенным взглядом. Когда Донна увидела мать, ее лицо стало белым как мел. Человек, которого несет на руках четвертый херувим, куда ниже. Когда я узнаю в нем Тициана, я падаю на колени. Он бьет руками вокруг себя, пытаясь вырваться из хватки ангела, но у него нет ни единого шанса. Отработанными движениями херувим привязывает его к четвертому столбу. По лицу моего брата, как и по моему, текут слезы. Как они могли так поступить?

Габриэль приземляется перед нами, слегка улыбаясь. Как бы мне хотелось плюнуть ему в лицо!

– Думаю, вы не нуждаетесь в моих объяснениях по поводу этого задания, – говорит он. – Но я все равно вам все разъясню. Первое испытание проверяло чистоту вашего сердца, второе – вашего разума, а третье должно проверить вашу жертвенность. Все эти качества чрезвычайно важны, ими обладает истинный ключ. Как вы знаете, мы все еще ищем ключ мужества, ключ жертвенности и ключ постоянства. Ставшая следующим ключом будет навсегда увековечена в хрониках ангелов.

Это что, должно быть почетно? Прежде чем я успеваю сказать что-то презрительное, Габриэль уже поднимается в воздух, а четверо херувимов поджигают гору деревяшек снизу. Дерево настолько сухое, что сразу же схватывается огнем. В течение нескольких секунд весь периметр уже горит. Треск и стук огня заполняют тишину, воцарившуюся на площади. Словно ненасытное животное, он вгрызается в дерево, выстраивая стену из пылающего желтого пламени. Насколько велика возможность того, что я перепрыгну ее, взберусь на гору и спасу Тициана? Смогу ли я вообще отвязать его от столба голыми руками и спустить вниз?

Ты не обязана делать этого, сказал Люцифер. Знал ли он о том, что ангелы принесут сюда моего брата? Никто из других девушек пока что не тронулся с места, и, когда я бегу вперед, ангелы рычат с крыши дворца и подбадривают меня. Просто омерзительно, что они наслаждаются моими страданиями и отчаянием. Если бы у меня был выбор, я бы не стала участвовать в этом представлении. Но у меня его нет. Тициан не должен сгореть там, наверху.

Жаркий огонь с полной силой поражает меня. Я обегаю вокруг горы в надежде обнаружить дыру в пламени, с которой я могу начать лезть наверх. Фелиция подбегает ко мне и качает головой.

– Там ничего нет.

Я в замешательстве моргаю. Что она здесь делает? Ей стоило бы остаться на месте вместе с остальными девочками. Это задание – полный бред.

– Нам нужно намочить одежду и тело, а затем просто пробежать через пламя, – прагматично предлагает она. – Это наш единственный шанс.

– Ты не обязана этого делать, – повторяю я слова Люцифера. Ее лицо вдруг становится серьезным.

– У тебя есть все причины ненавидеть моего отца, – тихо говорит она. – Но он все еще мой отец. Я не оставлю его там умирать, не попробовав спасти.

Разумеется. Как я могла подумать, что она оставит его в беде? Я беру ее за руку, и мы бежим к стене, окружившей пирс. Несколько маленьких полуразрушенных ступеней ведут к воде, но мы просто прыгаем в нее, ныряем и снова вылезаем наружу. Вода стекает на землю по моему телу, я прекращаю размышлять над ситуацией и просто бегу вперед. Позади меня Фелиция задыхается, и мне кажется, что мой страх звучит примерно так же. Жара почти сразу же высушивает мое тело и одежду. Огонь прорывается сквозь мои тонкие подошвы, когда я лезу вверх по горе. Я вскрикиваю от злости, когда

соскальзываю вниз. Руки пытаются ухватиться хоть за что-нибудь и находят пылающие куски дерева. Фели, которой удалось удержаться на месте, приспускается и помогает мне подняться. Рука об руку мы пробираемся сквозь огненную стену. Я чувствую, как обгорают мои веки и ресницы, и радуюсь, что вовремя успела закрыть глаза. Я слышу рев огня, когда мы лезем вверх по другой стороне горы. Время от времени истонченные деревяшки ломаются под нашими ногами, и мы падаем. Тем не менее мы не сдаемся, ведь огонь нагоняет нас с невообразимой скоростью. Черный дым смешивается с влагой, стекающей по моей коже, оставляя липкий слой, застилающий мне глаза. Я судорожно протираю лицо, чувствуя, как волдыри на моем лице лопаются от прикосновения. Порыв ветра обдувает нас, а стена огня прыгает на меня сзади, словно какое-то дикое животное. Я бегу вперед, продолжая лезть в направлении Тициана, который стоит там, будто на вертеле, и выкрикивает мое имя. Я не могу поверить в это, но я успеваю добраться до него прежде, чем огонь поглощает меня. С последними силами я цепляюсь за столб, к которому привязан мой брат, и нащупываю веревки. Мои руки все в ссадинах и волдырях. Ногти сломаны, а их кусочки торчат из кожи. И тем не менее я раздвигаю веревки и тяну за узлы, которые не хотят поддаваться. Я зубами вгрызаюсь в плотную веревку, пока она наконец не сдается. Всхлипывая от облегчения, я продолжаю развязывать узлы. Когда я освобождаю брата, Тициан падает на колени. Я встряхиваю брата, потому что он стал совершенно апатичным из-за страха. Я обнимаю его и шепчу ему на ухо успокаивающие слова. Но он дрожит всем телом.

– Я не смогу понести тебя. Я не справлюсь. Тебе нужно бежать.

С широко открытыми глазами он качает головой. Я прижимаю его лицо к груди, когда нас нагоняет огненный жар. По моим щекам и шее течет какая-то жидкость, и я знаю, что это волдыри. Сквозь дым я пытаюсь разглядеть Фелицию.

– Мун! – кричит она. – Я не справляюсь с веревками.

Моя рука вцепилась в Тициана, который резко качает головой. Пламя находится всего в паре метров от нас, и оно подбирается все ближе.

– Мы должны помочь ей, – серьезно говорю я ему. Я не оставлю Фели здесь одну, даже если мне придется спасти Нерона. Мы по нетронутым деревяшкам балансируем к столбу, к которому привязан де Лука.

– Мои руки, – всхлипывает Фелиция. – Я не могу развязать узлы.

Я отпускаю Тициана и становлюсь на колени позади Нерона. Как и в первый раз, я развязываю веревки с помощью зубов. Толстая бечевка скользит по обожженной коже моего лица, и от боли у меня на глаза наворачиваются слезы. Веревка ослабляется, и Нерон освобожден. Я, задыхаясь, остаюсь сидеть на месте, пытаясь собраться с силами. Нам надо как-то вылезти отсюда, но огонь уже везде.

Нерон стряхивает с себя веревки и отталкивает меня в сторону. Не сказав ни слова, он хватает свою дочь. Они сбегают по горе деревяшек вниз к лагуне, Нерон подпрыгивает, и они оба оказываются в воздухе. До воды почти два метра, но страх перед смертью окрыляет их. Дым застилает мне глаза, но я все же вижу, как они падают в воду. Меня охватывает

облегчение и в то же время злость. Облегчение от того, что Нерон нашел способ спастись отсюда, а злюсь я на то, что он просто оставил нас здесь.

Я внимательно смотрю на Тициана.

– Мы тоже должны попытаться так сделать, – говорю я ему, но он качает головой. – Мы справимся. Другого выбора у нас нет. Мы не можем пробираться обратно по огню.

– Эй! – кричит вдруг кто-то. – Возьмите меня с собой. Не оставляйте меня здесь одного. Освободите и меня тоже.

Я испуганно оглядываюсь. Я и в самом деле забыла, что есть еще два человека, ждущие освобождения. Но ни Донна, ни Алисия не смогли пройти через огонь.

– Пожалуйста, – просит молодой мужчина, из-за которого так громко кричала Алисия. Он выглядит слишком собранным для сложившейся ситуации. Возможно, он уже смирился с тем, что могло произойти. Я ненадолго закрываю глаза. Время истекает. С каждой минутой вероятность того, что мы не освободимся и сгорим заживо, возрастает. Но я не смогу жить дальше, зная, что оставила этого человека в беде. Мать Донны безжизненно висит на столбе.

– Не отходи от меня ни на секунду, – командую я Тициану. – Мы и ее с собой возьмем.

Брат хотя бы не возражает, вероятно, потому, что у него не осталось на это сил. Он вяло идет вслед за мной по падающим деревяшкам и кашляет так громко, будто его душа вот-вот покинет тело.

Мужчина стоит ровно, пока я снимаю веревки. Тициан хнычет, стоя рядом со мной. Я уже рассчитываю на то, что он тоже убежит, как только я освобожу его, но вместо этого он берет на руки Тициана, который уже слишком большой для этого, но сразу же цепляется за его шею.

– Нам нужно еще освободить мать Донны, – говорю я, когда мужчина аккуратно идет вниз по дереву.

Он поворачивается ко мне:

– Для этого уже слишком поздно. Она не двигается уже несколько минут.

– Возьми моего брата с собой. Я посмотрю, что с ней, а потом последую за вами.

– Ты уверена?

– Я должна хотя бы попробовать. Спаси моего брата.

Он сильнее, чем я. Его ноги длиннее, чем мои, и если кто-то и может спасти Тициана, взлетев с ним в воздух, то это он.

Мужчина кивает.

– Мы сейчас будем прыгать, дружище, – говорит он ему, и я задаюсь вопросом, как у него получается оставаться таким спокойным. Мужчина приседает с моим братом на руках, и, пока я пытаюсь подойти к матери Донны, они оба подпрыгивают в воздух. Из горла Тициана вырывается громкий крик.

Я не жду всплеска воды, а сразу же бегу к женщине. Она не двигается. Когда я поднимаю ее голову, я смотрю в безжизненные глаза.

Гора дерева подо мной начинает шататься, и я пытаюсь держаться за столб, но деревяшки подо мной скользят вниз. Они падают в сторону, а мои ноги утопают в ломающихся балках. Стена огня оказывается прямо передо мной. Уже поздно пытаться прыгать. Гора уже не такая высокая. Единственное, что я могу сделать, – пробежать через огонь. Красные бревна выстилают путь, но он кажется мне неприступным. Прежде чем паника окончательно меня подавит, я бегу вперед. Я закрываю руками голову в попытке защитить свое лицо. Каждый метр – это моя личная победа. Я спотыкаюсь, и моя нога сгибается в тот самый момент, когда я надеюсь спуститься вниз. Я падаю в сторону. Моя щека ударяется о горящее дерево, и я вскрикиваю, чувствуя запах горелых волос. Я бью себя по голове, пытаясь затушить пожар. Я и не знаю, как мне удается подняться на ноги. Я чувствую покалывание в своей лодыжке и задыхаюсь от боли и страха, продолжая нащупывать путь вперед. Внизу деревянной конструкции уже нет огня, лишь тлеющие бревна и дым. Мои ноги ударяются о плитку. Я падаю и слышу, как Тициан зовет меня. У него все получилось! От облегчения по моим щекам катятся слезы. Я продолжаю прорываться вперед, как вдруг замечаю, что мой брат обнимает меня. Я смотрю ему в лицо и смахиваю слезы с его щек.

– Все хорошо, – шепчу я хрипло. Алисия обнимает молодого мужчину, который спас Тициана. Фелиция сидит на полу и смотрит на меня так, словно я какой-то призрак. Донна стоит на том же месте, что и перед испытанием. Ее лицо белое как мел, и она даже с места не сдвинулась, когда гора деревяшек позади нас окончательно развалилась. Нерон тянет Фелицию к себе и уводит ее. У меня больше нет сил.

– Беги, – командую я Тициану, мой мир заполняет темнота.

Меня окружают что-то шепчущие голоса. На мою кожу кладут холодные полотенца, а когда я хочу поднять руку, кто-то удерживает ее.

– Не двигайся, – говорит Люц.

– Но у меня все чешется, – протестую я. – Где мой брат? У него все хорошо?

– Получил пару травм, но он оправится.

Я с облегчением выдыхаю.

– А Донна? – спрашиваю я. – Мне не удалось помочь ее матери. – Вина давит на мою грудную клетку, словно булыжник.

– Она вернется к своей семье, – отвечает Люцифер, слегка помедлив. – Донна отказалась участвовать.

Он серьезно? У меня во рту пересохло, и я больше не могу ничего у него спросить.

– А теперь спи дальше, – просит он. – Ты справилась. Габриэль назовет тебя ключом.

– Но я не ключ, – бормочу я, и Люцифер тихо смеется мне в ответ. Я должна сказать ему правду. Он должен знать, что мы его обманывали. Но не сейчас. Я для этого слишком устала.

– Ты останешься со мной?

– Если я тебе нужен.

Затем я проваливаюсь в темноту. Я снова и снова просыпаюсь, а затем опять дремлю. Меня заставляют что-то выпить. Мне то холодно, то жарко. У меня все болит, и мне снится, что я горю. Я бью руками вокруг себя, пока чьи-то нежные руки не хватают меня и не успокаивают. Я теряю счет времени. Вокруг меня то светло, то темно. Мое лицо и руки болят. В один момент боль стихает, становится менее выраженной, а сны пропадают совсем. Временные промежутки, когда я понимаю, что происходит вокруг, становятся все длиннее. Когда я наконец окончательно прихожу в себя, Алессио сидит рядом с моей кроватью. Нахмурившись, он смотрит на мою левую руку.

– Я не знаю, сможешь ли ты полноценно ею пользоваться после такого повреждения, – говорит он. – По крайней мере, это не та рука, в которой ты держишь меч.

– Это должно меня успокоить? – шепчу я. Мои губы сухие, и я стараюсь скрыть разочарование от того, что рядом со мной сидит не Люц.

Алессио пожимает плечами, но от меня сложно утаить факт того, что он очень обеспокоен.

– Ожоги достаточно тяжелые. Потребуется еще много времени, прежде чем они заживут, но даже тогда я не могу гарантировать тебе того, что от них не останется шрамов. Тебе нужно запастись терпением.

– Я выжила, – отвечаю я. – И спасла Тициана.

– А еще Нерона де Луку и парня Алисии. Ты просто героиня.

– Не по своей воле.

– Очевидно, вы с Люцифером действительно поладили. Он был вне себя от переживаний и настоял на том, чтобы ты осталась в его комнате.

– Как мило с его стороны, – смущенно отвечаю я. – Тут намного удобнее.

– Конечно, ведь кровать в твоей предыдущей комнате была твердой как камень, простыня рваной, а воздух ужасным, – улыбается он. Будь у меня больше сил, чем у новорожденного жеребенка, я бы ударила его в бок.

– Не наглей!

– Я так боялся потерять тебя, – тихо говорит Алессио. – Мы все боялись. Когда тебя только принесли, я сначала подумал, что ты достаточно легко отделалась. Но ожоги на твоем лице воспалились. Люцифер не отходил от тебя ни на шаг последние несколько дней.

Я сглатываю.

– Неужели все так плохо выглядит?

Алессио делает глубокий вдох, а затем качает головой:

– Для меня ты все такая же красивая.

Это не ответ, и мы оба знаем это. Но мне все равно, как я выгляжу. Я стану ключом. Мы и в самом деле справились с этим. Теперь мне удастся сорвать планы ангелов. Но так я помешаю мести Люцифера. Интересно, простит ли он мне это?

Глава XIV

Я сижу перед зеркалом и разглядываю свои волосы и лицо. Я пришла в себя неделю назад. Люц не позволял мне вставать с постели, и я впервые увидела, что сотворил со мной огонь. Он думал, что я сплю, и ушел из комнаты. Я раньше думала, что внешность не так важна для меня. Не в этом мире, где речь идет о жизни и смерти. Как же я ошибалась!

Я осторожно провожу левой рукой, все еще перевязанной, по левой половине своего лица. Это та самая сторона, которой я упала на горящее бревно. Она красная и опухшая. Если присмотреться, можно рассмотреть шрамы, тянущиеся по лицу до самой шеи и исчезающие под воротом моей ночной рубашки. Во время перевязок я не оставила незамеченными ни сочувствующие взгляды Алессио, ни потрясение Наамы. Он запретил мне на себя смотреть, и теперь я знаю почему. С этими коротко остриженными волосами и пятнами от ожогов я выгляжу уродливо и жутко, а моя поврежденная рука не делает ситуацию лучше. Мизинец и безымянный палец все еще опухшие и не двигаются.

Дверь в комнату открывается, и Люц оказывается позади меня. Наши взгляды встречаются в зеркале.

– Эти шрамы пропадут, – пытается он меня утешить. – А волосы отрастут снова. Нам пришлось обрезать их, потому что они сгорели, – его пальцы скользят по моей уцелевшей щеке. Я бы хотела прислониться к нему, но я остаюсь сидеть неподвижно.

– Ложись обратно в кровать, – просит Люцифер. – Сейчас глубокая ночь.

– Я могу вернуться в свою комнату.

Он почти смущенно смотрит на меня.

– Я хочу, чтобы ты была рядом. Тут я могу лучше за тобой присматривать.

Я киваю и встаю со стула. Он обвивает мою талию рукой, позволяя мне опираться на него во время ходьбы.

– У Тициана все правда хорошо? – спрашиваю я его в сотый раз с тех пор, как я пришла в сознание.

– У него были только легкие ожоги и шок. Наама много раз навещала его. Не волнуйся, просто выздоравливай.

Моя лодыжка болит, когда я хромаю в сторону кровати.

– Я могу вернуться в свою комнату, – повторяю я. – Мне уже стало гораздо лучше. У тебя наверняка есть дела поважнее, чем забота обо мне.

– Ни в коем случае. – Он улыбается своей специальной улыбкой, помогая мне лечь, хотя я и сама прекрасно бы с этим справилась. – Ты останешься здесь, со мной, – Люцифер накрывает меня одеялом, садится на кровать рядом и откидывается на изголовье. – Я не знал, что они собирались привязать к столбу твоего брата, и даже если знал бы… – он умолкает, проводя рукой по волосам. – Я бы ничего не мог изменить.

Он поднимает одеяло до самого кончика моего носа, чтобы не видеть мои раны. Я его за это не виню.

– Это скоро закончится, – обещает Люцифер.

А потом что будет? Я чувствую себя такой ранимой, как никогда прежде в своей жизни. Что будет со мной? А что будет с нами? Будет ли он снова целовать меня и прикасаться ко мне так, как ночью перед испытанием? Люцифер такой красивый, даже сейчас, когда его лицо выражает беспокойство. А я, напротив… изуродована. Я ненавижу себя за то, что продолжаю верить, что внешность для мужчины может быть важнее, чем личность. Но в данный момент я не могу избавиться от мыслей об этом. Я хочу остаться наедине с этими размышлениями, но Люц встает и тушит свечи. После этого я слышу шорох. Каждая мышца моего тела напрягается, когда я ощущаю его тело рядом со своим.

– Я не уйду, – шепчет он мне на ухо. – Даже если ты хочешь этого сейчас. – Люцифер опускает руку мне на талию, и я придвигаюсь к нему поближе так, словно мое тело идеально вписывается в его объятия.

– Я останусь здесь.

– Ты не должен этого делать. Не должен утешать меня. Это всего лишь лицо, а не руки или ноги. Было бы хуже, если бы у меня не было больше возможности сражаться.

Я чувствую, как его губы касаются моего затылка. Он целует мои жесткие волосы.

– А где я, по-твоему, должен быть? Ты лежишь в моей кровати.

– Сариэль наверняка была бы не в восторге от этого, – тихо отвечаю я, радуясь, что темнота скрывает пылающий румянец на моих щеках.

– Тебе не стоит снова провоцировать ее. – Люцифер притягивает меня ближе к себе, и теперь я чувствую все его тело рядом со своим. Мне слишком хорошо, и у меня нет сил сопротивляться этому. Он теплый и надежный. – А теперь спи, – бормочет он позади меня. – Алессио очень строгий врач. Он запретил мне тебя напрягать.

– Он так сказал?

– Кстати, – шепчет Люцифер, – не рассказывай ему, что я сплю в твоей кровати.

– Ты этого и не делаешь. Это я в твоей сплю.

– Хм… – Его рука скользит по моему животу, и я вздрагиваю. – Значит, к счастью, я не нарушаю его правил.

Этой ночью я еще долго не могу заснуть, потому что Люцифер дышит мне в шею. Я рада, что он остался со мной, но мне хотелось бы, чтобы архангел поцеловал меня по-настоящему.

Фелиция сидит на кровати Люца, пока Лилит пытается как-нибудь подстричь мои волосы. Она совсем не справляется с этим, и я смеюсь над ней. Движение натягивает кожу на моей щеке, и я гримасничаю.

– Ты волнуешься? – спрашиваю я у своей подруги. Я нечасто видела ее такой беспокойной, как сегодня. Она каким-то образом уговорила Михаэля разрешить ей прийти ко мне в гости. Кассиэль стоит за дверью, это он привел ее сюда. Будет ли Кассиэль удивлен, когда увидит меня такой? Фелиция и виду не подала.

– Мне надо было остаться с тобой, – вырывается вдруг из ее уст. – Мне так жаль. Я должна была помочь тебе. Если бы ты сгорела там, я бы никогда себе этого не простила.

К моему удивлению, она тут же начинает плакать.

Я беспомощно смотрю на Лилит, которая только пожимает плечами.

– И так уже несколько дней. Фелиция орала на Михаэля так долго, пока он не отпустил ее к тебе. Думаю, он рад, что наконец может посидеть в тишине.

Я встаю со стула и подхожу к кровати. Моя лодыжка все еще не зажила, поэтому я скорее хромаю, чем иду.

– Все в порядке, Фели. – Я аккуратно опускаю руку на ее плечи и притягиваю ее к себе. – Твой отец спасал тебя, это была его обязанность.

Подруга смахивает слезы со своего лица.

– Но он должен был и тебе помочь.

– Слава богу, что он этого не сделал, иначе я бы осталась у него в долгу, – отвечаю я, заставляя ее рассмеяться между всхлипываниями. – Я и не ждала, что он мне поможет, но была рада, что он защитил тебя.

Фелиция выпрямляется и внимательно рассматривает мое лицо.

– Ты все еще красивая, – говорит она. – Может быть, даже красивее, чем раньше. Тебя делает красивой твоя смелость и храбрость. Ты могла оставить нас всех наверху.

– Я бы так никогда не поступила, – смущенно отвечаю я. – Это было бы неправильно.

– Но большинство людей сделали бы именно так. Они бы думали только о себе.

Я смущенно пожимаю плечами:

– Каждый человек сам для себя решает, что для него правильно и сможет ли он жить дальше, если сделает что-то не так. Я не буду никого за это осуждать.

Фелиция гладит меня по щеке и улыбается.

– Надеюсь, тебе никогда не придется жалеть об этом.

– Нам пора идти, – вмешивается Лилит. – Остальные уже долго ожидают нас за дверью, и они не очень терпеливы.

Я встаю и смотрю на себя в зеркало. Кожаные вещи, которые были надеты на мне во время испытания, защитили мое тело, пострадали только руки и лицо. Алессио убеждал меня в том, что раны заживут, но моя кожа больше никогда не будет прежней. К счастью, никто сегодня не настаивал на том, чтобы я надела платье: кроме того, я запретила Лилит замазывать раны. Я не хочу скрывать того, что архангелы сделали со мной. Я медленно хромаю к двери, а Фели идет рядом со мной. Сэм, Балам, Алессио, Форфакс и многие другие последователи Люцифера ожидают нас в салоне. Они смотрят на нас, и разговоры затихают. Глаза Кассиэля округляются, когда он видит меня, но ангел не подходит ближе.

– Они все настояли на том, чтобы сопроводить тебя в зал заседаний, – шепчет Лилит позади меня.

Потому что они думают, что я ключ, открывающий дверь к их счастью. Они считают, что с моей помощью Люцифер победит других архангелов. Что будет, если они узнают, что я лгала им все это время? Что я победила не ради них, а ради того, чтобы спасти людей?

– Готова? – спрашивает Наама у меня и Фели. Когда я киваю, они с Лилит встают по обе стороны от нас. Мы, четыре девушки, шагаем по коридорам, а соратники Люцифера молча идут позади. Я поднимаю голову, когда мы подходим к залу. Фелиция берет меня за руку, двери открываются, и мы заходим внутрь.

Как и в прошлый раз на аукционе, ангелы выстроились по краям зала. На трибуне сидят архангелы. Очевидно, они ждут уже некоторое время, потому что выглядят обозленными. Гул голосов умолкает, уступая место благоговейной тишине в тот самый момент, когда Наама и Лилит ведут нас в центр зала. Донна и Алисия уже ожидают нас там, охраняемые двумя херувимами. Лилит сжимает мою руку, а затем направляется к Сэму и остальным.

Донна дрожит. Неужели Габриэль наказал ее?

– Мне очень жаль, что с твоей матерью такое случилось, – говорю я, действительно имея в виду то, что сказала, хоть и не совсем понимаю, почему она и пальцем не пошевелила, чтобы спасти ее. Если бы Донна добралась до матери раньше, чем я, женщина могла бы выжить. Девушка поднимает голову и смотрит на меня полным ненависти взглядом.

– Ты должна была спасти ее первой! – шипит она.

Я растерянно смотрю на Алисию.

– Она сама не своя, – тихо объясняет девушка. – Габриэль наказал ее поркой кнутами. Она кричала целыми днями.

Теперь Донна смотрит в пол, медленно раскачиваясь взад-вперед. Мне жаль ее, но я никак не могу ей помочь. Люцифер сказал, что ее отправят обратно к ее семье. Надеюсь, хоть там она сможет расслабиться. Зачем Габриэлю было вообще ломать ее еще больше после того, как он отнял у нее мать?

– Спасибо, что спасла Фабио, – тихо говорит Алисия. – Он мое все. Но я просто не могла… – Она замолкает, и на пол капают слезы. Девушка прижимает руку ко рту. – Я не знаю, простит ли он мне это.

– Если он тебя любит, то точно простит, – я успокаивающе глажу ее по руке.

Раздается гонг, и девушка поднимает подбородок. Ее тело напрягается.

– Я никогда не забуду твоего поступка.

Мы встаем рядом друг с другом, и я смотрю на Люцифера, сидящего на трибуне между Габриэлем и Михаэлем. Ни Сариэль, ни Серафиэля нигде не видно. Люцифер подбадривающе мне улыбается, и я вдруг перестаю нервничать. Поймет ли он меня, если я расскажу ему про план Пьетро? Найдем ли мы вместе выход из всей этой неразберихи?

Габриэль встает и спускается с трибуны. Он пристальным взглядом рассматривает всех нас.

– Вы нас серьезно озадачили, – говорит он звучным голосом, останавливаясь рядом с Донной, которая тут же вздрагивает. – Мы очень старались решить, кого из вас наделить честью стать ключом.

Я тихо фыркаю, и он смотрит на меня.

– Мы пришли к выводу, что двое из вас являются ключами. Такого еще никогда не было!

После этого высказывания зал взрывается немыслимым шумом. Мысли в моей голове несутся в разные стороны. Такое вообще возможно? Может ли другая девушка быть настоящей кровной наследницей? Все мои мышцы напрягаются, когда Габриэль поднимает руку, заставляя зал умолкнуть.

– Ключ мужества – это… – он делает драматическую паузу. – Фелиция де Лука, – сообщает он, а ангелы кричат и хлопают в ладоши.

Фелиция ищет мою руку.

– Такого быть не может. Ты куда смелее меня.

Очевидно, ангелы считают иначе. Она сама вызвалась на испытания ради меня, чтобы мне не пришлось проходить их самостоятельно.

– А ключ жертвенности, – продолжает Габриэль, – это Мун де Анджелис.

Я делаю глубокий вдох и радуюсь тому, что Фелиция крепко держит меня за руку. Значит, они все решили. Донна начинает визжать. Она бросается на Габриэля и вцепляется ногтями ему в лицо. Два херувима пытаются оттащить девушку от него, но сумасшествие наделяет ее какими-то сверхчеловеческими силами. По лицу Габриэля течет кровь, когда ангелам наконец удается оттащить ее от него и вывести из зала. Мне жаль ее, потому что теперь ее снова накажут.

– А что будет со мной? – шепотом спрашивает Алисия.

– Они отпустят тебя, – на ее лице написано облегчение. – Ты сможешь вернуться домой.

Я очень завидую ей, потому что моя борьба еще не закончилась.

Габриэль снова берет слово, когда служанки приносят ему платок.

– Теперь настало время, когда вы должны выбрать свой небесный двор. Какой бы двор вы ни выбрали, мы будем относиться к вам с уважением и исполнять

каждое ваше желание. Вы ключи и вместе с этим становитесь нашим самым ценным имуществом.

Габриэль выжидающе смотрит на нас с Фелицией, но мы обе молчим. Я из-за того, что хочу остаться при дворе Люцифера, а Фелиция, вероятно, из солидарности. У нее нет поводов хотеть покинуть двор Михаэля. Там ей не сделали ничего плохого. Тем не менее я спрошу ее, не хочет ли она перейти в небесный двор Люцифера вместе со мной.

– Нам надо идти, – Люцифер оказывается рядом с Габриэлем и смотрит на меня. – Мун нужен покой. Это испытание чуть не убило ее.

Значит, погребальный костер был идеей Габриэля. Я готова была поспорить, что вдохновителем был Рафаэль. Они оба садисты и достаточно подлые для того, чтобы такое выдумать.

– Это было решающим испытанием, – отвечает не особенно впечатленный Габриэль. – Ключом жертвенности может стать лишь тот человек, который готов отдать свою жизнь за кого-то, кого он не знает. Или даже за кого-то, кого он ненавидит.

– Поэтому Нерон был там?

Габриэль надменно улыбается.

– Я ставил на то, что ты не станешь его спасать, – он пожимает плечами. – Но я ошибался. Эта ошибка стоила мне сотню таларов.

– Надеюсь, ты переживешь эту потерю.

Люцифер успокаивающе кладет руку мне на спину, а Габриэль поднимает брови.

– Я думал, что ты ключ мужества, – продолжает он объяснять. – Но когда вы обе побежали в огонь, мне пришлось пересмотреть свои взгляды. Ты удивила меня. Вы обе меня удивили, а на такое способны лишь немногие люди.

– Если бы ты нашел время поговорить с моим отцом вместо того, чтобы убивать его, ты был бы еще больше удивлен нами, людьми.

Габриэль хмурится, словно не понимая, о чем я говорю. То, что он просто так забыл моего отца и продолжает идти по людским головам, злит меня еще больше. Я бы так хотела еще сильнее расцарапать его лицо.

– Нам пора идти, – говорит Люцифер, толкая меня вперед.

– Для меня было бы честью принять тебя в своем дворе, – говорит Габриэль в ту же секунду.

Прежде чем я успеваю ответить ему на это хоть что-то, Люцифер поворачивается к нему.

– Можешь забыть об этом, – шипит он. В ответ на это Габриэль смеется так, словно знал, что Люцифер отреагирует так на это предложение.

Мы идем по коридорам, ведущим в покои Люцифера. Люц, Наама и Балам любезно подстраиваются под мою скорость передвижения.

– Мун, подожди, пожалуйста.

Кассиэль подходит к нам быстрым шагом. Люц приближается ко мне, а Балам угрожающе скрещивает руки на груди.

Кассиэль сердито смотрит на них обоих, но они и на шаг от меня не отходят.

– Мое предложение все еще актуально. Я мог бы попросить Михаэля взять тебя к нам, в четвертый небесный двор, если хочешь.

– Мун останется там, где она сейчас, – вмешивается Люц. – С нами она в безопасности.

Кассиэль смотрит ему в глаза.

– Ты можешь не сдержать свое обещание защитить ее.

– Исчезни, – рычит он в ответ. – Михаэль ее не получит, и ты тоже.

Кассиэль не отходит ни на сантиметр.

– Мы оба знаем, что ты ее разочаруешь. Лучше отпустить ее сейчас, Люцифер. Другие ангелы не позволят тебе забрать ее с собой в Эдем. Если Мун пойдет со мной, у нее останется хоть один шанс.

– У нее и с нами есть шанс. И так будет всегда, – отвечает Люцифер, взяв меня за руку.

Этот жест не остается незамеченным Кассиэлем.

– Ты не должна выбирать сейчас, – говорит он мне. – Если тебе понадобится моя помощь, я всегда готов ее оказать. Не забывай об этом, – Кассиэль уходит лишь тогда, когда я киваю.

– Почему он так хочет, чтобы я перешла во двор Михаэля? – спрашиваю я, когда он исчезает из поля зрения.

Люцифер зол и с трудом скрывает это. Сначала его спровоцировал Габриэль, а теперь еще и Кассиэль.

– Ты пережила все испытания, и ты ключ. Ты очень красивая, смелая и бесстрашная и могла бы стать для него трофеем. Весь небесный двор Михаэля бы завидовал ему.

Я молчу. Люцифер что, только что сказал, что я очень красивая? Несмотря на мои раны?

Балам, стоящий рядом со мной, откашливается.

– Отведите Мун в комнату, – требует Люц. – И усильте охрану у двери. Я не хочу, чтобы у моих братьев возникали глупые мысли.

Алессио вскакивает с дивана, когда мы заходим в салон.

– Ну и как все прошло? – спрашивает он.

– Разрешите представить, – говорит Наама, – Мун де Анджелис, ключ жертвенности.

Выражение лица Алессио сначала удивленное, затем становится испуганным, а после этого – восхищенным. Я знаю, о чем он думает.

– Ты справилась, – тихо говорит он. – Ты ключ!

Я хромаю к дивану и падаю на него. Долгая ходьба утомила меня.

– Фели – ключ мужества.

Алессио тихо вздыхает от удивления.

– Два ключа в одном испытании? – он наверняка думает о том же, о чем и я. Наш обман остался незамеченным.

– Такое у нас впервые, – Наама садится к нам. – Осталось найти только одну девушку.

– Что будет теперь? Нас будут как-то готовить к открытию?

– Нет, это всего лишь церемония. Вам надо будет сказать магические слова и ознаменовать начало новой эпохи.

– Ты имеешь в виду уничтожение людей? – самое время сказать это вслух. – Прольете ли вы на нас семь чаш гнева? – Что там написано в Откровении от Иоанна? Жуткие болезни и язвы должны преследовать людей после этого. Все существа в море умрут, потому что море, реки и источники наполнятся кровью. Солнце сожжет людей дотла своим невыносимым теплом, а затем погаснет. Реки высохнут, а величайшее в истории землетрясение уничтожит все острова и горы, пока на землю будет падать град.

– Под новой эпохой мы имеем в виду время, которое решит исход борьбы между добром и злом, – сообщает Наама с высоко поднятыми бровями. – В день Искупления людям и ангелам предстоит решить этот вопрос.

– Откуда мы можем знать, что хорошо, а что плохо? – Мои мать с отцом в своих разговорах поднимали эту тему так часто, что я уже ничего и не помню. Мне кажется, будто я сейчас вернулась в то время. Может ли добро существовать без зла, спрашивал отец у матери. И то, и другое, по его мнению, были неразделимыми элементами одного целого; если бы не было зла, мы, люди, не знали бы, что такое добро. Мать ничего не хотела слышать об этом. Для нее в мире существовала только правда. Я чаще всего становилась на сторону отца. Все в жизни можно рассмотреть с двух сторон. У всего

должно быть две стороны. Но какая из них правильная, а какая – неправильная? Нам часто рассказывали о Люцифере как о зле собственной персоной, но сегодня я думаю совершенно иначе.

– Нерон де Лука собирается провести карнавал пораньше, – прерывает нас Алессио. – Он уже завтра хочет отпраздновать свое спасение и признание Фели ключом.

Я удивлена.

– Консилио позволил провести маскарад? Сейчас даже не февраль[5]. – Это временное ограничение было введено достаточно давно, чтобы никто из террористов не смог скрыться под маской.

– Совет снял этот запрет, – пожимая плечами, говорит Алессио. – Пойдем туда вместе? Нам пора развлечься!

– Я даже не знаю, – говорю я колеблясь, но, посмотрев в лицо Лилит, я понимаю, что у меня нет шансов.

– Мы пойдем туда все вместе, – говорит Наама. – Мы давно заслужили возможность расслабиться.

Остаток дня мы проводим за примеркой масок и нарядов. Я выбрала себе платье из светло-зеленого шелка. Я еще никогда не надевала что-то столь красивое. Платье облегает тело, ткань очень мягкая. Черная маска скрывает мои раны на лице, и я чувствую себя принцессой.

Завтра я постараюсь снова стать обычной девушкой, развлекающейся со своими друзьями.

Наама по моей просьбе отправляется во двор Михаэля за Фелицией. Я хочу, чтобы она была рядом. Мы сражались вместе, вместе с ней мне хотелось бы и праздновать. К сожалению, Нерон приказал ей сидеть рядом с ним весь завтрашний день.

Глава XV

Никто не узнает наших лиц под масками. Люди нарядились кто во что горазд: один костюм шикарнее другого. Повсюду стоят прилавки, за которыми торговцы продают свои товары и пудрят людям мозги своими странными приемчиками. Мне уже погадали по ладони, а Лилит купила любовное зелье у ведьмы-травницы. Все это кажется таким обыденным, что мне даже страшно. Но, возможно, люди как раз в этом и нуждаются. На каждом углу стоят акробаты или исполняющие команды дрессированные животные. Мы едим сладкую выпечку и цукаты. Я сожалею, что Люц не пошел с нами. Но он еще вчера

улетел в пятый небесный двор. Рядом с мостом Риальто танцуют пары. Алессио тащит туда Нааму, и они присоединятся к танцующим. Я завидую им, но мне лучше пока не перенапрягать свою ногу. Как и другие ангелы из нашей компании, Наама скрыла свои крылья под накидкой, и в маске она вовсе кажется человеком. Вероятно, Люцифер не пошел с нами из-за того, что ему не удалось бы скрыть того, кто он такой. Когда Сэм тащит Лилит к танцующим, Балам чувствует себя обязанным предложить мне с ним потанцевать. Он явно испытывает облегчение, когда я отказываюсь.

– Если хочешь, можешь пойти посмотреть собачьи бои, – предлагаю я ему. Мне это кажется слишком жестоким, но мужчины любят подобное.

– Люц приказал мне не сводить с тебя глаз, это я и собираюсь делать, – ворчит он. – Кроме того, я считаю натравливание животных друг на друга варварством.

– Может, тогда возьмем что-нибудь выпить?

Балам вытаскивает пару лир из сумки, и мы направляемся к лавке с напитками, где я решаю взять себе стакан пунша. Позже мы возвращаемся на площадь Марка. Там вскоре состоится Полет Ангела[6], и мы не хотим пропустить его. Это мероприятие всегда было главным моментом карнавала, оно берет свое начало в Средневековье. Даже странно, что оно носит такое название. Кроме того, на трибуне на пиацетте будут выбирать самую красивую маску. Я хватаюсь за Балама, потому что после еще двух стаканов пунша у меня начинает кружиться голова. Наама и Лилит смеются над двумя проходящими мимо нас мужчинами, одетыми в костюмы медведей. Мы проталкиваемся через цветную толпу. Кажется, почти все жители Венеции вышли на улицы, чтобы насладиться праздником. Никто и не думает о том, что этот карнавал может стать для нас последним.

Когда мы подходим к Дворцу дожей, уже наступает вечер. Сцена стоит на краю лагуны, а перед ней собралась куча людей. На сцене сидят Нерон де Лука и остальные члены совета. Рядом с Нероном расположилась Фелиция. Ей сегодня явно не так весело, как нам. Может быть, чуть позже вечером мы еще сможем повеселиться все вместе. Люди, стоящие вокруг меня, очень взволнованны и наблюдают за тем, как мужчина и женщина выходят на сцену и начинают представление. Их задача – найти среди всей кучи пришедших на площадь горожан тех, кто особенно постарался в выборе маски. Они отпускают скользкие шуточки и заставляют толпу смеяться: кандидаты на победу тем временем собираются рядом с ними. Я всегда удивлялась тому, как кропотливо люди работают над своими нарядами, и даже сегодня все маски так различаются, что я не могу выбрать самую красивую. Взгляд ведущего падает на Нааму, и он машет ей, приглашая на сцену.

Алессио целует ее в губы и, смеясь, толкает девушку вперед. Наама идет по проходу из выстроившихся по сторонам людей. Мой друг следует за ней, держа небольшую дистанцию. Ее маска действительно особенная, прежде всего потому, что это никакая не маска. Она просто разрисовала половину лица хной. Теперь ее симметричное лицо украшено красивыми цветами и стебельками, которые закрывают лоб, один глаз, губы и левую щеку, вплоть до линии роста волос. Ее красная губная помада дает разительный контраст с темной хной, и я сегодня рассматривала ее кучу времени, она еще красивее, чем обычно. Алессио готов взорваться от гордости, когда она

поднимается на сцену. Никто не узнает в ней ангела. Наконец десять кандидатов стоят на сцене.

– Прежде чем мы определимся с победителем, – сообщает ведущая, – мы посмотрим Полет Ангела.

Акробат взбирается по веревке, закрепленной у плота, стоящего в бухте. Другой ее конец обычно крепился к вершине колокольни, но, так как она была разрушена, веревка привязана к зубчатой крыше Дворца дожей.

– Я бы попросила вас соблюдать тишину, чтобы акробату было проще сконцентрироваться.

Эту просьбу мы слышим каждый год, и никто, как всегда, ее не исполняет. Толпа кричит и хлопает, пока переодетый арлекином мужчина залезает на веревку и идет по ней. Меня тошнит уже при виде этого зрелища, но он уверенно шагает по канату. Все выглядит так, словно он танцует, потому что он кружится, чтобы развлечь толпу, пританцовывает и наклоняется в стороны под рев публики. Он уже почти достиг середины веревки, вытащил из своих карманов лепестки роз и стал посыпать ими людей. Они еще громче кричат и хлопают. Я пытаюсь найти Тициана в толпе. Он наверняка где-то неподалеку. Стар и Феникс, скорее всего, наблюдают за представлением из окон библиотеки. Я встаю на цыпочки. Я не вижу Сэма и Лилит в этой толпе, и только Балам стоит в нескольких метрах от меня. Интересно, Пьетро здесь? Мне хотелось бы узнать, какая у него дальнейшая стратегия. Есть ли она вообще? Когда я напряженно ищу его, я замечаю знакомое лицо. Сначала мне кажется, что это какая-то ошибка. Просто мираж. Человек, чье лицо я вижу, сильнее натягивает капюшон и кутается в свою накидку. Но это не ошибка. Я прищуриваюсь, но когда я снова открываю глаза, она все еще здесь. Если я начну кричать, она может меня услышать. Я не кричу, потому что она наклоняет голову в сторону, чтобы с кем-то поговорить. Кровь застывает в моих венах, когда я узнаю и второго человека. Это точно Алессандра Бертольдо, девушка, ответственная за взрыв собора Сан-Марко, и на ней даже нет маски. Значит, Нерон все же не нашел истинных виновников происшествия. Я не выдала ее, а теперь она здесь. В месте, где я развлекаюсь со своими друзьями и сотнями других венецианцев. Я не думаю, что она пришла сюда, чтобы праздновать. Интересно, они давно друг друга знают или просто случайно стоят рядом? Она знает, что я стала ключом? Что она затеяла? Эти мысли отвлекают меня, и я отвожу взгляд от Алессандры на секунду. Я снова обращаю на нее внимание только тогда, когда она покидает свое место. Она несется к сцене. Недолго думая, я следую за ней, расталкивая людей. Моя нога болит, но я игнорирую эту боль. Я не знаю, что она затеяла, но я должна остановить ее и рассказать ей, как мало пользы в том, чтобы убивать невинных людей. Но она намного быстрее меня. Она стоит рядом со сценой. Я поворачиваю голову и замечаю Алессио. Я выкрикиваю его имя, но у меня нет шансов против рева толпы.

– Алессио! – продолжаю я кричать, стоя всего в нескольких метрах от него. Я подпрыгиваю, чтобы он увидел меня. Он поворачивается и смеется.

– Алессандра! – выкрикиваю я, и он сразу понимает, о чем речь. Он перестает смеяться и поворачивает свою голову в ее сторону в тот самый момент, когда девушка запрыгивает на сцену. Ее тело выглядит странно расплывчатым. Она толкает ведущих в сторону и бежит к Нерону. Я все хуже

воспринимаю то, что происходит вокруг. Вдруг в ее руке оказывается горящая палка. Я вижу смертельную улыбку на ее лице. Она уже приняла свою судьбу и собирается умереть сегодня.

– Нет! – кричу я. – Не делай этого!

Наконец зрители понимают, что происходит впереди, и начинают разбегаться. Толпа оттаскивает меня назад на несколько метров. Мое платье запуталось. Я вижу, как Алессио взбирается на сцену. Стражники уводят Нерона, а девушки со сцены разбегаются. Алессио что-то кричит. Наама сбрасывает с себя накидку и расправляет крылья. Мой друг бежит к Алессандре и толкает ее в сторону, прочь со сцены. Когда она падает в воду лагуны, она цепляется за его рубашку. А затем все вокруг меня взрывается. Огненный дождь падает на нас, и меня отбрасывает назад взрывной волной. Откуда-то с площади доносятся следующие взрывы. Зрители кричат, пытаясь убежать прочь. Но я могу думать лишь об одном: мне нужно к Алессио. Но бегущие в разные стороны люди увлекают меня за собой. Они разбегаются с трибуны, кто-то прыгает в воду. Паника утихает лишь тогда, когда взрывы заканчиваются.

– Отпустите меня! – командую я, срывая маску с лица. Пара стоящих вокруг людей узнают меня и начинают шептаться. Они произносят мое имя и расступаются, создавая проход. Люди отходят в стороны. Они больше не бегут и останавливаются на своих местах. Видели ли они то же, что и я? Алессандра повязала вокруг своего тела пояс со взрывчаткой. Если бы Алессио не столкнул ее в воду, многие из людей были бы мертвы. Трибуна полностью разрушена. Там, где совсем недавно сидел совет, теперь лишь руины. Кто-то раздает команды, но я игнорирую их. Я просто передвигаю ногами. Наама приземляется рядом с руинами и смотрит в воду. Почему она не помогает Алессио вылезти? Он не очень хорошо плавает и наверняка потерял очки. Я делаю шаг, а затем еще один. Слезы текут по моим щекам. Я уже почти добралась до набережной. Я не хочу видеть того, что я, кажется, увижу. Но я должна. Я у него в долгу. Может быть… может быть… Плач так сильно сотрясает мое тело, что я больше не могу нормально идти. Люди протягивают ко мне руки, чтобы я не упала. Они сопровождают меня. Женщины и мужчины плачут. Я нахожусь всего в двух шагах от стены, когда на меня опускается чья-то тень.

– Ты не должна смотреть на это, – мягко говорит Люцифер. – Ты больше не сможешь ему помочь.

Хотя я догадывалась об этом, я падаю на пол, услышав эти слова. Люцифер берет меня на руки и прижимает к своей груди. Я не хочу допускать этого, но он сейчас моя единственная опора. Рядом с нами приземляются Сэм, Балам и Лилит. Балам обнимает Нааму. Люди молча наблюдают за нами.

– Либерта! – говорит вдруг кто-то рядом со мной. Это слово повторяется снова и снова.

– Либерта, либерта! – хором кричат люди. Никто из падших ангелов ничего не комментирует. Никто не бросается на смельчаков, говорящих то, что они думают. Если бы ангелы не поработили нас, Алессио был бы еще жив. Люцифер придерживает меня, пока мы идем мимо людей, и я радуюсь, что он не летит

со мной в небо. Сейчас бы я просто не вынесла напоминания о том, что он ангел.

Он приводит меня к парадным воротам Порте делла Карта у западной части Дворца дожей. Другие ангелы из свиты Люцифера блокируют вход так, чтобы мы остались одни. Люцифер прислоняет меня к стене и забирает маску из моих рук.

– Мне так жаль, – тихо говорит он.

Я и не знаю, что ему ответить. Слезы все так же бегут из моих глаз, я совершенно ошеломлена. Я вспоминаю о том, как Алессио пришел к нашему отцу. Как он помогал нам после исчезновения матери, как часто он был рядом со мной и защищал меня. Как он спал со мной, потому что я попросила его об этом. Я обнимаю себя руками, потому что мне очень холодно. Он заслужил лучшей жизни.

Люц смахивает слезы с моих щек, притягивает меня к себе и согревает. Он держит меня как ребенка и шепчет успокаивающие слова на ухо. Я не знаю, как долго мы там стоим.

– Хочешь пойти к брату? – спрашивает он. – Я мог бы отвести тебя к нему. Он наверняка нуждается в тебе сейчас.

– Я не могу, – шепчу я. – Я не могу сказать ему об этом. У меня не хватит смелости.

Люцифер берет мое лицо в свои руки.

– Все в порядке. Мы не торопимся.

– Но я должна буду это сделать, да? – этот вопрос звучит жалко.

– Ты никому ничего не должна, – утешает он меня. – Может, тебе пора хоть немного подумать о себе.

Я рада тому, что могу подождать. Феникс спокойно расскажет Стар и Тициану об этом, если они сами не видели. Он будет рядом. Если я увижусь с ними сейчас, я окончательно сломаюсь. Я не могу представить свой мир без Алессио, и они наверняка тоже.

Я не прекращаю дрожать. Все время, пока мы идем по коридорам дворца, Люцифер не отходит от меня ни на шаг. Его рука лежит на моей спине. Я смотрю в пол, потому что не хочу никого ни видеть, ни слышать. Тем не менее я не могу не заметить ангелов, проходящих мимо нас на улицу. Люц открывает дверь в свою комнату.

– Здесь ты в безопасности, – говорит он, снимая плащ и накидывая его мне на плечи. Я даже не заметила этого движения. – Можно мне остаться?

Он думает, что я прогоню его? Он верит в то, что я считаю его виновным во взрыве? А может, я все-таки так и думаю?

– Давай я помогу тебе с платьем, – его руки скользят по моей спине. Люцифер умело расстегивает пуговицы, и платье падает на пол. Мои руки покрываются мурашками кожей. Он раскрывает крылья и одним плавным движением закрывает меня ими, чтобы согреть и оградить от мира. Его руки лежат на моих плечах. Люцифер гладит меня по рукам, а затем хватает мои пальцы. Все это кажется мне таким правильным, хотя на самом деле это нехорошо. В данный момент. И тем не менее я хочу продолжать стоять так, завернутая в этот теплый кокон. Я хочу чувствовать его силу.

Я упираюсь лбом в его грудь. Он притягивает меня ближе к себе и окончательно укутывает меня крыльями и тенями. Если кто-нибудь зайдет в комнату сейчас, он меня не заметит. Руки Люцифера скользят по моей коже, а губы застыли на виске, волосы щекочут мои плечи. Мне не должно быть так хорошо сейчас, но все именно так. Его аромат, его тепло и сила делают меня совсем слабой. Я хочу прижаться к нему и раствориться в нем.

– Я отнесу тебя на кровать. Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить все это. Я бы очень хотел, чтобы этого не случилось. Жалко Алессио. Он был хорошим человеком.

Да, он был хорошим человеком. Лучшим. Он никогда не оставлял нас в беде, хотя его жизнь была бы куда проще без нас. Он знал, как сильно мы его любим? Когда я говорила ему об этом в последний раз? По моим щекам снова текут слезы. Я рыдаю в грудь Люца, пока мне не становится больно. Я становлюсь комком боли. Я плачу не только из-за Алессио, у которого было право еще долго жить и любить. Я скорблю по Альберте, моему отцу и другим жертвам этой бессмысленной войны. Спустя какое-то время я совершенно выматываюсь. Я потеряла чувство времени. Как долго мы простояли здесь, окутанные тенью. Это были минуты или часы? Я должна собраться с силами, но не могу.

Люц поднимает мой подбородок и смахивает слезы с моего лица.

– Все будет хорошо, – обещает он мне. – Мы все исправим.

А затем он несет меня на кровать, заворачивает в одеяло и ложится рядом.

Когда я просыпаюсь, за окном уже глубокая ночь. Люц лежит сзади и крепко обнимает меня. Его подбородок покоится на моем плече, одной рукой он держит меня, его нога лежит на моей. Я чувствую себя в безопасности, хотя безопасность и беззаботность больше не существуют в этом мире. Сегодня еще меньше, чем вчера. Мой лучший друг погиб. Его убил другой человек. Слезы снова наворачиваются на глаза, хотя они все еще горят. Может ли быть такое, что минувший день был всего лишь сном? Я аккуратно поворачиваюсь в объятиях Люцифера. Он тихо дышит во сне и притягивает меня ближе к себе. Я целую теплую кожу его гладкой груди, поглаживая мышцы на его спине и мягкие перья его крыльев. Он остался со мной, хотя остальные архангелы наверняка ждали, что он позаботится о хаосе, происходившем на улице. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь покинуть эту кровать и смириться с тем, что произошло вчера. За что мне бороться, если все люди, которых я люблю, бросают меня?

– Не можешь заснуть? – бормочет Люцифер мне на ухо.

– Я не могу забыть этого. Эти картины. Я помню, как он стоял там и смеялся. Он был таким счастливым в тот момент, – шепчу я.

– Запомни его, – тихо отвечает он. – Этот самый момент. Счастье – это самое главное в жизни. Я делал так во время заключения. Думал о своих друзьях, о совместном времени, проведенном в раю. Какими мы тогда были счастливыми. Это помогло мне выжить, – он нежно и в то же время утешительно меня целует. Я прижимаюсь к нему, потому что мне так это нужно сейчас. Пусть держит меня и поможет мне забыться. Я боюсь, что больше никогда не смогу быть счастлива, если покину эту комнату. Но у нас в распоряжении есть эти темные ночные часы. У Люца и у меня. Я ищу его губы и целую его.

Он неуверенно целует меня в ответ и гладит меня, но в этот раз мне нужно больше. Я хочу его целиком и полностью.

– Пожалуйста, Люц, – шепчу я. – Покажи мне, каково это – чувствовать себя счастливой.

Он прекращает гладить меня, и атмосфера в комнате сразу же меняется. Становится теплее и теснее.

– Ты уверена? – спрашивает он голосом, полным желания.

– Да, – выдыхаю я. Он не переспрашивает. Люц опускает меня на простыню, а его глаза сверкают, когда он наклоняется надо мной. Его губы захватывают мои, и я открываю рот. Его язык скользит внутрь. Я обнимаю ангела руками, касаясь каждого сантиметра его тела. Он покрывает поцелуями мою кожу, касается языком чувствительных мест на моей груди. Я отвечаю на поцелуй, впиваясь ногтями в его спину. Его губы горячие и такие мягкие, что я таю. Когда мне кажется, что я вот-вот взорвусь от его поцелуев, его губы спускаются вниз, он крепко держит меня за талию и целует между ног.

– Люц, – со стоном отвечаю я, чувствуя себя запретно хорошо. Он ласкает меня, но я хочу большего, я нуждаюсь в этом. Я мягко подтягиваю его к себе, пока Люцифер не оказывается рядом. И тогда я сажусь на него. Я не знаю, откуда я взяла смелость сделать это, но мне нужно чувствовать уверенность хоть в чем-то, когда я так подвластна своей судьбе. Его глаза сначала округляются, когда я впускаю его в себя. Это похоже на шелк и огонь одновременно, и я задыхаюсь. Его взгляд скользит по моему лицу, плечам, по моей груди и животу, пока его руки властно лежат на моих бедрах.

– Ты такая красивая, – задумчиво говорит он. – И бесстрашная. Никто и никогда не сломает тебя, Мун, – восхищение в его голосе заставляет меня краснеть, но в то же время я горжусь собой. Несмотря на все свои раны, в это самое мгновение я действительно чувствую себя красивой, сильной, желанной и смелой. Он подарил мне эти чувства, и, что бы ни случилось в будущем, я буду стараться запомнить это мгновение. Потому что это то, что делает меня особенной. Я на самом деле такая. И никто не отнимет этого у меня.

Я начинаю двигаться, сначала медленно, а затем все быстрее, и чувствую себя сильной, потому что Люцифер хочет меня и тем не менее позволяет мне

самой задавать ритм. По крайней мере, какое-то время. Затем он мягко поворачивается так, что я оказываюсь под ним. Я ощущаю его все глубже, он целует мою шею, мягко покусывая плечо. Затем находит мои губы. Когда мы приходим к завершению, мне кажется, что сплелись не только наши тела, но и души, – и в это мгновение я счастлива.

Глава XVI

Я просыпаюсь, и светлый день уже наступил. Я сразу же вспоминаю все, что произошло вчера. Я свернулась калачиком под тонкой простыней и задаюсь вопросом, где Люц. Я никогда не забуду о чувствах, которые он мне подарил прошлой ночью, но реальность всеми силами захватывает меня.

Дверь открывается, и Люц заходит в комнату с чашкой кофе в руках. Он смотрит на меня с беспокойством.

– Как твои дела?

Я сижу на помятой кровати друг с другом, где мы провели ночь. Я должна быть самой счастливой девушкой на планете, но не знаю, что чувствую. Сожаление? Стыд? Страсть? Любовь? Люцифер подходит ко мне и садится рядом.

– Тебе не должно быть стыдно, – тихо говорит он. – Точно не за это. Нет ничего плохого в том, чтобы заниматься любовью.

Я пристально смотрю Люциферу в глаза. Несмотря на все его заботы, он выглядит достаточно расслабленным.

– Большое спасибо, – говорю я, – что ты остался со мной.

Он лукаво улыбается:

– Было очень приятно.

Я чувствую, что моя шея начинает краснеть.

Люц тихо смеется и нежно целует мою израненную щеку.

– Нет поводов для смущения. Мы не сделали ничего такого, чего я не хотел бы повторить.

Я делаю глоток из чашки и улыбаюсь ему в ответ.

– Как дела у Наамы? Она видела больше, чем я. Алессио спас ее жизнь и пожертвовал собой. Ее, должно быть, убивают мысли об этом.

– Лилит и Сэм о ней заботятся.

– Я хочу к ней, – говорю я. – И к брату.

Прошлой ночью я взяла передышку, но та закончилась. Тициан и Стар нуждаются во мне, даже если я не знаю, как могу быть рядом с ними, пока живу в пятом небесном дворе. И мне нужно наконец рассказать Люцу о своей сестре. Интересно, он будет настаивать на том, чтобы увидеть ее? Теперь, когда он думает, что я кровная наследница и ключ, моя сестра снова в опасности. Ангелом осталось найти один-единственный ключ. Заставит ли он Стар пройти испытания? Поступил ли бы он так со мной после всего того, что произошло между нами? Я должна сказать ему, что она больна. Должна объяснить, что она не переживет этих испытаний. У меня слишком много тайн. На мои глаза наворачиваются слезы, и я чувствую себя более одинокой, чем когда-либо. С кем мне теперь говорить обо всем этом, ведь Алессио умер. Я не знаю, что правильно, а что нет. Но я доверяю Люциферу больше, чем любому человеку, которого знаю.

– Он навсегда останется в твоем сердце, – говорит Люцифер, полагающий, что я снова плачу из-за Алессио. – И однажды ты снова встретишь его, а ваши души узнают друг друга.

– Я не верю в переселение душ, – отвечаю я, положив свою раненую руку на его грудь. Его кожа теплая, мягкая и упругая. Когда он рядом, я чувствую, что у меня есть якорь в этой жизни.

– Ты и не должна верить в это, но от этого суть не изменится – ваши души так и делают. Они переселяются из одной жизни в другую, пока наконец не станут светом, – он гладит по моей щеке пальцами. – Каждая душа должна завершить свой цикл, прежде чем она сможет покинуть этот мир. У каждой души есть тысяча жизней. Вы с Алессио были так крепко связаны, что, мне кажется, вы уже встречались раньше.

– Мысль об этом утешает меня.

– Иногда это кажется мне более интересным, чем бессмертие ангелов. Мы живем только одну жизнь и повторяем одни и те же ошибки снова и снова.

– Я никогда не предам тебя, как Сариэль, – вдруг говорю я. Может быть, сравнивать себя с серафимом – слишком самонадеянно, но он должен знать об этом. Я не стану выдавать его тайны, но я действую у него за спиной. Интересно, это так же плохо?

Люц притягивает меня к себе и целует меня.

– Я знаю это, – говорит он в мои губы. – В тебе нет ни капли лжи.

Я прижимаюсь к нему и надеюсь, что он продолжит так думать, когда узнает мою тайну.

Два часа спустя мы с Наамой и Сэмом идем по пиацетте. Я пошла к ней, чтобы утешить ее, а она настояла на том, чтобы сопроводить меня к брату и сестре. Я не могла отказать ей в этом, потому что, думаю, она просто

хотела оказаться в месте, напоминающем ей об Алессио. Ее лицо кажется словно замороженным. Еще вчера она была такой счастливой. Алессио пожертвовал собой ради нее, и это, наверное, худшее. Человек спас ее и отдал за нее свою жизнь. Все, что осталось от карнавала, было убрано с площади. Сейчас и не скажешь, что венецианцы праздновали здесь вчера. Нигде не осталось следов взрыва. Только за стенами пирса сияет что-то яркое. Только подойдя ближе, я могу разглядеть, что это. Кто-то оставил там цветы. Я беру Нааму за руку, а Сэм обнимает ее. Еще несколько минут мы молча смотрим на воду лагуны. Я не могу остановить слез, а Наама берет цветок в руку, целует его и бросает в воду. Качающиеся волны уносят его прочь.

– Пойдемте, – говорит Сэм после того, как цветок исчез из поля нашего зрения. Ему не нравится, что я нахожусь на улице без защиты. И это при том, что в небе летают ангелы-воины пятого небесного двора. Люц настоял на этом, когда я отказалась идти в библиотеку со свитой из нескольких ангелов. Он боится за меня и не только из-за того, что я ценный ключ.

Я стучу в дверь библиотеки, и стук дверного молотка делает ситуацию еще более нереальной. Алессио больше никогда не откроет мне. Какое-то время спустя Феникс открывает дверь.

Он суровым взглядом рассматривает Сэма и Нааму.

– Как дела у Тициана? – спрашиваю я. Мне надо было сразу же прийти к ним вчера. Эта ситуация все же непростая. Сэм не знает ничего о Стар, и я не знаю, как мне объяснить ее присутствие.

– Все так, как может быть в такой день. Он сидит в читальном зале. Я не стал отправлять его в школу сегодня.

– Можно мне к нему?

Феникс кивает.

– Он должен остаться снаружи. – Его взгляд впивается в Сэма, и, как мне кажется, он был готов вступить в схватку с ангелом, чтобы тот держался подальше от Стар. – Я не хочу, чтобы он заходил к нам в дом.

– А мне нельзя спускать глаз с Мун. Мне очень жаль, что все это случилось, жаль, что вам пришлось пережить все это, но Мун слишком ценна для нас. С ней ничего не должно произойти.

На мгновение мне кажется, что Феникс сейчас бросится на него. Я кладу руку на предплечье Сэма.

– Просто подожди здесь. Читальный зал прямо над нами. Со мной ничего не случится.

К моему удивлению, он кивает.

– Ты можешь отвести Нааму в комнату Алессио? – обращаюсь я к Фениксу. – Ей бы хотелось попрощаться с ним.

Его взгляд смягчается. Интересно, Алессио рассказывал ему о том, как важна для него Наама? Наверняка. Я завидую Фениксу, ведь он проводил последние несколько недель с моими братом, сестрой и лучшим другом. У меня были только недолгие мгновения, когда он приходил к нам во Дворец дожей. Никто не вернет мне потерянное время, которое я могла провести с ним. Я бегу в читальный зал и брожу мимо рядов. Стар где-то спряталась, но я не хочу звать ее, потому что Сэм может меня услышать. Я нахожу ее, пройдя на две комнаты дальше. Она наклонилась над своей книгой, а шелковые волосы падают ей на плечи. Тициан сидит рядом с ней, погруженный в чтение. По крайней мере, он делает вид. На самом деле он просто уставился в одну точку перед собой. Его глаза все еще опухшие от слез. Они оба замечают меня лишь тогда, когда я кладу руку на спину Стар. Тициан вскакивает с места и бежит обниматься со мной. Я крепко прижимаю его к себе и погружаю лицо в его волосы. Стар медленно поворачивается к нам. Скорбь охватила все ее тело, и она обнимает себя руками так, будто боится, что вот-вот сломается. Я протягиваю руку к ней, и мы обнимаемся все вместе. Я шепчу успокаивающие слова на ухо своей сестры и глажу Тициана по волосам. Мы потеряли столько всего, но мы все еще есть друг у друга. Это почти чудо.

Я не знаю, как долго мы стоим, обнявшись, и отпускаем друг друга лишь тогда, когда кто-то позади нас кашляет. Я встаю перед Стар, загораживая ее.

– Ты не должна быть здесь одна, – говорит Люц, серьезно разглядывая меня. Видимо, Сэм впустил его сюда. Почему он пошел за нами? Меня охватывает страх. Что мне делать? Лгать ему?

На самом деле у меня больше не осталось выбора. Я должна рассказать ему о Стар и молить о пощаде. Я не хочу ничего от него скрывать, точно не после вчерашней ночи. Я медленно отхожу в сторону, и его взгляд падает на мою сестру.

– Это моя сестра-близнец Стар, – тихо объясняю я. – Мне надо было уже давно рассказать тебе о ней. Мне очень жаль. Я хотела защитить ее и соврала тебе. Она не умерла. Мы прятали ее здесь. Извини.

Люцифер не отвечает мне. Я вижу на его лице самые разные эмоции. Он смотрит на меня, и я замечаю в его глазах ужас. Что-то в нем изменилось, он напрягается и сглатывает. Вся мягкость куда-то исчезает.

– Люц, – я кладу руку на его предплечье. – Ты должен понять меня. Я прятала ее, потому что не хотела, чтобы с ней что-то произошло. Она немая, но понимает все, что ты говоришь. Она не такая, как остальные люди. Она особенная.

Он не реагирует на мои слова, а только смотрит в глаза Стар. Ее глаза округляются, и скорбь куда-то исчезает. Люц улыбается моей сестре так, как он еще никогда мне не улыбался. Он будто увидел кого-то родного, в его взгляде облегчение и бесконечная любовь. Они оба общаются друг с другом, им даже не нужны жесты. Он читает ее мысли? Знает ли он о том, что она чувствует? Блеск в его глазах ледяной рукой хватает мое сердце. Ни Тициан, ни Сэм, стоящий позади Люцифера и тоже уставившийся на Стар, ничего не говорят. Ангел смотрит на сестру не таким влюбленным взглядом,

как Люц, но так, будто она ответ на все его молитвы. Люцифер делает еще один шаг в ее сторону и кладет руку на ее щеку.

– Я нашел тебя, – с благоговением говорит он. – Я уже и не надеялся.

«Я ждала тебя здесь», – отвечает моя сестра жестами так, словно она прекрасно понимает, что он имеет в виду. Мне становится еще холоднее, когда лицо Люцифера сияет. Как будто свет изнутри выбрался наружу. Он выглядит таким счастливым и свободным, как никогда раньше. В наши самые интимные моменты он не выглядел таким расслабленным. Кажется, что Стар этими четырьмя словами сняла тяжелый груз с его плеч.

Я моргаю, пытаясь упорядочить свои мысли и понять, что происходит в данный момент. Но мне в голову не приходит ни одной идеи. Я никогда не верила в феномен любви с первого взгляда и не думала об этом, но сейчас я вижу явное доказательство того, что она существует.

Я опираюсь на своего брата и на край стола позади меня, потому что мои ноги подкашиваются. Люцифер игнорирует меня так, словно меня никогда и не существовало. Он сказал мне, что боится того, что может сделать с ним любовь. Этот страх, видимо, уже не так сильно его волнует, потому что любовь заставляет его выглядеть более внушительным и уверенным. Он берет руку Стар в свою. Туман, окутывающий их двоих, больше не серый или черный. Он стал белоснежным.

– Люц, – тихо говорю я и снова замолкаю.

– Сэм, верни Мун обратно во дворец, – командует он, не удостоив меня взглядом. – Приставь к ней охрану.

Я хочу возразить, но Сэм кладет руку мне на плечо и качает головой. Все в этой ситуации какое-то ненастоящее, нереальное. Конечно, Стар очень красивая, чистая и без недостатков. Я защищала ее от всего мира, потому что боялась, что какой-нибудь ангел может найти ее и забрать у меня. Но я не думала, что Люц может стать этим самым ангелом. Я поджимаю губы, смотря в ее тоскливое лицо. Я должна сказать ей что-нибудь, потрясти ее и образумить. Она не может забрать его у меня. Отчаяние охватывает меня с невероятной жестокостью, я спотыкаюсь, книга позади меня падает. Вчера я потеряла Алессио, они не должны поступать так со мной!

– Она не последний ключ, – говорю я. – Если ты вдруг так думаешь. Не надо отправлять ее на испытания.

– Я знаю, – кратко отвечает Люц, выбивая почву у меня из-под ног. В тот же момент он убирает прядь с лица Стар.

Мое сердцебиение учащается, и мне приходится заставлять себя дышать спокойно. Эти двое так смотрятся, словно милостивый Бог создал их друг для друга. Я не могу подавить поднимающуюся в моей глотке тошноту. Мои глаза наполняются слезами, которые я никак не могу остановить.

– Мун, – говорит Сэм. – Нам пора идти.

Я в последний раз смотрю на Люца, но он уже забыл обо мне. Я неуверенно шагаю в сторону, взъерошиваю волосы Тициана, который в замешательстве наблюдает за сценой. Я на секунду останавливаюсь.

– Завтра я снова приду, – шепчу я. – Скажи это Фениксу.

Мне нужно уйти отсюда, пока я не разрыдалась.

Только сейчас я заметила Лилит, которая стоит позади Сэма и выглядит примерно так же растерянно, как я себя чувствую. Сэм берет меня за руку, словно боится, что я убегу. Мы молча покидаем библиотеку и идем к Дворцу дожей. Я никогда не чувствовала себя заключенной больше, чем сейчас. Когда мы вернулись в покои Люцифера, Сэм что-то прошептал на ухо Лилит, и та повела меня в мою прежнюю комнату. Факт, который мне уже давно ясен, едва ли может быть еще очевиднее. Он просто заменил меня. Моей же собственной сестрой. Просто так. Ему было достаточно лишь увидеть ее, и он меня забыл. Поверить в это не могу. Я бы, возможно, боролась за свою любовь с какой-нибудь другой женщиной. Но не со Стар.

В комнате прохладно, потому что в ней никто не был со времен последнего испытания. Мне требуется некоторое время, прежде чем я могу зажечь огонь в камине, потому что мои руки все время трясутся. Я сажусь рядом с ним, надеясь, что мне скоро станет теплее. Я все еще пытаюсь понять, что произошло в библиотеке, когда кто-то стучится в дверь, и Лилит заходит в комнату. В руках она держит все мои вещи, которые находились в комнате Люцифера до этого момента. Что-то внутри меня окончательно ломается.

– Он приказал мне принести их тебе, – говорит она, вешая вещи в шкаф.

– Он вернулся? – тихо спрашиваю я. – Он привел Стар?

– Она с ним, – отвечает Лилит. – Ты знала об этом? Почему ты прятала ее от него?

Что это я должна была знать? Что ни один ангел не может устоять перед моей сестрой?

Я громко смеюсь. Шокированная, я понимаю, что по моим щекам текут слезы.

– Может быть. Я уже ничего не знаю. Она такая красивая, что могла и сама быть ангелом. Я… – я останавливаюсь, потому что не хочу произносить свои мысли вслух. Это все мои травмы и ранения. Какой мужчина бы выбрал изуродованную женщину, если мог бы получить Стар?

Лилит грустно качает головой и вешает в шкаф последнюю вещь. Затем она подходит ко мне, садится рядом со мной на пол и берет меня за руку.

– Я знаю, как ты себя чувствуешь, – говорит она. – Адам заменил меня Евой, а потом я целую вечность безответно любила Сэма, прежде чем он меня вообще заметил. Я бы сказала тебе, что спустя время тебе станет легче воспринимать то, что твоя любовь невзаимна… – она на мгновение останавливается. – Но легче не станет.

Я прикусываю губу, подавляя стон. Когда я убегала от стражников по катакомбам, я чувствовала себя не так безнадежно, как сейчас, и не так одиноко. Сможем ли мы с Люцифером вообще общаться? После всего, что было между нами, и после того, как я потеряла его. Придет ли он поговорить ко мне хотя бы раз? Неужели я не заслужила хоть какого-то объяснения или прощания? Как он может так поступать со мной? Что, если я просто была одной из многих? Вероятно. Но он заботился обо мне. Да. Но я практически умоляла его заняться со мной любовью, и он просто взял то, что ему предложили. Больше я для него ничего не значила.

– Я бы хотела побыть одна, – говорю я. – Если тебе не сложно. Спасибо, что принесла мне вещи.

– Ты уверена? – она испуганно смотрит на меня. Она не должна смотреть, как я страдаю. Еще утром он лежал со мной в кровати. Он целовал меня и ласкал. Я могла касаться его.

– Все в порядке, правда.

– Со временем станет проще, – она встает и, к счастью, больше ничего не говорит, потому что все это ложь. Не успевает она покинуть мою комнату, как я бегу в ванную. Меня тошнит. Снова и снова. Я с трудом тащусь к своей кровати и закапываюсь с головой в подушки. Они заглушают мой крик, и никто меня не слышит.

Ключ жертвенности, это просто смешно. Я просто хотела защитить тех, кого люблю. Мое тело болит от тоски, и я каждой его клеточкой скучаю по Люцу. Я рыдаю, царапаю кожу на своих ногах, руках и животе. Все те места, которые завтра я смогу скрыть под одеждой. Что мне теперь делать? Обвинять его? Бросаться ему в ноги? Умолять его любить меня, а не ее? У меня есть целая ночь, чтобы скорбеть и жалеть себя. Завтра я выйду из комнаты и спрячу все раны, которые он мне нанес.

Следующим утром соль от моих слез жжет лицо и мои шрамы. Я задаюсь вопросом, не было ли все то, что происходило в последние несколько дней, лишь ночным кошмаром. Может, Алессио сейчас войдет в комнату и нанесет мазь на мои раны? А потом мы посидим с Лилит и Наамой в салоне. Люц придет и будет улыбаться мне. Я неподвижно сижу перед зеркалом, смотрю на свое изуродованное лицо, пытаясь понять, что происходит. Почему Алессандра не убила меня? Почему я не обезвредила ее быстрее, чем Алессио? Почему не я стояла рядом с Наамой? И почему именно она была рядом с Алессандрой. Как вообще возможно такое, что она еще жива? Может, мне просто все это показалось?

Кто-то стучится в мою дверь, и сердце начинает бешено колотиться. Может, он пришел ко мне, чтобы извиниться? Он злился на меня только потому, что я не рассказала про Стар раньше? Он понял, почему я пыталась защитить ее?

Но это Наама. Она грустно смотрит на меня. На мое лицо и раны, которые я сама себе нанесла. Она ни в чем меня не упрекает.

– Хочешь, я тебе помогу? – спрашивает она.

Когда я киваю, девушка закрывает за собой дверь. Интересно, она была в комнате Алессио этой ночью? Как Феникс позволил Люциферу забрать у него Стар? Он вообще позволил ему это сделать или Люцифер что-то с ним сделал? А как там Тициан? Я хочу задать все эти вопросы, но у меня нет на это сил.

– Я не могу пойти туда, – запоздало отвечаю я.

– Но ты должна.

– Он не придет ко мне, да? – у меня все еще осталась крошечная надежда. Но он же не может быть так жесток ко мне! После всего, что было между нами.

– Нет, не придет. – Она встает позади меня и кладет руки мне на плечи. Он не просто зол на меня из-за того, что я прятала от него свою сестру, – он вычеркнул меня из своей жизни. Просто так. По щелчку пальцев. Он больше не хочет быть со мной. Он нашел кое-кого лучше.

Мои губы дрожат, а пальцы вцепились в расческу, которую я держу. Я бросаю ее в зеркало, и оно разбивается на тысячу кусочков. Наама не сдвинулась с места.

– Ты пойдешь со мной в салон, – серьезно командует она. – Я не позволю тебе прятаться здесь.

Она помогает мне одеться, и мы говорим только то, что необходимо. Она делает мне прическу, с помощью макияжа маскирует следы слез, но не шрамы.

– Тебе нет смысла прятаться, – говорит она. – Ты самая смелая девушка из всех, что я знаю. Однажды ты будешь гордиться шрамами, оставшимися после испытаний.

Откуда ей об этом знать? Она очень красивая. Я пытаюсь не верить в то, что Люциферу я нравилась и со шрамами. Я не хочу думать о внешней безупречности. Он должен был любить меня такой, какая я есть – со своими ранами, травмами и ошибками. Но он меня не любит. Ему было достаточно одного взгляда на Стар, чтобы выбрать ее. Я хочу спросить Нааму о том, кто сидит в салоне, но решаю воздержаться. Как она вообще может находиться там без Алессио и продолжать жить без него? Она намного сильнее меня. Когда она заканчивает с макияжем, она смотрит мне в глаза, и я вижу в них боль.

– Ты очень красивая, – тихо говорит она, и уголки ее губ поднимаются в легкой улыбке. – Ты выйдешь из комнаты и виду не подашь, что тебе плохо. Спрячь их, спрячь свои чувства. Они делают тебя уязвимой.

Я не знаю, откуда в ней вся эта сила. Алессио мертв, и она не смогла спасти его. Люцифер жив, и я буду видеть его каждый день – рука об руку с моей сестрой. Вплоть до дня Искупления.

Наама идет со мной рядом, когда мы заходим в салон. Голоса утихают, и почти все головы поворачиваются к нам. Я чувствую руку на моей спине,

когда спотыкаюсь. Мне так бы хотелось повернуться и убежать отсюда! Мой взгляд словно магнитом притягивает к Стар и Люциферу. Они стоят на балконе. Моя сестра одета в красивое платье и похожа на богиню. Своими маленькими ручками она держит чайную чашку и улыбается, пока Люцифер говорит ей что-то. Они так смотрят друг на друга, будто они наедине. Я впиваюсь ногтями в свои ладони, пока они не начинают болеть. Я рада, что Наама принесла мне брюки и рубашку. Так я хотя бы буду похожа сама на себя. Даже в ангельском платье рядом со Стар я буду выглядеть Золушкой. И я имею в виду не ту Золушку, которая танцует с принцем на балу, а ту, которая спит в золе рядом с духовкой. Мы живем в мире, в котором красота не должна иметь никакого значения. Но все не так.

– Давай что-нибудь поедим, – тихо говорит Наама, и мы идем к столу, на котором стоит завтрак. Я беру немного фруктов, и, когда я поворачиваюсь, чтобы найти место, куда я могу сесть, сестра оказывается позади меня. Ее глаза сияют.

«Доброе утро», – жестикулирует она. Она выглядит такой счастливой, что я тяжело сглатываю. Она совсем не понимает, какую боль она мне причиняет? Конечно, нет. Она не знает ни того, какие у меня к Люциферу чувства, ни того, что нас связывает. Я не могу ее ни в чем упрекнуть. А где она провела ночь, в комнате Люцифера? В его постели? Я не должна думать об этом, потому что меня это не касается. Он стоит позади нее так, словно он к ней прилип. Люц игнорирует меня.

– Доброе утро, – отвечаю я на ее приветствие. – Как твои дела? Тебе хорошо спалось?

Ее щеки краснеют, и я уже знаю ответ. Я закрываю глаза на секунду, а когда я снова открываю их, Люцифер положил руку на ее маленькое плечо. Кассиэль уже говорил мне, что Люц причинит мне боль еще более серьезную, чем он сам когда-либо смог бы. Я не поверила ему, но именно это сейчас и происходит. На деревянных ногах я возвращаюсь к диванам.

Форфакс отодвигается в сторону, чтобы я могла сесть.

– Может, тебе принести еще что-нибудь? – он смотрит на две дольки апельсина на моей тарелке.

– Нет, спасибо. – Я ни в чем не нуждаюсь. Точно не в жалости. Он понимающе кивает.

После завтрака я прошу Сэма отвести меня в библиотеку. Я больше ни секунды не могу находиться в покоях Люцифера и хочу знать, как дела у Тициана и Феникса. Надо было вчера остаться с братом. Но я думала только о себе и своей боли.

– Я тоже пойду с тобой, – тут же говорит Лилит, и Наама присоединяется к нам. Они встают по разные стороны от меня, и я благодарна им за поддержку.

В этот раз дверь открывает Тициан. Он выглядит еще бледнее, чем вчера, и это разрывает мне сердце. Кьяра стоит рядом с ним и смотрит на меня с упреком.

– Вы впустите нас в квартиру? – осторожно спрашиваю я, теперь жалея, что не пришла одна.

– Я подожду снаружи, – говорит Сэм, чувствуя укол совести. Если бы он не впустил Люцифера вчера, всего этого бы не произошло. – Оставайся там так долго, как тебе захочется.

Я захожу в библиотеку. Мы с Лилит и Наамой следуем за Тицианом, который молча идет по квартире. Комната, в которой вчера была Стар, выглядит покинутой. Я остаюсь стоять на месте. Полки и столы опрокинуты, книги разорваны на части и лежат на полу.

– Что тут произошло? – испуганно спрашиваю я у брата. – Неужели в библиотеке были мародеры? С тобой что-то случилось? Нельзя было мне возвращаться во дворец вчера.

– Это все Феникс, – отвечает Кьяра вместо Тициана. – Сразу же после того, как Люцифер увел Стар. Он просто сошел с ума. Он даже ее мозаику разрушил.

Я поджимаю губы. Феникс любит Стар половину своей жизни, а потом приходит Люцифер и просто забирает ее у него. Его потеря куда больнее моей.

– Где он сейчас?

– Наверху, на кухне. Напился и спит.

– Ты была здесь вчера? – спрашиваю я у девочки.

Она кивает.

– Я прихожу к Тициану в гости каждый день. Чтобы он не чувствовал себя одиноким. Мне очень жаль, что с Алессио такое случилось…

– Очень мило с твоей стороны, – выдавливаю я. Она не виновата в том, что ее отец меня предал. Это больше не играет никакой роли. Прошлое нельзя изменить, и я рада, что у Тициана есть такая подруга. Как Кьяра и сказала, Феникс оказывается на кухне. Он положил голову на свои скрещенные на груди руки и спит. На столе лежат пустые бутылки.

Я убираю волосы с его лица, и он вздыхает.

– Стар? – тихо спрашивает он, хватая меня за руку.

Это бесполезно. Как долго бы он ни спал, реальность будет все той же, когда он проснется. Я встаю на колени рядом с ним и трясу его за плечи.

– Феникс, просыпайся.

Он рычит и уворачивается, но я его не отпускаю.

– Пожалуйста. Это я, Мун.

Он медленно открывает глаза.

– Это ты привела сюда этого ублюдка, – угрожающе говорит он. – Он забрал ее у меня… – Его глаза остекленели и наполнены болью.

– Я очень сожалею… Я не знала… – Я умолкаю, потому что не могу и не хочу извиняться перед ним.

Я даже не понимаю, что произошло вчера. Я поднимаюсь и начинаю убираться. Лилит помогает мне в этом, а Наама исчезает в комнате Алессио. Как бы мне хотелось, чтобы у меня тоже была такая комната, в которой можно было бы спрятаться. Обыденность моих действий помогает привести мысли в порядок.

– Вы можете собрать бутылки? – прошу я Тициана и Кьяру. Они сразу же принимаются за работу. Феникс стонет и хватается за голову.

– Вы слишком громкие, – жалуется он.

– Ты выпил слишком много. – Я ставлю перед ним стакан воды.

– Ты должна вернуть ее, – требует он после того, как выпивает воду. – Она должна быть здесь. Со мной.

– Очевидно, она забыла об этом в тот самый момент, когда Люцифер посмотрел ей в глаза. – Я поджимаю губы, потому что слова кажутся очень злыми, а я не хочу причинять Фениксу еще большую боль. Я сажусь рядом с ним.

– Я не думаю, что она вернется. Она сама с ним ушла. Добровольно. Мне показалось, что они оба искали друг друга и наконец нашли. – Последние слова вырываются из моих губ хрипом, потому что мои худшие опасения становятся явью.

Лилит садится напротив меня и прикусывает губу. Сначала мне кажется, что она хочет что-то сказать, но она молчит.

Феникс медленно кивает, когда понимает значение слов.

– Я этого не допущу, – говорит он затем. Он вскакивает на ноги, и стул падает на пол. Юноша наклоняется ко мне. – А теперь послушай меня. Ты жертвуешь собой ради каждого, невзирая на то, заслужил он это или нет. Я не такой добрый. Я люблю Стар, а она – меня. Я это знаю и не позволю какому-то ангелу забрать ее у меня. Я найду способ вернуть ее, с твоей помощью или без нее.

Прежде чем я успеваю хоть что-то ответить, он спотыкается в направлении выхода.

Я беспомощно смотрю на Тициана и Кьяру.

– Я теперь останусь один? – спрашивает мой брат.

Я качаю головой:

– Конечно, нет. Я буду здесь с тобой. Люцифер пусть хоть на руках сюда придет, мне все равно.

Кажется, Кьяра чувствует облегчение. Она сжимает руку Тициана.

– Мне надо идти домой. Ты завтра придешь в школу?

– Посмотрим, – отвечаю я вместо него. – Нам надо пока что разобраться со всем. – Так много всего еще нужно обдумать. Разрешит ли мне Люцифер остаться здесь? Если я останусь, на что мы будем жить в ближайшее время? Могу ли я оставить Стар одну с ангелами? Над всем этим нужно поразмыслить. Но сначала мы проводим Кьяру вниз. Сэм все еще стоит у входа.

– Феникс ушел, – говорит он ни с того ни с сего.

– Поэтому я должна остаться с Тицианом. Можешь сказать об этом Люциферу? – Мне больно даже говорить его имя.

– Он этого не позволит, – беспокойно отвечает Сэм.

– Мне все равно. Я не оставлю своего брата в одиночестве.

– Мы с Наамой останемся с ней, – вмешивается Лилит. – Мы за ней присмотрим.

Сэм грустно качает головой:

– Я не могу гарантировать тебе того, что он это разрешит.

– Значит, ты должен попытаться убедить его в том, что это необходимо! – кричит Лилит на него, захлопывая дверь прямо перед его носом.

После этого она гладит Тициана по голове.

– Какая у тебя хорошенькая подружка!

Он смущенно улыбается, и я рада, что она пытается подбодрить его.

Мы заканчиваем уборку, а затем я смотрю в шкафы в поисках продуктов. Еды тут немного, но нам этого будет достаточно.

Мы молча едим, а затем Тициан идет в свою комнату. Наама не показывается все это время, и я предлагаю Лилит поспать в комнате Стар.

Я беспокойно брожу по библиотеке. Я почти не заметила громкий стук во входную дверь. Снаружи темно, и я задаюсь вопросом, кто может оказаться на пороге в такое время. И тем не менее спускаюсь. Может быть, Феникс забыл свой ключ. Когда я открываю дверь, передо мной стоит Люцифер. Мое сердце начинает биться быстрее.

– Стар попросила меня принести вам что-нибудь из еды, – говорит он, протягивая мне корзинку. Почему он пришел сюда сам?

Я хватаюсь за дверную ручку, чтобы не закричать.

– Мы ни в чем не нуждаемся. – Не нужны нам его подаяния.

– Ты возьмешь эту корзину, а завтра позаботишься о том, чтобы твоего брата кто-нибудь приютил. Ты не можешь оставаться с ним одна.

Он всегда был таким бессердечным? Возможно. Мое воображение возвеличивало его все это время.

– Я останусь здесь так долго, как это будет ему необходимо.

К счастью, мой голос не дрожит.

– Не раздражай меня. Ты либо пойдешь со мной добровольно, либо я сам тебя заберу.

– Три дня, – требую я. – Ты должен мне три дня.

Его лицо выражает что-то, что я не могу идентифицировать. Затем он делает глубокий вдох.

– Три дня, ты возьмешь еду, и ты должна быть осторожной.

– Конечно, я буду осторожной, мне же еще нужно выполнить задание.

– Верно, – он поворачивается ко мне спиной. – Как и мне.

Затем он спускается вниз по ступенькам.

– Тебе больше нечего мне сказать? – Я переступаю через свою гордость, потому что мне просто нужно знать это.

Он останавливается на месте, но не поворачивается. А затем он просто уходит и забирает мое сердце с собой.

Через два дня мне становится ясно, что я действительно не смогу оставаться в библиотеке с Тицианом.

Эти комнаты хранят слишком много воспоминаний. Тициан настоял на том, чтобы пойти в школу, и я позволила ему это. А я просто хочу убежать от теней, наводнивших библиотеку. Мой отец, моя мать, призраки их друзей, которые когда-то приходили к нам в гости, отмечали здесь праздники и что-то обсуждали. Я брожу по комнатам и вижу Стар, сидящую за своей книжкой или работающую над мозаикой вместе с Фениксом. Интересно, она взяла с собой книгу или ей было плевать на нее, когда она встретилась с Люцифером? Все эти годы она хранила ее как зеницу ока. Мне надо бы поискать ее, но у меня нет на это сил. Я иду дальше и слышу смех Алессио и Тициана. Сад напоминает мне о днях, проведенных с Кассиэлем, которые стали по совместительству началом большой катастрофы. Мне бы так хотелось сбежать. Но у меня нет убежища. Мне некуда больше идти. Когда Тициан приходит домой чуть позже, он кажется мне более спокойным, чем обычно.

– Что случилось? – спрашиваю я у него. – Что-то не так в школе? Снова что-то с отцом Касарой?

Он качает головой:

– Паоло предложил мне жить у него, – говорит он колеблясь. – Потому что тебе нужно присматривать за Стар.

Я растерянно хлопаю глазами.

– Но мне и за тобой тоже надо присматривать.

Тициан качает головой:

– Мне не так сильно это нужно, как ей, и я в полном порядке. Мне нравятся родители Паоло, и там мне будет комфортнее, чем здесь.

Мой младший брат кажется слишком взрослым.

– Почему ты так говоришь?

Он больше меня не любит?

– Здесь слишком много воспоминаний, – тихо объясняет он. – И Феникс не вернется, так?

– Нет. Скорее всего, нет.

С тех пор как я нашла пьяного Феникса у нас на кухне и он выбежал из квартиры, я его больше не видела. Я волнуюсь за него, но не знаю, где его искать. Кроме того, Люцифер приставил к библиотеке какого-то незнакомого ангела-воина, который не позволяет мне никуда выходить.

– Ты правда хочешь этого?

Тициан кивает, и от мысли о том, что мне надо будет вернуться во дворец, все внутри меня переворачивается. Я не хочу день ото дня наблюдать за тем, как моя сестра влюбляется в Люцифера, а он – в нее. Это просто пытка какая-то. Лучше я добровольно пойду в темницу. Люцифер не хочет, чтобы я жила здесь одна. Значит, у меня будет еще один день.

– Помочь тебе сложить вещи? – спрашиваю я, и Тициан с облегчением кивает. Он не может дождаться момента, когда он забудет о своей старой жизни. Меня это очень печалит, потому что он последнее, что связывает меня с прошлым. Люцифер отобрал у меня все. Мою сестру, мой дом, мою семью и веру в будущее.

Вместе с Сэмом и Лилит я отвожу Тициана к семье Паоло. Феникс не появлялся в квартире и этой ночью тоже, поэтому я за него переживаю. Когда я прошу Сэма отпустить меня на его поиски, он отказывает мне.

Я прощаюсь с Тицианом и долго обнимаю его. Родители Паоло не позвали меня в дом, возможно, потому, что побоялись Лилит и Сэма.

– Держи ухо востро, – говорит брату Семьяса. – Если тебе будет что-то нужно, приходи к Дворцу дожей и проси позвать меня. Ты можешь приходить к своим сестрам в любое время.

Тициан кивает, а затем следует в дом вслед за своим другом. Я отдаю родителям Паоло последние лиры, которые я обнаружила дома.

Лилит берет меня за руку, когда мы возвращаемся во дворец.

– Нет смысла постоянно грустить, – говорит она. – Нельзя вернуть то, что потеряно. Ты можешь оставить воспоминания в своем сердце, но они не должны решать за тебя и лезть в твое будущее.

Я смахиваю слезу с уголка глаза.

– Мне бы так хотелось уже позабыть об этом.

– Ты должна просто каждый день пытаться забыть. Однажды ты проснешься, и солнце станет светить капельку ярче.

Сэм кладет руку на ее плечо и целует ее в висок. Он ничего не говорит, но Лилит счастливо улыбается.

Глава XVII

Если я и надеялась, что когда-то обо всем позабуду, то я поняла, что это никогда не произойдет после того, как наблюдала за Люцифером и Стар на протяжении двух недель. Они так близки друг другу, как мы с Люцифером никогда не были. Стар не дразнит его, не провоцирует и не противоречит ему. При этом она не выглядит покорной – она больше похожа на женщину, которая уверена в своих чувствах и в своем месте в этом мире. Я задаюсь вопросом, от чего я вообще должна была защищать ее все эти годы. Не только Люцифер падает ей в ноги, но и все остальные ангелы. Все выглядит так, словно они нашли свою королеву. Так часто, как это только возможно, я прячусь в своей комнате. Люцифер никогда не говорит со мной, когда я в салоне, и мне кажется, что ему неприятно мое присутствие. Но я ключ, и он не может просто выгнать меня отсюда. Я, по крайней мере, пытаюсь сохранять нормальные отношения со Стар. Она ничего не знает о нашем совместном с Люцифером прошлом, да и если я расскажу ей об этом, это ничего не изменит. Это ведь были всего несколько ночей, поцелуев и прикосновений. Мы не можем ничего поделать с тем, что неизбежно влюбляемся, пытаюсь я себя уговорить. Но мне не удается. Какая-то часть меня в ужасе от эгоизма моей сестры. Я бы отдала за нее свою жизнь даже сегодня, а она увела у меня мужчину, которому я подарила свое сердце. Я ненавижу себя за свою ревность, но ничего не могу с этим поделать. Всю

свою силу я направляю на то, чтобы не позволить другим заметить того, как сильно меня ранили, но я не знаю, работает ли это.

К счастью, они не целуются на публике. Люцифер очень редко к ней прикасается. Однако мне кажется, что они не делают этого не из уважения ко мне. Я не такая наивная, чтобы верить в это.

Сегодня ночью я больше не могу сидеть в своей комнате. Вечером последователи Люцифера сидели в салоне, общались, играли и смеялись. А потом они улетели на бал в третий небесный двор. Стар выглядела очень красивой, когда пришла ко мне попрощаться. Люцифер ни разу не брал меня с собой в небесный двор; никто и не спрашивал меня о том, хочу ли я вообще туда отправиться. Они не исключают меня из своего общества, но день ото дня я чувствую себя здесь все более неловко. Я уже почти мечтаю о том, чтобы ангелы как можно скорее нашли последнюю девушку и чтобы все это уже оказалось позади. Как только Люцифер поймет, что я обманула его, он так или иначе будет меня ненавидеть. У меня было достаточно времени на размышления, и мне кажется, что его план сорвется, если я не смогу выговорить эти магические слова. То же самое произойдет и с планом других архангелов. Ворота не откроются, семь чаш гнева не прольются, а Люцифер не сможет получить свою четверть населения планеты.

Они убьют меня, но для меня смерть будет освобождением от вечной борьбы. Я так ужасно устала, что с радостью бы проводила каждый день в кровати, но Лилит и Наама не позволяют мне этого. Они заставляют меня есть и пить, хотя даже самые вкусные блюда для меня на вкус как бумага. Я с трудом засовываю в себя эту еду.

Когда снаружи становится совсем тихо, я заворачиваюсь в темную накидку Люцифера, которая все еще висит в моем шкафу. Мягкая ткань сама по себе никак не утешает меня. Она просто темная, а я хочу спрятаться. Я не могу больше оставаться здесь, потому что ненавижу чувствовать себя такой беспомощной. Я похудела, плохо выгляжу, а мои волосы хоть и немного отросли, все еще такие же жесткие и тусклые. Я бы предпочла жить на улице, чем здесь, в соседней комнате с Люцифером и моей сестрой. Кроме того, мне нужно разобраться с одним делом. Сейчас для этого самое время.

Никто не удерживает меня, когда я пробираюсь по коридорам мимо салона. Я открываю дверь. Стражников нигде не видно. Возможно, большинство ангелов сейчас на балу. Я сбегаю вниз по лестнице к главному входу. Здесь я уже вижу стражников, но они просто патрулируют площадь. Когда они отходят чуть дальше, я бегу прочь и прячусь в темноте. Только когда Дворец дожей оказывается вне моего поля зрения, напряжение отступает, и несмотря на опасность, поджидающую меня на улице, я впервые за много дней чувствую себя свободной. Я даже не знаю, куда хочу бежать. Поэтому я просто несусь куда глаза глядят. Я добираюсь до первых улиц Каннареджо. В этом районе ночью не все такое вымершее, как в других частях города. Из пары домов на улицу проникает свет и музыка, и я решаю посетить бар, в котором пару раз была с Алессио. Воспоминания об этом прожигают мне глаза. Я просто хочу забыться этой ночью каким угодно способом. Я толкаю дверь и захожу. В маленьком затхлом кафе почти не осталось посетителей. Мужчина, сидящий за барной стойкой, ненадолго поворачивается в мою сторону, а затем снова смотрит в свой стакан. Я захожу дальше в комнату и вижу за одним из

столов знакомый силуэт. Я быстро подхожу к нему, снимаю с головы капюшон и сажусь на лавку рядом с Фениксом.

Сначала он меня не замечает, а его внешний вид разбивает мне сердце. Его щеки впали так, будто он не ел уже много дней. Его длинные волосы распущены и растрепаны, а темные круги под глазами видны даже в этом тусклом свете. Это все немного жутко, потому что мне кажется, будто я смотрю на свое собственное отражение. Перед ним стоит пиво, и, судя по количеству пустых стаканов, оно было не первым. Наши отношения не были самыми теплыми, но внезапно он оказался единственным человеком, который все еще у меня остался.

– Привет, – здороваюсь я. – Как у тебя дела?

Он беззвучно смеется.

– Просто замечательно. Как же еще может быть?

Вдруг я становлюсь еще более сердитой, чем была до этого. Возможно, я когда-нибудь смирюсь с тем, как обошелся со мной Люцифер. Но он разбил сердце Фениксу, мужчине, который любил Стар всю свою жизнь. Человеку, который ухаживал за ней еще тогда, когда был совсем мальчиком.

Хозяин заведения подходит ко мне и громко ставит стакан на стол прямо передо мной. Пиво расплескивается на грязный стол. Я на самом-то деле ненавижу этот кислый и слегка горьковатый вкус, но сейчас я делаю большой глоток. Затем еще один, потом еще. И так, пока стакан не пустеет. Я как никогда раньше хочу ощутить одурманивающее действие алкоголя. Феникс молчит, пока я не ставлю стакан в сторону.

– Знаешь, она никогда не говорила, что любит меня. Я всегда думал, что любит, но, когда он забрал ее, я увидел, как она смотрит на Люцифера. Она никогда не смотрела на меня так! Ни разу за все эти годы, – он делает глубокий вдох.

Я бы, может, и попыталась переубедить его в этом, если бы сама не видела этого взгляда. Конечно видела, и не только это. Я наблюдала за тем, как между их сердцами протянулись нити, соединившие их друг с другом. Как будто их души ждали того, чтобы снова встретиться, хоть это и звучит как полный бред. Хозяин ставит еще один стакан пива передо мной, хотя я его не заказывала, и я снова выпиваю это мерзкое варево почти одним глотком.

– Ты не должна быть здесь, – говорит мне Феникс. – Как ты вообще пробралась сюда посреди ночи?

– Никто больше не интересуется тем, куда я иду, – говорю я, и мой голос звучит как-то странно. – Наверное, они уверены в том, что я хорошо себя веду и жду дня Апокалипсиса, сидя в своей комнате.

– Ты не должна бросать Стар, – требует Феникс. – Даже сейчас.

Как будто я собиралась!

Я подбираюсь к нему поближе.

– Я должна кое-что у тебя спросить.

Алкоголь сделал меня смелее, иначе я бы не стала задавать ему таких вопросов. Я все еще надеюсь, что мне все это показалось.

– Ты был на пиацетте в день, когда умер Алессио?

– Нет, я стоял у окна со Стар. Мы наблюдали за всем оттуда.

– Я видела кое-кого, – я продолжаю шепотом. – Кое-кого, кто вообще не должен был быть там.

Феникс поворачивает свою голову в мою сторону, словно в режиме замедленной съемки. Его глаза мутные, но все же настороженные.

– Это кого?

Я делаю глубокий вдох, потому что не хочу говорить этих слов. Затем я беззвучно говорю ее имя, одновременно с этим жестикулируя руками. Феникс качает головой.

– Это невозможно. Она умерла много лет назад.

– Она исчезла, и мы никогда не видели ее трупа.

– Ты хоть представляешь, сколько людей исчезло за последние годы? Их трупов тоже никто никогда не видел.

– Я знаю это. Но она стояла рядом со стенами, окружающими пирс, и она была одета в накидку Братства. Она говорила с Алессандрой, – шепчу я, потому что хочу, чтобы он верил мне. – Это была она!

Феникс поднимается с места и кладет стопку купюр на стол. Ему приходится держаться, чтобы не упасть.

– Забудь об этом, – требует он. – Ты скорбишь по Алессио, это все твой страх. Ты очень ошибаешься, и не смей давать Стар эту надежду.

Его взгляд становится почти диким, словно он хочет схватить меня и трясти до тех пор, пока я не пообещаю ему не делать этого. В тот же момент я замечаю, что в его глазах блестят слезы. Я бы так хотела его обнять!

Он отдает мне свой ключ от библиотеки.

– Он мне больше не нужен, – тихо говорит он. – Не приходи сюда больше. Это слишком опасно.

– Я не знаю, будет ли Стар вообще заинтересована этим фактом, если я расскажу ей об этом, – с вызовом говорю я, положив ключ в карман своей накидки. Я все равно не смогу поговорить с ней об этом, потому что Люцифер не спускает с нее глаз. А ему нельзя об этом рассказывать. Если она все еще жива, он вынесет ей смертный приговор, если она хоть как-то связана с Братством.

Феникс отмахивается и качается в сторону выхода. Он открывает дверь и, даже не обернувшись, уходит. Хозяин бара подходит ко мне и забирает деньги, не пересчитывая их.

– Мы уже закрываемся.

Я тоже встаю и падаю на стену, потому что пол подо мной шатается.

Мужчина хмурит лоб.

– В такое время ты должна находиться дома. – Его голос звучит так, будто он знаком со мной.

– Можно мне поспать на лавочке? – спрашиваю я, опасаясь, что в ином случае свалюсь с ног. Интересно, пиво всегда было таким крепким?

– Это запрещено. Если стражники заметят, что я даю ночлег бомжам, Консилио отберет у меня лицензию.

– Но я не бездомная! – возражаю я. – Я не хочу ходить по городу пьяной ночью!

– Надо было раньше думать об этом. Я не буду рисковать своим делом из-за твоей тупости.

– Ублюдок! – выкрикиваю я. Неужели все люди теперь думают только о себе?

Мужчина хватает меня за руку и выводит на улицу. Он выталкивает меня в темноту и громко хлопает дверью перед моим носом. Я слышу, как ключ поворачивается в замке, а затем все затихает. Утомленная, я прислоняюсь к стене. По Венеции не очень безопасно ходить пьяным и в одиночестве, а у меня даже нет оружия. Сомневаюсь, что мне посчастливится пробраться на площадь Сан-Марко незамеченной, ведь ночь уже опустилась на улицы города. Я сильнее укутываюсь в накидку, сопротивляясь искушению просто сесть у стены.

Я скорее ковыляю, чем иду, и меня не удивит, если хозяин бара что-то добавил мне в пиво, чтобы я не добралась до дома. При мысли об этом я хмурюсь. Где вообще мой дом? В библиотеке больше нет никого, кто ждал бы меня там. Да и во дворец я тоже возвращаться не хочу. Я останавливаюсь на месте, закрываю глаза и откидываю голову назад. Я больше не хочу видеть дворцы ангелов, слышать их музыку и думать о том, как они танцуют там наверху, как Стар обнимается с Люцифером.

Позади меня раздается тихий треск. Я больше не одна, всем своим нутром я чувствую надвигающуюся опасность. Теперь справа и слева от меня тоже что-то трещит. Значит, меня преследуют как минимум три человека. Я так устала.

– Кто это тут у нас? – я слышу тихий голос рядом с ухом. Чья-то рука ложится на талию, и меня одним движением притягивают к себе. Еще чьи-то шаги быстро ко мне приближаются. Еще мгновение я размышляю над тем, не позволить ли им сделать то, что им хочется. Может, хоть тогда все это

закончится. Но когда один из преследователей тянет меня за накидку, что-то внутри меня щелкает. Как же я от этого устала! От всей этой жизни. От людей, которые думают только о себе. От надменных ангелов, считающих нас своей собственностью, с которой они могут делать все, что хотят. От Феникса, который так просто сдается, даже не боровшись. От матери, которая покинула меня, но на самом деле никуда не уходила. Я бью мужчину, стоящего позади, локтем в лицо и сразу же шагаю вперед. Я поворачиваюсь и вижу летящий в мою сторону нож. Сонливость тут же как рукой сняло. Я хватаю его запястье и выворачиваю его. Мужчина кричит и роняет нож на землю. Один из моих противников уже смылся, но остальные двое приближаются. Они одновременно бросаются на меня и прижимают к холодному камню. Я пинаюсь, машу руками и кусаюсь. Весь гнев, который я сдерживала до этих пор, вымещается в этой борьбе. Мужчины задыхаются от напряжения, и кто-то из них время от времени вскрикивает, когда я попадаю в цель. Но всей моей злости недостаточно для того, чтобы защититься от трех мужчин, даже если во время жизни во дворце я стала сильнее и здоровее, чем эти потрепанные создания. Последние дни вымотали меня.

Нападающие видят, что мои силы на исходе, и снова пытаются стянуть с меня одежду. Моя губа треснула от удара, и я чувствую вкус крови на языке. Я столько крови уже видела в своей жизни! Постоянно эта кровь. Я прекращаю сопротивляться. Как бы я ни сражалась, будет только хуже. Мой взгляд направлен в небо. Дворцы ангелов закрывают вид на звезды. Даже их они у нас забрали. Кто-то из мужчин дергает меня за пояс брюк. Я пытаюсь вспомнить о летних днях с родителями, братом и сестрой. Об историях моего отца, лимонаде, который делала нам мать, и смехе Тициана. Я вспоминаю солнце, гревшее мое лицо, и рисунки Стар. Почти невероятно, как счастливы мы тогда были, даже несмотря на Вторжение ангелов.

Я чувствую мозолистую руку на своем животе, а затем слышу крик. На мое лицо капает какая-то жидкость, а мужчина, только что наклонявшийся надо мной, отшатывается в сторону. Меня и мужчин окружают чьи-то темные фигуры. Я слышу крики и всхлипывания перед тем, как пытаюсь встать, но мои ноги не слушаются. Я не понимаю, что именно происходит, но мне ясно одно: мужчины, напавшие на меня, сейчас умирают в грязи венецианских улиц. Ко мне на помощь пришла небольшая армия – на них темные плащи, и, к моему облегчению, у них нет крыльев. Я поднимаю с земли свои разорванные вещи и накидку и наконец встаю. Кто-то берет меня за руку, помогая. Когда я поднимаю голову, я вижу ужасно знакомые глаза. Значит, я не ошибалась. Я действительно видела то, что видела. Женщина, стоящая напротив меня, – это тот же человек, который общался с Алессандрой в день теракта. Женщина, оставившая меня много лет назад, спасла меня сегодня.

– Было очень неразумно с твоей стороны разгуливать по улицам ночью, – говорит она тем же голосом, которым ругала нас со Стар, когда мы слишком много съели.

Мои ноги снова подкашиваются, и она ловит меня. Еще секунду она крепко меня держит, и я вдыхаю знакомый запах розмарина и ванили. Запах моего детства. Когда я была маленькой, я любила наблюдать за тем, как она расчесывает волосы и мажет руки и ноги кремом, пахнущим ванилью.

– Мама.

Я так скучаю по ее объятиям, что тяну к ней руки, но она отталкивает меня.

– Ты должна вернуться во Дворец дожей, пока они не заметили твоей пропажи.

Я качаю головой:

– Я не могу. Можно мне остаться с тобой? – спрашиваю я, словно маленький ребенок. Я много лет ее не видела. После ее исчезновения я сначала злилась на нее, потом грустила, потом отчаялась. Мне всего лишь хочется, чтобы она обняла меня и сказала, что она сама обо всем позаботится. Но она этого не делает.

– У каждого из нас свое задание в этой борьбе, – говорит она вместо этого. – У меня мое, а у тебя – твое. Ты должна вернуться во дворец и присматривать за сестрой.

Я отшатываюсь назад и громко смеюсь. Опять все дело в Стар! Ее здоровье и счастье всегда были важнее меня.

– А за мной кто присмотрит?

Мать кладет руку на мою покрытую шрамами щеку. Это необычайно интимный жест.

– Она нуждается в нашей защите больше, чем раньше. Ее роль важнее, чем наши с тобой.

– Конечно, – горько говорю я. Сколько вопросов бы я хотела ей задать! Я хочу узнать, почему она нас покинула. Почему она переложила на мои плечи груз ответственности? О чем она умолчала? Почему Алессио должен был умереть? Но я не получу ответа на эти вопросы. За все эти годы она ни капли не изменилась. Может быть, она стала более строгой и жестокой.

– Мы отведем тебя обратно во Дворец дожей. Ты никому не расскажешь о том, что случилось. И никому не скажешь, кто спас тебя. Своим неблагоразумием ты подвергла нас всех опасности.

Я оглядываюсь. Несколько фигур в капюшонах молча стоят неподалеку. Остальные уносят прочь безжизненные тела мужчин, напавших на меня.

– Как скажешь, – подавленно говорю я. Я ступаю прочь.

Моя мать идет рядом, а позади нас звучат шаги ее сопровождающих. Я больше не задаю вопросов, и мы подходим к площади Марка, оказываясь позади арены. Мне кажется, будто рядом со мной незнакомка.

– Дальше ты можешь идти одна, – мать останавливается на месте.

– Спасибо, – говорю я. – За то, что ты меня спасла.

Она гладит меня по волосам:

– Я никогда не хотела, чтобы с тобой что-то случилось. Я все эти годы была рядом с тобой, и, надо сказать, я горжусь тем, что ты так хорошо выполняешь свое задание.

Ее слова поражают меня, и на мгновение я даже не знаю, что ответить. Но я все же должна задать ей один вопрос.

– Почему ты пожертвовала жизнью Алессио? – Я не знаю, какую роль она играет в Братстве, но она должна была попытаться предотвратить его смерть.

Я вижу, как в ее глазах сверкает искра чувства вины. Но она исчезает так же быстро, как и появилась.

– Я не хотела, чтобы он погиб. Зачем он пытался помешать Алессандре? Целью теракта были Нерон и члены совета.

– Там сидела Фелиция. Вы хотели и ее убить?

– В бою приходится жертвовать невинными людьми. Осознание этого приходит со временем.

– Сколько еще? Это никогда не кончится?

– Только тогда, когда мы уничтожим последнего ангела. – В ее голосе столько ненависти, что я отступаю. Моя мать поднимает руку, но не прикасается ко мне. А затем она исчезает в темноте вместе со своими соратниками.

Я бегу мимо арены, освещаемой лунным светом, и размышляю над тем, чтобы сбежать в библиотеку. У меня есть ключ, и там я могла бы спокойно подумать обо всем. Но когда я заворачиваю за угол, я вижу перед собой пиацетту. Бесчисленное множество ангелов стоят там, держа в руках факелы. Я замечаю Форфакса и Семьясу. Лилит и Наама в бальных платьях.

Кальцас первым меня замечает. Его глаза округляются.

– Она здесь! – кричит он. Остальные ангелы поворачиваются в мою сторону, но никто не двигается. Кроме Стар, которая вырывается из объятий Люцифера и бежит ко мне. Она останавливается, не добравшись до меня. Ее глаза огромные от ужаса. Видимо, я ужасно выгляжу.

– Мне хотелось погулять, – говорю я, как будто гулять по Венеции по ночам – совершенно нормально. – Тебе понравилось на празднике?

Она недоверчиво качает головой и проводит пальцем по моей щеке. Когда она убирает руку, с нее капает кровь.

«Что случилось? Ты поранилась?»

Она разжимает мои пальцы, все еще придерживающие накидку. Накидка расходится, обнажая мою разорванную блузу.

– Это…

Я не могу закончить предложение, потому что в этот момент рядом с ней оказывается Люцифер. Его взгляд скользит по моей полуголой коже, и я снова кутаюсь в накидку. Я не могу вынести отвращения, которое выражает его лицо. Я представляю, что он видит. Изуродованная, испачканная кровью девушка, которая выглядит так, будто ее только что изнасиловали. Я не такая чистая, как Стар. У меня слишком много ран, внутри и снаружи. И я не могу их спрятать.

– Кто это сделал? – Его холодный голос пробирает до костей.

– Они уже мертвы, – отвечаю я, выпрямляясь. – И выглядят похуже меня.

– Если ты еще хоть раз осмелишься покинуть Дворец дожей без защиты и моего личного разрешения, я собственной персоной запру тебя в темнице. Если я даю тебе определенные свободы, это не значит, что ты можешь вытирать об меня ноги.

Стар кладет руку на его плечо в успокаивающем жесте. Он поворачивается к ней, а ревность заставляет меня вскипеть.

– Вот и сделай это! – шиплю я. – Запри меня в темнице! Ты так или иначе даже смотреть на меня не можешь. Какая разница, где я буду ждать открытия врат рая.

Крылья его носа дрожат, и мне кажется, что он вот-вот схватит меня и поведет в тюрьму, но я не могу остановиться.

– Вам нужно, чтобы я всего лишь сказала пару слов. Для этого мне понадобятся только голосовые связки. Все остальное вы вполне можете сломать. Я же для вас мусор, который вы используете и выбрасываете.

Под его крыльями клубится черный дым, а само оперение вспыхивает огнем. Его злость настолько ощутима, что я проклинаю себя за то, что открыла ему свои чувства. Но ему наверняка плевать на это. Он подходит ко мне совсем близко.

– А ты разве не использовала меня так же, как я тебя? – спрашивает он, и его губы касаются моего уха. – Ты хотела защитить своих людей, а я – своих. И ты упрекаешь меня в этом? Мне кажется, мы квиты.

Я открываю рот, чтобы возразить ему, но не могу этого сделать. Потому что я действительно его использовала. Я шпионила за ним и пыталась разузнать его тайны. И он это знал. Почему он никогда не говорил мне об этом?

Наама подходит ко мне, прежде чем я успеваю еще что-то сказать.

– Я отведу ее в комнату, – говорит она, обращаясь к нему. – Можешь завтра рассказать ей о том, какая она неразумная. При этом тебя тоже можно назвать этим же словом.

– Завтра я перейду в небесный двор Михаэля, – сообщаю я уверенным голосом. – Выбирать двор, в котором я хочу жить, – мое право. И я выбираю четвертый небесный двор.

Возбужденные голоса других ангелов вдруг умолкают, а огонь на крыльях Люцифера меняет свой цвет с красного на раскаленный белый. Лилит качает головой, а Сэм становится бледным как мел. Но они не могут отказать мне в этом желании. Мне плевать, чего требует моя мать, и плевать, нужна я Стар или нет. Я больше и дня рядом с ним не выдержу.

Наама просто берет меня за руку и уводит прочь.

– К слову, – говорит она, когда мы поднимаемся по лестнице, ведущей в покои Люцифера, – ты выглядишь так, будто пришла с бойни или праздника жертвоприношений. Что за люди ранили тебя?

– Они не смогли этого сделать.

Есть только одна личность, которая может ранить меня. И она уже давно это сделала.

– Я думала, что Люц в обморок упадет, когда мы вернулись, а тебя не было в комнате. Только тебе удается доводить его до белого каления. Завтра он будет читать тебе нотации, но ты сильно его не бойся. Он ведет себя неправильно, и он сам знает об этом.

– Но ему придется отпустить меня.

Мы подошли к двери моей комнаты. Мой уход был бы просто спасением. Для него, для Стар, для меня. Мое сердце сжимается при мысли об этом. Я больше не буду видеть его каждый день.

– Я хочу уйти отсюда. Он позволит мне это?

Наама обеспокоенно смотрит на меня.

– Он не вправе решать за тебя. Это твое решение.

Я чувствую облегчение. Есть хоть что-то, что я могу решить сама. Я не марионетка, за ниточки которой нужно дергать, чтобы она танцевала. Я не хочу, чтобы мне говорили, что делать, а что нет. И это касается и Пьетро, и моей матери, и Люцифера.

– Наама? – кричит он с другого конца коридора. – В мой кабинет!

Она вздыхает и грустно улыбается:

– Эх, если бы ты видела его тогда в раю. Он бы тебе понравился, тогда он еще не был таким невыносимым.

Я бы улыбнулась ей в ответ, но у меня не получается.

– Я рада, что мы с тобой стали подругами. Ты совсем не такая противная, как я раньше думала.

Несмотря на кровь на моем теле, Наама обнимает меня.

– Я тоже этому рада.

Она отстраняется от меня и идет к Люциферу, его серые глаза впиваются в меня. Мы смеряем друг друга взглядами, пока оба ангела не оборачиваются и не уходят. После я надеваю свежие вещи. Когда я ложусь в кровать, я думаю о своей матери и о том, что для меня значит то, что она рядом. Возможно, не стоит пытаться разузнать о ней больше. Но я уже устала от всех этих тайн.

Руки гладят мое тело. Поцелуи обжигают кожу. Я провожу пальцами по шелковистым волосам Люцифера и притягиваю его ближе. Он тихо стонет, и он еще более страстно целует меня. Так страстно, словно он ведет борьбу, которую очень хочет выиграть. Я чувствую вкус отчаяния и горя. Он не просто целует, он пожирает меня. Его рука гладит меня по животу, и меня охватывает пламя. Когда он кусает мою губу, я наклоняюсь в его сторону. Я чувствую его на своей мягкой коже.

– Я всегда буду с тобой, Мун, – говорит он, пока его губы исследуют мое тело. – Ты должна довериться мне. Я не вынесу, если с тобой что-то случится.

Я извиваюсь от его ласк и хочу еще больше. Потому что мне нужно больше Люцифера. Когда наши губы снова соприкасаются, мне кажется, что рай и ад соединяются в этом поцелуе. В нем столько сладости и столько боли, что я не могу этого выдержать. Я обхватываю его руками и ногами, но знаю, что не могу вынести этого.

Задыхаясь, я просыпаюсь, открываю глаза и смахиваю слезы с лица. Иногда сны хуже реальности. Мне кажется, что я все еще чувствую в воздухе его шоколадный запах, но я одна. Я одинока, как никогда прежде. Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Все люди и ангелы, которым я доверяла, предали меня или оставили меня в беде. Сегодня это закончится. Как и все люди во всем мире, с сегодняшнего дня я буду думать только об одном: о себе.

Примечание автора

Чтобы написать книгу, как известно, нужна не только писательница, но и целая группа поддержки. Я могу назвать себя счастливицей, потому что у меня такая прекрасная команда. Во-первых, это мои муж и дети. Муж берет на себя столько работы по дому, что мне приходится оттаскивать его от плиты, когда я сама хочу что-нибудь приготовить. А со своими детьми мы

распутываем столько разных сюжетных поворотов! А еще они мои самые строгие критики.

За то, что у меня есть столько времени на писательство, я благодарна моему редактору – всемогущей Николе Хотель, которая подлатала мой сайт, провела всевозможные дополнительные работы. Спасибо ей за классные карты Мары и книжную ярмарку. Она углублялась в мои тексты и делала их лучше.

Мои замечательные девочки, тестовые читатели, всегда старательно и прежде всего очень быстро добавляют свою ложку дегтя в бочку меда, чтобы я ни в коем случае не попала в цейтнот и опубликовала книги в назначенный день. Не забуду я и Джил с Николь, которым приходилось терпеть мою забывчивость и корпеть над текстами, чтобы не было пропущено ни одной запятой.

Как вы поняли, в одиночку я бы была обречена. Вы закончили читать вторую часть моей саги об ангелах, и я могу гарантировать вам, что писала гораздо дольше, чем вы читали. Третья часть, которая станет завершением серии, уже в процессе написания, хотя в этот раз мне будет ужасно сложно расстаться с главными героями, ведь я впустила их в свое сердце. Я надеюсь, что кто-нибудь из них все-таки образумится в третьей части. Меня часто спрашивают, знаю ли я, чем закончится история. Вот что я могу сказать. Знаю, но…

То, что я придумала, еще не обязательно сбудется на бумаге. Для меня это всегда захватывающе и увлекательно. Пока вы ждете, можете почитать мои другие книги, если вы еще не все прочитали, потому что читать – это все равно что видеть сны с открытыми глазами.

Ваша Мара

Справочник персонажей

Люди

Мун де Анджелис: главная героиня, кандидат Люцифера на испытаниях ключей.

Стар де Анджелис: сестра-близнец Мун.

Тициан де Анджелис: младший брат Мун.

Алессио: лучший друг Мун, врач.

Феникс Бертони: главарь венецианской банды, влюблен в Стар.

Альберта: доверенное лицо Пьетро Андреаси.

Пьетро Андреаси: венецианский врач, главврач больницы.

Мария Томази: подруга Мун, работает на рынке.

Павел Томази: муж Марии, гондольер.

Стефано Росси: муж Суны.

Суна Росси: женщина, спасенная Мун на арене.

Кьяра Росси: школьная подруга Тициана, дочь Стефано и Суны.

Нерон де Лука: председатель венецианского Консилио, совета десяти.

Фелиция де Лука: дочь Нерона, некогда лучшая подруга Мун, кандидат архангела Михаэля на испытаниях ключей.

Алессандра Бертольдо: террористка, член организации «Братство света».

Иза: продавщица рыбы на рынке Меркато.

Сильвио: контрабандист, племянник Альберты.

Рикардо: стражник во Дворце дожей, пытается изнасиловать Мун.

Алисия: кандидат Фануэля на испытаниях ключей – выживает.

Донна: кандидат Габриэля на испытаниях ключей – выживает.

Эрин: кандидат Натанаэля на испытаниях ключей, умирает во время первого испытания.

Изабель: кандидат Уриэля на испытаниях ключей, умирает во время второго испытания.

Майя: кандидат Рафаэля на испытаниях ключей, умирает во время второго испытания.

Фабио: парень Алисии, на последнем испытании Мун спасает его жизнь.

Антония: служанка во Дворце дожей, кающаяся.

Ангелы

Кассиэль: принц четвертого небесного двора.

Люцифер: архангел пятого небесного двора.

Семьяса: лучший друг Люцифера.

Рафаэль: архангел второго небесного двора.

Габриэль: архангел первого небесного двора.

Михаэль: архангел четвертого небесного двора.

Нуриэль: ангел четвертого небесного двора, военачальник армии Михаэля.

Наама: женщина-ангел, приспешница Люцифера.

Балам: падший ангел, пятый небесный двор.

Серафиэль: верховный серафим.

Уриэль: архангел седьмого небесного двора.

Натанаэль: архангел третьего небесного двора.

Фануэль: архангел шестого небесного двора.

Сариэль: женщина-серафим, жена Серафиэля, некогда любовница Люцифера.

Гамалиэль: ассистент Габриэля, ведет аукцион кандидаток испытания ключей.

Кальцас: ангел-воин пятого небесного двора.

Дамеаль: ангел пятого небесного двора.

Форфакс: ангел пятого небесного двора, учил людей астрономии.

Амудиэль: последователь Люцифера.

Хананель: последователь Люцифера.

Иерархия ангелов

Серафим – первый ранг ангелов, шесть или восемь крыльев в огне, они ближайшие к Богу, стоят у его трона.

Херувим – второй ранг ангелов, это стражи, охраняющие врата рая, шесть или четыре крыла, у них есть огненные мечи. Они пытаются предотвратить возвращение Люцифера в Сад Эдема.

Трон – третий ранг ангелов, это самые странные ангелы, потому что они похожи на горящие факелы.

Господа – четвертый ранг ангелов, они управляют небесным орденом. Это чиновники небесных дворов.

Власти – пятый ранг ангелов, они контролируют движение солнца, луны и звезд.

Силы – шестой ранг ангелов, они защищают небо от нападения демонов и приспешников Люцифера, большая часть сил, правда, присоединилась к Люциферу во время небесной войны.

Князи – седьмой ранг ангелов, они должны защищать города и людей.

Архангелы – восьмой ранг ангелов, четыре или два крыла, их задание – защитить людей от Люцифера и встать на их сторону.

Ангелы – девятый ранг. Это ангелы, которые несут службу: ангелы-посыльные, ангелы-истолкователи, ангелы-воины, ангелы-мстители, тайные ангелы, ангелы-писатели, ангелы-защитники, ангелы-хранители, ангелы смерти, ангелы-охранники.

Девятнадцать ключей

1. Ключ исполнения.

2. Ключ самопознания.

3. Ключ явления.

4. Ключ эгоизма.

5. Ключ искушения.

6. Ключ жертвенности.

7. Ключ разделения.

8. Ключ постоянства.

9. Ключ перемен.

10. Ключ зависти.

11. Ключ одиночества.

12. Ключ славы.

13. Ключ сомнения.

14. Ключ мужества.

15. Ключ веры.

16. Ключ предательства.

17. Ключ высокомерия.

18. Ключ мудрости.

19. Ключ голоса.

Если вы хотите узнать, откуда у меня появились такие «обширные» знания в мифологии ангелов, вы можете почитать об этом в следующих книгах:

Джованни Гриппо «Книга ангелов», Джованни Гриппо «Книга стражей», Иоанн фон Киршнер «Учебник мистической Каббалы», Джованни Гриппо «Книга Разиэля», Андреас Готтлиб Хоффман «Енохианская книга», Флемминг «Енохианская книга», Библия и другие.

Это были основные предложения. Я прошу вас не забывать о том, что книга перед вами – фантастический роман.

* * *

notes

1

Кантуччини – это вид печенья, распространенного в Тоскане. Готовится из муки, сахара, масла, яиц с добавлением миндаля. Тесто формируют в виде батона, запекают, потом разрезают на ломтики и снова запекают.

2

Вариант слова «исполин».

3

Якопо Робусти, более известный как Тинторетто (итал. Jacopo Robusti, Jacopo Comin, Tintoretto; 1518 или 1519–1594) – живописец венецианской школы позднего Ренессанса, соединивший в своем творчестве колорит Тициана и пластику Микеланджело. Важнейшим государственным заказом для Тинторетто стали росписи во Дворце дожей после пожаров 1574–1577. Скорее всего, речь идет о работе «Рай» 1579 года (Париж. Лувр). Также на работах «Укрытие тела св. Марка» 1562–1566 годов (Венеция. Галерея Академии) и «Нахождение тела св. Марка» 1562 года (Милан. Пинакотека Брера) изображен архитектурный ансамбль Дворца дожей и церкви Сан-Марко.

4

Чиабатта – итальянский белый хлеб из пшеничной муки, особенностью которого являются хрустящая корочка и мякоть с крупной, неравномерно распределенной пористостью.

5

Венецианский карнавал проводится в Венеции в феврале. Последний день карнавала – Жирный вторник, за которым следует сорокадневный пост перед Пасхой.

6

У венецианского карнавала есть особая программа зрелищ, многие из которых не меняются на протяжении веков. Один из таких элементов – Полет Ангела. Раньше по канату, натянутому над площадью Сан-Марко, проходила самая красивая девушка. По легенде, этот трюк впервые выполнил безымянный акробат, одетый в костюм с крыльями за спиной, пройдя по канату от колокольни собора на 100-метровой высоте через всю площадь. В наши дни традиция, конечно, видоизменилась: на стальном тросе с колокольни спускают Ангела, роль которого исполняет самая красивая девушка фестиваля Мария прошлогоднего венецианского карнавала. На театральной сцене ее встречает дож.